УДК 947
ББК 63.3(2Р–6М)

Печатается по решению Ученого совета
МГПИ им. Н.К. Крупской

Рецензенты:
кандидат исторических наук, профессор
Г.Н. АЙПЛАТОВ,
кандидат исторических наук, доцент
А.А. АНДРЕЯНОВ

Научный редактор
кандидат исторических наук
О.Н. СУТЫРИНА

*Автор выражает благодарность **А. А. Баранюку** за содействие в издании этой книги.*

В монографии, на основе многочисленных документальных источников и литературы, рассматривается полная драматизма история Марийского края и Среднего Поволжья периода XV—XVI веков. Показано положение марийского и других народов региона в составе Казанского ханства. Подробно освещаются русско-казанские и русско-марийские отношения, рассмотрен вопрос о причинах и обстоятельствах присоединения Марийского края и всего Поволжья к России.

Рассказывается о драматических событиях второй половины XVI в., получивших наименование «эпохи черемисских войн». Анализируются сложные международные отношения в Восточной Европе. В книге затронут вопрос о том, как складывалась государственная национальная политика России, показан сложный процесс становления межнациональных отношений.

Предназначена специалистам-историкам, учителям истории, студентам и всем интересующимся историей Марийского края, Среднего Поволжья, России.

ISBN 5–87898–035–5
ЛР № 010069 от 3.02.97 г.

© А. Г. Бахтин

Введение

XV—XVI века стали переломными в российской истории. Это было время великих свершений и чудовищных репрессий, расцвета культуры, подъема экономики и бесконечных кровопролитных войн, экономического кризиса, неисчислимых народных бедствий и страданий, впечатляющих побед и горьких поражений. В начале XV века Русь еще была разделена на враждующие друг с другом феодальные княжества, зависимые от воли золотоордынских ханов и не всегда способные противостоять иноземным вторжениям. На рубеже XV—XVI вв. русские земли уже объединились в единое государство, сбросившее с себя позорное ордынское иго и вставшее на путь интенсивного экономического, политического и культурного развития. К концу XVI столетия Российское государство превратилось в великую державу, раскинувшуюся от Балтики до Сибири и от Ледовитого океана до кавказских предгорий. Если в начале XV века Россия только еще готовилась заявить о себе, то на исходе XVI столетия ее силы уже были подорваны решением непомерных задач. Россия с трудом преодолевала катастрофические последствия неудач, еще не зная, что новый XVII век уготовил ей другие не менее тяжкие испытания.

По воле судьбы важнейшие события истории Российского государства XV—XVI вв. тесно связаны со Средним Поволжьем и Марийским краем, где длительное время происходило столкновение политических интересов различных восточноевропейских и азиатских стран. Следствием напряженного и ожесточенного противоборства стало вхождение всего Поволжья и населяющих его народов в состав России, чем было положено начало созданию многонациональной структуры Российской империи.

Происходившие в XV–XVI вв. в Поволжье и Марийском крае события были сложны и противоречивы по своему характеру и значению и до сих пор по-разному трактуются исследователями. Автор поставил перед собой задачу дать собственное и во многом отличное от традиционного изложение истории Марийского края за период XV–XVI веков. Преимущественное внимание уделяется вопросам политической истории края и всего Средневолжского региона, что диктуется характером содержащейся в источниках информации. В книге поставлена цель выяснить роль марийского народа в истории региона; осветить политику Казанского ханства в отношении марийцев; проанализировать российско-казанские конфликты; определить характер и причины присоединения Среднего Поволжья к Российскому государству; рассмотреть политику царского правительства в отношении нерусских народов региона. Одной из целей является исследование начального этапа процесса интеграции марийцев в систему Российской государственности и складывания межнациональных отношений, делается попытка определить значение присоединения.

Историю Марийского края за период XV—XVI веков автор рассматривает неразрывно с происходившими в Восточной Европе политическими процессами, что позволяет намного лучше разобраться в необычайно сложной обстановке того времени и проследить взаимосвязь отдельных событий, а это, в свою очередь, дает возможность представить историю Марийского края указанного периода наиболее полно. С учетом того, что в источниках марийцы упоминаются только под этнонимом «черемисы», автор считает оправданным использование его как синонима наряду с самоназванием народа «марийцы». Необходимость использования этнонима «черемисы» продиктована еще и тем, что так в источниках часто именовались чуваши и удмурты, поэтому не всегда можно быть уверенным, что речь идет только о марийцах.

Автор надеется, что читатель, ознакомившись с книгой, узнает много полезной и ценной информации по истории Марийского края, Среднего Поволжья и России в целом.

Историография и источники

Книга писалась с учетом достижений отечественной и зарубежной историографии и на основе большого круга опубликованных и находящихся в архивах источников.

К проблемам истории Марийского края данного периода ученые обращались еще в XVIII—XIX вв. В трудах дворянских историков В.Н. Татищева, М.М. Щербатова, Н.М. Карамзина, И.Н. Болтина, П.И. Рычкова прослеживается еще сильное влияние летописной традиции. Они стояли на апологетических позициях к царской власти. Отношение дворянских историков к «черемисе» обычно отрицательное, хотя и делались попытки объяснить их упорное сопротивление русскому завоеванию желанием отстоять независимость и недовольством чиновничьим произволом.

Более обстоятельно историей Среднего Поволжья занялись во второй половине XIX века. С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, Н.И. Костомаров, Н.К. Баженов значительное внимание в своих работах стали уделять процессу русской колонизации восточных окраин. В их трудах содержится характеристика восточной политики Русского государства, неоднократно затрагиваются сюжеты из истории марийского народа[1].

Первой попыткой освещения истории марийцев стал краткий исторический очерк казанского этнографа А.И. Артемьева, написанный преимущественно на фольклорном материале[2]. В 1866 г. вышла весьма содержательная работа казанского профессора Н.А. Фирсова «Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве», в которой автор впервые специально обратился к истории коренных народов Поволжья, Урала и Севера. Он рассматривает такие вопросы как аграрная, фискальная и христианизаторская политика русского правительства в отношении «инородцев», правовое и экономическое положение служилых и ясачных людей. Автор приходит к выводу, что в Московском госу-

дарстве оно не очень сильно различалось у русских и нерусских крестьян. Одним из основных направлений политики московских властей, по мнению Н.А. Фирсова, было привлечение нерусских народов на свою сторону[3]. Книга представляет большую ценность, однако обобщения не всегда позволяют проследить специфику царской политики в отношении населения отдельных областей.

Весьма подробно на истории колонизации Поволжья и марийского края остановился одесский ученый Г.И. Перетяткович[4]. В своей монографии «Поволжье в XV—XVI вв.» он освещает русско-казанские взаимоотношения, показывает различные аспекты царской политики в регионе, отмечает особую роль народной колонизации.

О распространении русской колонизации на восток писали С.В. Ешевский, М.К. Любавский и многие другие[5].

О марийцах писали и вятские историки А. Андриевский, А.И. Вештомов, С. Васильев, Н. Бехтерев, А.В. Верещагин и А.А. Спицин. В их работах содержится немало интересного фактического материала, извлеченного из разнообразных источников[6].

Начальная история распространения христианства в Поволжье нашла отражение в трудах историков церкви И.М. Покровского, А.Ф. Можаровского и А. Хрусталева[7]. Ими отмечены трудности распространения православия среди поволжских народов и сделан вывод о скромных успехах христианизаторской политики.

Первое значительное исследование, относящееся непосредственно к Марийскому краю, появилось в 1889 г. Это была книга казанского историка И.Н. Смирнова «Черемисы». Она писалась преимущественно на этнографическом и фольклорном материале, однако ученый поместил в нее краткий исторический очерк. Автор обращает внимание на различия в экономическом и политическом положении горных и луговых марийцев. Этими различиями он совершенно справедливо, по-нашему мнению, объяснял неоднозначное отношение марийцев к присоединению Поволжья к Русскому государству. В то же время некоторые гипотезы, основанные на этнографическом материале и топонимических наблюдениях, небесспорны.

В 1891 г. другой казанский историк, Н.П. Загоскин, впервые специально обратился к изучению восстания 1552—1557 гг. в Среднем Поволжье. По его словам, это был «отчаянный кровавый мятеж; борьба на смерть угасающего Казанского царства с надвигающеюся на него московскою силою». Н.П. Загоскин полагает, что восстание было вызвано подстрекательством мусульманских стран и тем обстоятельством, что «инородцам хорошо жилось под властию Казани», и они поэтому «всегда деятельно поддерживали своих властителей»[8].

Провозглашенное большевиками после Октябрьской революции 1917 г. право наций на самоопределение и новое административное деление страны по национально-территориальному принципу пробудили интерес к истории отдельных народов. Уже в первые годы Советской власти

профессорами, стоявшими на демократических позициях, были написаны работы по истории отдельных народов Поволжья. В 1919—1920 гг. в Казани вышли книги Н.В. Никольского и Н.Н. Фирсова[9]. Исследователям удалось, на наш взгляд, найти верный путь в понимании проблем истории Поволжья. Продолжая либеральные традиции в историографии, они поставили интересные вопросы и пришли к оригинальным, отличающимся объективностью выводам в оценке роли марийцев в событиях XVI в. В своих исследованиях они усилили социально-экономический фактор и уделили повышенное внимание истории сопротивления народов Поволжья завоевательной политике царизма. Н.Н. Фирсов особо выделил значение экономических мотивов в завоевании, при этом на первое место выдвигались интересы «торгового капитала», стремящегося поставить под контроль волжский торговый путь. В книгах ученых собран значительный фактический материал, который, впрочем, не всегда критически оценивается. До своей смерти в 1934 г. Н.Н. Фирсов успел издать еще несколько кратких очерков по истории Поволжья[10]. В последних работах Н.Н. Фирсова чувствуется сильное влияние школы «экономического материализма» М.Н. Покровского, выступавшего с резкой критикой завоевательной и национально-колониальной политики царизма и считавшего восстания второй половины XVI в. в Среднем Поволжье элементарной «народной войной» за независимость[11].

20-е гг. XX в. были временем относительного плюрализма и сосуществования различных мнений. В исторической науке имелись разнообразные точки зрения и направления. Ученые искали новые подходы в освещении истории, и на первых порах общим было лишь негативное отношение к политике царизма в колонизируемых областях. Однако очень скоро историческая наука стала использоваться в политических целях, что неизбежно вело к разного рода фальсификациям. В условиях огульной критики прошлого в автономиях Поволжья активное развитие получило так называемое националистическое направление. Работы этой группы историков, как правило, отличались низким профессионализмом, вольным толкованием фактов и крайней тенденциозностью. Следует выделить монографию казанского исследователя М.Г. Худякова «Очерки по истории Казанского ханства», вышедшую в Казани в 1923 г. Вплоть до недавнего времени она оставалась единственным специальным исследованием по истории этого феодального государства. Книга написана интересно и содержательно, на основе значительного круга источников и научной литературы, что неизменно привлекает внимание читателей и послужило причиной многократных переизданий. Однако критикуя дворянско-буржуазную русскую историографию за апологетику царского режима, автор впал в другую крайность, всесторонне одобряя и оправдывая действия казанцев. Основное внимание в книге уделено татарам и русско-казанским отношениям, истории марийцев и иных нетатарских народов он касается лишь попутно.

В книге марийского историка Ф.Е. Егорова «Материалы по истории народа мари», вышедшей в 1929 г., и в нескольких предшествовавших ей статьях основное внимание уделено как раз истории марийского народа[12]. По мнению Ф.Е. Егорова, XV—XVI вв. были героическим периодом в истории марийцев. Их он представляет могучим свободолюбивым народом, мужественно отстаивающим свою независимость. При этом автор весьма вольно обращается с фактами. Без тени сомнения он относит к марийцам целый ряд финно-угорских народов, идеализирует прошлое и считает, что основное содержание древней истории мари заключается в борьбе против соседей и, в первую очередь, против русской экспансии. Походы русских князей против поволжских народов, по мнению Ф.Е. Егорова, производились единственно «с целью грабежа или для «примучения» этих народностей»[13]. Присоединение края к России принесло марийскому народу лишь национальный, социальный, экономический и религиозный гнет,–полагает Ф.Е. Егоров. В то же время книга богата фактическим материалом, при ее написании автор использовал собранный им лично фольклор.

В конце 20-х гг. вышло несколько работ марийского ученого М.Н. Янтемира[14]. В его книгах содержится разносторонняя информация по экономике, географии и истории Марийской автономной области. Автор отмечает особую роль марийцев в истории Среднего Поволжья, но освещает прошлое народа мари несколько идеализированно. Им противопоставляется период истории края до присоединения к России периоду нахождения под гнетом царизма, что привело марийский народ, по мнению автора, к культурной и экономической отсталости, к темноте и забитости. Исторические очерки писались М.Н. Янтемиром почти исключительно на основе фольклорного материала, что снижает их научную значимость.

На историю марийцев обращали внимание и некоторые московские ученые. В 1938 г. А.А. Савич опубликовал небольшую статью, в которой он стремился показать «формы агрессивной политики русских князей» в отношении марийского народа[15].

В 30-е гг. произошли коренные изменения в научных исследованиях. С укреплением диктаторского режима И.В. Сталина и ЦК ВКП(б) началось подавление свободомыслия в стране. Практически все исследователи, занимающиеся историей народов Поволжья, были обвинены в национализме и репрессированы, многие из них навсегда исчезли в застенках НКВД и системе ГУЛАГа. Оказавшаяся под жестким партийным контролем историческая наука была мобилизована на фронт идеологической борьбы и поставлена на службу строительства социализма. В условиях безраздельного господства сталинского догматизма выводы исследователей впредь в обязательном порядке должны были ориентироваться на конъюнктурные идеологические установки коммунистического руководства СССР. В 1934 г. И.В. Сталин в своей книге «Марксизм и национально-колониальный вопрос» указал, что «интересы обороны от нашествия ту-

рок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия»[16]. Сталинское положение надолго стало ориентиром в научных исследованиях. В те же годы вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР», а в 1937 г. появилось постановление правительственной комиссии, в котором указывалось, что в конкретно исторических условиях переход отдельных народов под власть России был «все же наименьшим злом» по сравнению с возможным турецким или персидским завоеванием[17]. Направляющими документами при разработке истории народов Поволжья стали постановление ЦК ВКП (б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» и обкома партии Татарской АССР от 6 октября того же года «О работе и ошибках Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории».

После этого, хотя и продолжали сохраняться утверждения о национально-колониальном угнетении царизмом нерусских народов, и часто приводилось образное ленинское определение многонациональной Российской империи как «тюрьмы народов»[18], многие положения дореволюционной историографии были реабилитированы, и оценки присоединения Поволжья к России стали более мягкими. Оно трактовалось как «наименьшее зло», избавившее народы Поволжья от неминуемого более жестокого иноземного завоевания. Вскоре был сформулирован тезис о дружбе народов нашей страны во все эпохи. В историографии повышенное внимание стали обращать на турецко-крымскую угрозу завоевания Поволжья. Уже в 1941 г. татарский историк Х.Г. Гимади называл Казанское ханство инструментом Крыма и Турции в борьбе с Россией и положительно оценивал присоединение Поволжья к России, указывая на то, что оно принесло нерусским народам экономические выгоды и доступ к европейской цивилизации. Одновременно Х.Г. Гимади признавал аннексионистскую колонизаторскую политику царизма, писал о том, что народ оказывал сопротивление своим и пришлым феодалам[19].

В конце 40-х—начале 50-х гг. произошел всплеск интереса к эпохе Ивана Грозного, к истории присоединения Поволжья к России, что, несомненно, было связано с неравнодушным отношением самого И.В. Сталина к личности этого царя. В 1945 г. крупнейшим мастером советской кинематографии С.М. Эйзенштейном был снят художественный фильм «Иван Грозный». Писателем В.И. Костылевым в 1943–1947 гг. была написана одноименная трилогия, удостоенная сразу же после издания сталинской премии. Не отставали и ученые. Плодотворно над исследованием восточной политики России в XVI в. работал И.И. Смирнов. В 1944 г. вышла его книга «Иван Грозный», в которой он отмечал, что «политика правительства Ивана Грозного в восточном вопросе характеризуется четко выраженной тенденцией к доведению до конца борьбы с Казанским ханством

путем его разгрома». И.И. Смирнов полагал, что восточная политика «являлась одним из важнейших средств для укрепления и дальнейшего развития русского национального государства». В 1948 г. появилась его обстоятельная статья, посвященная восточной политике в годы правления великого князя Василия III (1505—1533 гг.)[20].

В 1948—1949 гг. Г.Я. Меркушкиным, И.Г. Огневым и С.О. Шмидтом были защищены кандидатские диссертации по проблемам восточной политики России в середине XVI в[21]. В них затрагивались и вопросы из истории Марийского края. Однако не все исследования равноценны. Если диссертации И.Г. Огнева и С.О. Шмидта базируются на солидном массиве опубликованных и архивных источников и поднимают важнейшие проблемы из истории России середины XVI столетия, то диссертация Г.Я. Меркушкина не отличается глубиной и написана совершенно без привлечения архивных материалов.

В.В. Мавродин в вышедшей в 1948 г. статье, посвященной взаимоотношениям Русского государства с финно-угорскими народами, опираясь на сталинские догмы, утверждал, что на востоке Европы только русская народность могла создать централизованное государство, способное освободить финно-угорские народы из-под ига татарских ханов. По его мнению, испытывавшие «национальный, классовый и религиозный гнет народы Казанского ханства стремились освободиться от гнета татарской феодальной верхушки». В.В. Мавродин полагал, что к середине XVI в. внутренние противоречия в ханстве столь усилились, что и без вмешательства ратей Ивана Грозного оно стояло на грани катастрофы[22]. В 1949 г. была опубликована статья С.В. Бахрушина[23]. В ней автор подробно остановился на обстоятельствах взятия Казани.

Вышедшие в 1950 г. статьи московского историка М.Н. Тихомирова и чебоксарского Т.Г. Гусева положили начало обоснованию тезиса о добровольном и мирном характере присоединения народов Горной стороны к России. В статье Т.Г. Гусева делается упор на прогрессивные последствия присоединения, избавившего чуваш и горных марийцев от жестокого татарского ига[24].

В 1952 г. появилась монография К.В. Базилевича, посвященная внешней политике Русского государства во второй половине XV в. Исследователь пришел к заключению, что московский князь Иван III руководствовался в своей политике необходимостью «превращения Казанского ханства в своего верного вассала», так как только таким путем можно было «обеспечить спокойствие на восточной границе»[25].

В 1951 г. историком из Куйбышева К.Н. Наякшиным был поднят вопрос о реальности угрозы турецко-крымского порабощения народов Поволжья в середине XVI в.[26] Он утверждал, что оказавшиеся под угрозой

турецко-крымского завоевания мордва, чуваши и марийцы сами «просили принять их под защиту и в подданство Русского государства». Положение о турецко-крымской опасности и ранее выдвигалось историками[27], но только сейчас было названо основополагающим фактором, влияющим на политическую ситуацию в Восточной Европе. В научном мире по-разному отнеслись к тезису о турецко-крымской опасности. М.Н. Тихомиров и саранский ученый М.Г. Сафаргалиев не признали его[28]. В то время как в работах С.О. Шмидта, Л.В. Черепнина, А.А. Зимина и Г.Д. Бурдея[29] ему отводилось заметное место. Несмотря на дискуссионность, данное положение продолжает встречаться в исследованиях и по сей день[30].

Заметное влияние на подходы в освещении истории народов Поволжья в XVI в. оказала статья М.В. Нечкиной, опубликованная в 1951 г. в журнале «Вопросы истории»[31]. Она предложила отказаться от распространенной формулировки «наименьшее зло» и больше писать не о негативном, а о положительном в оценке последствий присоединения различных территорий к России. Предложение вызвало дискуссию, но потом историки стали чаще писать о прогрессивных последствиях присоединений.

В 50—80-е годы трактовка истории взаимоотношений Российского государства с народами Поволжья в целом устоялась и расхождения в оценках встречались лишь по отдельным эпизодам и, как правило, не выходили за рамки официальной историографии. Согласно установившейся схеме, поволжские народы находились в составе Казанского ханства под жестоким национально-культурным и экономическим гнетом. Принуждаемые татарскими и марийскими феодалами крестьяне, вопреки своей воле, участвовали в грабительских набегах на русские поселения. Все возрастающая опасность турецко-крымского порабощения грозила новыми притеснениями для марийских крестьян. Осознавая серьезность положения, марийцы вместе с другими народами Поволжья стали искать пути сближения с Россией, ибо только она могла защитить их от угнетения и уничтожения. В 1546 г. они направили в Москву посольство с просьбой о защите и принятии их в российское подданство. Русское государство в эти годы боролось против казанской агрессии, а бояре, дворяне и купцы были заинтересованы в приобретении богатых земель на востоке и волжского торгового пути, поэтому обращение горных марийцев и чуваш пришлось как нельзя кстати. В 1546—1551 гг. произошло добровольное и мирное вхождение Горной стороны в состав России.

Луговые марийцы, согласно этой схеме, также были заинтересованы в присоединении к Русскому государству, но они «оказались в несколько иных исторических условиях по сравнению с горным правобережьем». Из-за близости к столице ханства и проказанской позиции своих феодалов луговые марийцы, несмотря на имеющиеся «исторические предпосылки для присоединения к Руси», в ходе борьбы за Поволжье оказались на стороне Казани и присоединились к России только после ее взятия в октябре 1552 г.

Дальнейшая история края излагалась весьма противоречиво. Поло-

жение марийцев и других народов Поволжья под властью царизма изображалось обычно в негативном свете. Указывалось на национальное и культурное угнетение, жестокую эксплуатацию и произвол чиновников, насильственную христианизацию и бесцеремонный сгон со своих земель, после чего следовал вывод о... прогрессивных последствиях присоединения Поволжья к России. При этом неизменно приводилась цитата из письма Ф. Энгельса, утверждавшего, что «господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»[32]. Последовавшие после присоединения восстания, получившие в историографии наименование «черемисских войн», объяснялись историками по-разному. Некоторые полагали, что они были спровоцированы «реакционными татарскими и марийскими феодалами», другие, напротив, считали их антифеодальными крестьянскими выступлениями, «борьбой против своих и пришлых феодалов». Попытки дальнейшего исследования проблемы привели к заключению о сложном характере восстаний и многообразии породивших их причин. В связи с этим появилась компромиссная точка зрения, согласно которой антифеодальной борьбой крестьян поспешили воспользоваться в своекорыстных сепаратистских целях марийские и татарские феодалы. Официальные идеологические установки той поры не допускали определять характер происходивших в России восстаний как национально-освободительных.

Работ, так или иначе касавшихся истории Марийского края указанного периода, написано очень много, поэтому есть смысл остановиться лишь на наиболее значительных.

Тон в исследовании задавали историки Москвы и Ленинграда. В первую очередь это, уже упомянутые выше, С.О. Шмидт и М.Н. Тихомиров. Академик М.Н. Тихомиров в монографии «Россия в XVI столетии» в отдельных главах обращается к первым десятилетиям нахождения Луговой и Горной сторон в составе России. Им сделано ценное наблюдение о том, что после завоевания Казанского ханства «черемисы еще долгое время только номинально подчинялись России». В то же время классовая позиция, на которой стоял исследователь, привела его, по-нашему мнению, к ошибкам в оценке правительственной политики в крае. Так, он полагает, что в Поволжье шел бесцеремонный захват русскими помещиками земель коренного населения. Утверждение подкрепляется многочисленными ссылками на писцовую книгу г. Свияжска и уезда 1565—1567 гг.[33] При этом М.Н. Тихомиров упускает из виду, что в поместную раздачу, согласно данным той же писцовой книги, пошли только бесхозные земли и обрабатываемые «наездом», т.е. непостоянно, время от времени. Умалчивает он и о тех случаях, когда царские чиновники решали вопрос о землевладении в пользу чуваш, татар и марийцев[34]. С.О. Шмидтом подробно рассмотрены события Казанской войны 1545—1552 гг., выделено заметное участие в ней марийцев.

Проблему возникновения русского землевладения в Среднем Повол-

жье и земельно-иммунитетную политику царского правительства исследовал С.М. Каштанов[35]. Он отмечает, что хотя земельная политика и проводилась в интересах служилых людей, но отличалась осторожностью в отношении местного населения. Историк указывает на особую роль православной церкви, являвшейся политическим и идеологическим форпостом правительства в центре завоеванного Казанского ханства.

Известный исследователь периода феодализма А.А. Зимин среди причин присоединения Среднего Поволжья к России выделяет экономические и политические факторы. Он пишет, что поволжские народы страдали под игом казанских ханов и поэтому были заинтересованы в присоединении к России. «Только переход Среднего Поволжья в состав России мог обеспечить народам Казанского ханства нормальную хозяйственную жизнь и стабильное внешнеполитическое положение»,— считает А.А. Зимин. По этой причине, утверждает историк, уже «в 1546 г. к России добровольно присоединились чуваши и марийское население правого берега Волги». Отмечая прогрессивное значение присоединения Поволжья к России, А.А. Зимин вместе с тем указывает и на то, что оно было сопряжено с политикой национального угнетения. Восстания второй половины XVI в. в Среднем Поволжье считает антифеодальными и указывает, что местная феодальная знать стремилась воспользоваться народными выступлениями в своих интересах, но народные массы не поддержали «реакционное движение местной знати. Простые люди выступили против русских помещиков и местных феодалов»[36].

А.А. Преображенский в своей монографии по истории Урала и Западной Сибири связывал действия марийских повстанческих отрядов в Прикамье с подстрекательской политикой сибирского хана Кучума[37]. На активное участие марийцев в казанских вторжениях на русские земли и необходимость устранения угрозы с востока обращал внимание В.В. Каргалов[38].

Заметный вклад в изучение этнической истории марийского народа внесла К.И. Козлова[39]. В результате кропотливой исследовательской работы она пришла к принципиально новым выводам в отношении уровня социального развития марийского общества в XVI в. В своей монографии она обоснованно выступила с утверждением о том, что переживаемый марийцами период социального развития был специфичным и характеризовался незавершенностью переходного этапа от родового строя к раннефеодальному, из чего следовал очень важный вывод о слабой социальной дифференциации марийского общества и отсутствии «класса национальных феодалов». Однако новаторский подход к проблеме не сразу нашел сторонников. Лишь в 90-е гг. выводы К.И. Козловой были взяты на вооружение некоторыми исследователями.

После долгого перерыва к изучению истории Марийского края периода XV—XVI вв. вновь вернулись историки поволжских автономных рес-

публик. В конце 50-х годов к этой теме обратился историк из Йошкар-Олы С.А. Коробов. Им была написана статья об аграрных отношениях в крае и популярная книга «Прошлое марийского народа». Основное внимание в ней уделено классовой и революционной борьбе, интересующему же нас периоду в книге отведено лишь несколько страниц[40]. Изложение поверхностно и традиционно для того времени. Автор пишет, что страдавшие под татарским игом марийцы испытывали тяготение к России и, не имея возможности добиться освобождения самостоятельно, обратились за помощью к Москве. Восстания второй половины XVI в. определяются им как сепаратистские мятежи татарской и марийской феодальной знати.

Более подробно историю Марийского края XV—XVI столетий осветил Д.М. Макаров в вышедшем двумя годами позже пособии для учителей[41]. Примечательно, что автор впервые специально обратился к проблеме изучения причин и характера восстаний в крае во второй половине XVI в. Однако попытка объяснить их с позиции безраздельно господствовавшей в те годы марксистско-ленинской методологии завела исследователя в тупик, из-за чего выводы Д.М. Макарова, на наш взгляд, весьма противоречивы и небесспорны.

В 1965 г. вышли «Очерки истории Марийской АССР». Главы по истории XV—XVI вв. написали марийские ученые Г.А. Архипов и К.Н. Сануков при участии казанского исследователя Е.И. Чернышова. В очерках дана обстоятельная социально-экономическая и политическая характеристика края. Развитие феодальных отношений, по мнению коллектива авторов, уже в XVI веке привело к четкой социальной дифференциации, выделению класса марийских феодалов, эксплуатировавших крестьян и имевших обширные земельные владения. Большое место уделено показу тяжелого положения марийского народа под властью казанских ханов и исторических предпосылок присоединения края к России. В соответствии с устоявшимися в историографии оценками, авторы обосновывают заинтересованность марийцев в принятии российского подданства, которое должно было принести избавление «от жестокого гнета казанских феодалов и нависшей опасности крымско-турецкой экспансии». В очерках подчеркивается добровольный и мирный характер присоединения к России горных марийцев. Сопротивление луговых марийцев объясняется принуждением со стороны своих феодалов, а последующие восстания трактуются как «реакционные выступления марийской феодальной верхушки»[42]. Аналогичным образом, лишь с некоторыми несущественными поправками, излагается история края указанного периода и в соответствующих разделах вышедшей в 1986 г. «Истории Марийской АССР», написанных на этот раз Г.А. Архиповым, К.Н. Сануковым и Г.Н. Айплатовым.

Заметный вклад в изучение периода XVI века в истории края внес марийский исследователь Г.Н. Айплатов. В 1967 г. из-под его пера вышла

научно-популярная книга «Навеки с тобой, Россия. О присоединении Марийского края к Русскому государству». Она стала первой и многие годы оставалась единственной книгой, посвященной непосредственно данной проблеме. Автор на материале летописей и марийских народных сказаний и легенд рассказал о тревожной и тяжелой жизни марийского народа в ту отдаленную эпоху. Значительное внимание в книге уделено анализу предпосылок и показу значения присоединения края к России. Следует признать удачным использование фольклора и произведений художественной литературы. В то же время в книге нашли заметное отражение распространенные в советской историографии идеологические штампы, стереотипы и конъюнктурные установки. Преувеличивается роль классового антагонизма между народными массами и феодальной верхушкой; на первый план выдвигается тезис о «дружбе народов» и добровольном и мирном характере присоединения края к России. При этом автор пишет лишь о «некоторых элементах прямого завоевания, сопровождающегося грубым насилием». В то же время угроза турецкого завоевания, по его мнению, была настолько реальной, что уже существовала опасность отуречивания народов Поволжья[43].

В следующем году Г.Н. Айплатов выпустил учебное пособие для учащихся 7—8 классов «История Марийской АССР с древнейших времен до конца XIX в.», выдержавшее до 1994 г. 7 изданий. Интересующему нас периоду в учебнике уделено три главы. В очень сжатом виде в них рассказано о хозяйстве края, положении населения, процессе присоединения к России, политике царизма и восстаниях, определяемых как «реакционные выступления феодальной знати». Признавая значение учебника в деле ознакомления многих поколений учащихся с историей края, в то же время следует отметить, что последнее 7-е издание претерпело лишь косметические изменения, обогатившись новыми картами, миниатюрами и иллюстрациями, в то время как в содержание не внесено никаких изменений, учитывающих достижения отечественной исторической науки последних лет[44]. К проблемам истории Марийского края XVI века Г.Н. Айплатов неоднократно возвращался и впоследствии, касаясь вопроса о расселении марийцев, характере «черемисских войн», «марийском посольстве» 1546 г. в Москву[45].

В 60—80-е гг. к проблемам истории края XV–XVI в. обращались также другие исследователи из Марийской республики. К.Н. Сануков в ряде публикаций подробно рассмотрел вопрос о времени и обстоятельствах строительства Царевококшайска — нынешней столицы Республики Марий Эл — Йошкар-Олы[46]. Проблему переселения марийцев на Урал и формирования там локальной этнической группы изучал Г.А. Сепеев[47].

Социально—экономическое и политическое положение в крае указанных веков рассматривала Л.А. Дубровина. Ею отмечена значительная роль марийской родовой верхушки в событиях, сделан целый ряд интересных наблюдений. Так, она пишет, что русское землевладение «не проникало в

глубь исконных луговомарийских земель, малоизвестных для русских землевладельцев и не имеющих «добрых» пашенных угодий, удаленных от основных торговых путей». Верен, на наш взгляд, и вывод о слабости власти царской администрации в марийских землях. Справедливо утверждение, что «несмотря на то, что во второй половине XVI в. Среднее Поволжье входило в состав Русского государства, оно продолжало оставаться объектом внешнеполитических раздоров и ареной внутренних мятежей»[48]. В то же время неубедительно звучит вывод о складывании союза «русского и местного, национального, крестьянства в антифеодальной борьбе» уже во второй половине XVI в. Источники не содержат достаточных подтверждений этого. О подобном союзе можно говорить лишь применительно к началу XVII в.

Большое внимание уделялось изучению истории христианизации края. Этой проблемой специально занимались А.Н. Григорьев, Д.М. Макаров, Н.С. Попов, С.А. Романова, Ю.Н. Иванов[49]. Как и их дореволюционные предшественники, они констатировали, что в XVI в. христианство не получило сколько-нибудь заметного распространения в среде марийского народа.

Истории Марийского края указанного периода касался в своих исследованиях кировский историк А.В. Эммаусский. Признавая факты многочисленных черемисских набегов на русские поселения, он считал, что «марийский народ не был повинен в разбое, проводившемся племенной знатью по приказу из Казани». Несмотря на набеги, «вятчане в своей повседневной жизни установили мирные экономические связи с окружающим нерусским населением, тем более, что эти племена сами были заинтересованы в сближении с русским народом и русским государством, от которого они получали более высокую технику, более прогрессивные общественно—политические порядки и культуру»,— утверждает А.В. Эммаусский[50].

В 50—60-х годах появилось несколько интересных работ татарского исследователя Ш.Ф. Мухамедьярова, посвященных проблемам социально-экономической истории Казанского ханства. С привлечением новых источников им были рассмотрены государственный строй, система землевладения и землепользования, положение крестьянского населения в ханстве, обстоятельно дана характеристика хозяйства[51].

Плодотворно над разработкой истории Среднего Поволжья XV—XVI вв. работал казанский историк Н.Ф. Калинин. В соответствующем разделе «Истории Татарской АССР», вышедшей в 1955 г., и своих книгах он подробно останавливается на социально-экономическом и политическом устройстве Казанского ханства. Значительное внимание уделяет показу классовой борьбы и обоснованию тезиса о стремлении трудового народа добровольно присоединиться к Русскому государству. Восстания после «казанского взятия» автор считает мятежами реакционных феодалов[52].

В «Истории Татарской АССР», изданной в 1968 г., соответствующие главы были написаны Ш.Ф. Мухамедьяровым и Е.И. Чернышовым. Они уже именуют восстания второй половины XVI в. крестьянскими[53]. В изданиях истории 1973 и 1980 гг. разделы по указанному периоду были написаны известным татарским археологом А.Х. Халиковым. Однако они заметно проигрывают предшествующим по содержанию. Основное внимание в изданиях отведено советской истории, период феодализма освещается бегло и поверхностно, допущены ошибки фактического порядка[54]. Процесс заселения Среднего Поволжья русскими исследовал Е.П. Бусыгин[55].

Изучением системы управления в регионе занимался казанский историк И.П. Ермолаев, опубликовавший в 1982 г. монографию «Среднее Поволжье во второй половине XVI—XVII вв.». Она стала заметным явлением в историографии. Исследователь отметил, что русское правительство учло специфику края и создало не применявшуюся еще систему воеводского управления, которая не противоречила привычным для коренного населения традициям и опиралась на местную элиту. Практику предоставления коренному населению разнообразных льгот И.П. Ермолаев считает не более чем демагогическим приемом. В оценке восстаний в Поволжье исследователь сдержан. Не очень уверенно он пишет, что восстание 1552—1557 гг. было скорее мятежом « местных феодалов, за которыми пошла лишь некоторая часть зависимого населения», восстания же 70—80-х гг. он рассматривает как выступления ясачных крестьян[56]. Не совсем удачна, на наш взгляд, попытка связать восстания поволжских крестьян в начале 80-х гг. с одновременными выступлениями русских крестьян в центральных уездах. Несмотря на то, что в повстанческом движении народов Поволжья в этот период уже преобладала антифеодальная мотивация, оно все же оставалось национальным по своей форме, видимой связи с русским антифеодальным движением еще не прослеживается.

Вышедшая в 1975 г. статья С.Х. Алишева[57] наглядно продемонстрировала, что историческая мысль не стояла на месте и нередко вырывалась из принятых в историографии рамок. Татарский ученый, вопреки широко распространенному тезису о добровольном и мирном характере присоединения Горной стороны к России, выступил с прямо противоположным утверждением. Оно вызвало негативную реакцию у сторонников официальной концепции. В своей дальнейшей работе историк занимался исследованием значения присоединения Среднего Поволжья к России, которое определял как прогрессивное[58].

Много публикаций по истории Среднего Поволжья , особенно Горной стороны, вышло в Чувашской республике. В работах И.П. Панькова, И.Д. Кузнецова и В.Ф. Каховского обращено внимание на связи русского народа с чувашами и горными марийцами и положение населения под властью казанских ханов и русского царя[59].

Продуктивно разрабатывал историю периода феодализма в Среднем Поволжье В.Д. Димитриев. Им изучено значение этнонима «черемисы» в русских и западноевропейских источниках, исследована политика царского правительства в отношении нерусских крестьян. Ученый раскрыл предпосылки присоединения Горной стороны к России и его значение. Особо подчеркнул добровольный и мирный характер вхождения чуваш и горных марийцев в состав России. Восстание 1552—1557 гг. он считает сепаратистским мятежом местной знати, в то время как выступления 70—90-х гг. называет антифеодальными[60].

В первой половине 80-х гг. вышло несколько интересных работ ульяновского историка Ю.А. Кизилова, посвященных начальному этапу образования многонациональной структуры Русского государства[61]. Он обращается к социально-экономическим и политическим вопросам. Касаясь уровня социального развития, он пишет, что у марийцев к XV в. «общественная прослойка с политическим кругозором, выходящим за рамки отдельных общин, не сложилась». Верными представляются заключения о том, что «влияние татарского языка, обычаев и мусульманской религиозности на горной стороне было слабым и охватывало в какой-то мере лишь местную верхушку», отношение различных «групп черемисы к ордынским, а затем и к казанским ханам было различным», из-за чего «черемисы находились в противоречивых отношениях как с казанскими ханами, так и с великорусскими князьями», что и послужило, по мнению Ю.А. Кизилова, основной причиной задержки окончательного подчинения марийцев России[62].

Новые подходы в изучении истории народов Поволжья наметились на рубеже 80—90-х гг. В 1988 г. из печати вышла «История Казани». Книга была посвящена не только истории города, но и многим политическим событиям, протекавшим в регионе. Новым в содержании стал крен в сторону положительной характеристики Казанского ханства. Авторами отрицается факт турецкой угрозы, добровольный и мирный характер присоединения Горной стороны к России. Они полагают, что все Поволжье без исключения было присоединено к России в результате завоевания. В книге делается вывод, что «по своим объективным последствиям присоединение Казани имело прогрессивное значение. Создание крупного многонационального и централизованного государства, которое экономически сплачивало различные народы и территории, было объективно прогрессивным, но пути и методы создания такого государства не были демократичными»[63].

В 1990 г. читатель Р.Х. Бариев прислал письмо в журнал «Вопросы истории», в котором указал на необходимость обращать внимание не только на мирное признание власти Ивана IV народами Среднего Поволжья, но и на оказанное марийцами, татарами, удмуртами и чувашами сопротивление. По его утверждению, «оттого, что казанско-татарский феодализм был заменен русским, в их жизни в то время ничего не изменилось»[64].

В 1991 г. марийским историком А.А. Андреяновым была опубликована небольшая научно-популярная книга о ранней истории города Йошкар-Олы[65]. Автор дал подробное освещение обстоятельств возникновения современной столицы Республики Марий Эл. Им детально анализируются политические условия, в которых началось градостроительство в крае. Подтвердив выводы К.Н. Санукова, А.А. Андреянов сделал существенные дополнения и раскрыл проблему в более широком ракурсе. В последующие годы им написано несколько статей, касающихся как начальной истории Царевококшайска, так и иных вопросов из истории края периода XVI в.[66]

Появились интересные работы башкирского историка Р.Г. Кузеева и исследователя из Удмуртии М.В. Гришкиной, в которых авторы также обращаются к вопросам истории Марийского края периода XV—XVI вв.[67]

В 1994 г. А.Г. Бахтиным была защищена кандидатская диссертация на тему «Повстанческое движение в Среднем Поволжье и Приуралье во второй половине XVI века». Центральное место в исследовании отведено освещению событий, происходивших в Марийском крае. В основе своей точка зрения А.Г. Бахтина близка к наблюдениям Н.Н. Фирсова. Диссертант проанализировал сложное по причинам и характеру движение и пришел к выводу, что изначально оно носило национально-освободительный характер и лишь впоследствии, под воздействием объективных обстоятельств, все более стало приобретать антифеодальные черты. В 1994—1998 гг. было опубликовано несколько его статей, посвященных истории Марийского края и Поволжья в XV—XVI вв.[68] Основное внимание в них уделено изучению восточной политики Российского государства. В частности, анализируются причины присоединения Среднего Поволжья, аграрная и фискальная правительственная политика, межэтнические отношения.

В 1995 г. вышла научно-популярная книга упомянутого выше татарского профессора С.Х. Алишева «Казань и Москва: Межгосударственные отношения в XV—XVI вв.» Она стала второй (после М.Г. Худякова) попыткой систематического изложения социально-политической истории Казанского ханства. Автор поставил перед собой цель дать «объективный показ состояния, хода и развития межгосударственных отношений между Москвой и Казанью». Книга интересна оригинальностью подходов к историческим проблемам и обширностью используемого материала. Однако, претендуя на объективность, автор далеко не всегда беспристрастен в своих суждениях. Казань изображается безвинной жертвой обстоятельств, подвергнувшейся жестокому завоеванию, осуществленному по воле «мракобесов» из правительства Ивана Грозного и в угоду требованиям «охочих до чужого добра» русских бояр, дворян, купцов и «фанатичных церковников». Утверждения о прогрессивном значении присоединения на этот раз из новой книги исключены полностью. Мало внимания уделено и показу роли марийцев, чуваш, удмуртов и мордвы в исторических событиях в Поволжье, что нам представляется неверным.

Изучением национального самосознания марийского народа в XV—XVI вв. занимается И.Г. Мокроусова[69].

В июне 1998 г. в Саранске состоялась защита кандидатской диссертации А. М. Ермушева на тему: «Россия и Казанское ханство в 1533—1552 гг.» Работа, несомненно, интересная, но, судя по автореферату, глубиной рассмотрения проблемы и своими выводами диссертант не пошел дальше своего научного руководителя А. Б. Кузнецова, подавляющее влияние концепции которого обращает на себя внимание.

Интерес к истории Марийского края указанного периода проявляют и некоторые зарубежные исследователи. Среди них необходимо выделить работающего в Германии швейцарского ученого А. Каппелера. В 70—90-х гг. им было опубликовано несколько интересных работ по истории народов Среднего Поволжья. Труды А. Каппелера отличают высокий научный уровень, прекрасное знание источников и историографии, оригинальные исследовательские подходы, объективность выводов и корректное, уважительное отношение к истории исследуемых народов[70]. В 1996 г. одна из его монографий была переиздана на русском языке[71].

Истории Марийского края указанного периода касались в своих трудах Я. Пеленски, М. Раефф, Ф. Кэмпфер, Е. Кеенан, П. Помозин и некоторые другие зарубежные исследователи[72]. В их работах делается упор на агрессивный имперский характер политики царизма на востоке. Как правило, авторы не видят различий между колонизаторской политикой западноевропейских стран и Российского государства в иноязычной сфере. Присоединение Среднего Поволжья оценивается ими однозначно негативно, указывается на русификацию, насильственную христианизацию, установившийся жестокий социальный и национальный гнет.

Таким образом, мы видим, что существует обширная историческая литература, так или иначе затрагивающая историю Марийского края XV—XVI столетий и содержащая самые разнообразные оценки и точки зрения.

Источниковая база, на основе которой писалась эта книга, обширна и разнообразна. В археологическом отношении история Марийского края XV—XVI вв. изучена, к сожалению, недостаточно. Имеющиеся результаты археологических раскопок отражены в работах А.П. Смирнова, Г.А. Архипова, Л.А. Голубевой, Т.Б. Никитиной (Шикаевой), Е.П. Михайлова[73]. Они содержат данные по материальной культуре, экономике, социальным отношениям и межэтническим контактам.

Из письменных источников наибольший интерес представляют повествовательно-нарративные памятники–русские летописи и сочинения современников. История Марийского края в той или иной степени нашла отражение в Никоновской, Воскресенской, Львовской и других летопи-

сях, в «Повести о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси», «Продолжении Хронографа редакции 1512г.», «Степенной книге царского родословия», «Царственной книге», «Летописце начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича», в Вятском и Нижегородском летописцах, в вологодских , устюжских и иных летописцах.

Уникальным источником является «Казанская история», написанная в 1565—1568 гг. неизвестным служилым человеком, в течение 20 лет находившемся в казанском плену[74]. После принятия ислама он был определен на службу при ханском дворе, где имел возможность познакомиться с утраченными впоследствии татарскими письменными источниками, являлся свидетелем многих событий, происходивших в середине XVI в., знал непосредственно исторических деятелей своего времени. Его произведение, написанное в виде летописной повести, содержит массу известий о марийцах. Однако последующее редактирование и некоторые специфичные авторские приемы в подаче материала заставили ряд исследователей не совсем справедливо, по-нашему мнению, отнести «Казанскую историю» к «мутным», не заслуживающим доверия источникам[75].

Ценнейшим источником являются сочинения современников. В первую очередь, это мемуары князя А.М. Курбского — одного из сподвижников царя Ивана IV и одаренного писателя, оставившего потомкам обстоятельный рассказ о завоевании Казани, где заметное место отведено событиям в Марийском крае. Наблюдательность и точность оценок и выводов придают известиям князя большую достоверность и значение[76].

Весьма интересны мемуары иностранцев, посетивших с разной целью Россию и Поволжье в XVI—XVII вв. Среди них были дипломаты, купцы и просто авантюристы. Восприятие России у многих иностранцев негативное, к нерусским же народам они относятся чаще нейтрально или сочувственно. Не все их известия равнозначны, есть просто домыслы, встречается масса неточностей. Однако есть и ценность этих сочинений, ибо они написаны с позиции сторонних наблюдателей и свободны от официоза.

Несомненный приоритет среди этой группы источников следует отдать сочинению австрийского посла Сигизмунда Герберштейна, дважды — в 1517 и 1526 гг. — побывавшего в России. Изданные им в 1549 г. «Записки о Московитских делах» являются наиболее полным и достоверным рассказом о России XVI в. При написании своего труда Герберштейн основывался как на личных наблюдениях и устной информации, так и на знакомстве с письменными источниками. На страницах книги автор неоднократно пишет о марийцах, с которыми ему приходилось встречаться непосредственно.

Краткие сведения о марийцах и других народах Поволжья имеются в книге польского профессора Матвея Меховского «Трактат о двух Сарма-

тиях», вышедшей еще в 1517 г. Событий в Марийском крае касаются голландский купец И. Масса, немецкий путешественник А. Олеарий, шведский посланник П. Петрей, английские купцы и дипломаты А. Дженкинсон, Д. Флетчер, Д. Горсей, француз Ж. Маржерет. Обстоятельный рассказ о завоевании Казанского ханства имеется в сочинении немца опричника Генриха Штадена[77].

Другая группа источников представлена разного рода актовым материалом–жалованными, наказными, уставными, духовными, тарханными и иными грамотами, выданными монастырям, воеводам, служилым людям и крестьянам как русским, так и марийским. Знакомство с ними помогает разобраться в принципах, на основе которых строилась правительственная политика в Поволжье.

Уникальным по важности источником, содержащим подробнейшую информацию по социально-экономической истории края, являются сохранившиеся писцовые и дозорные книги по Нижегородскому, Вятскому, Свияжскому и Казанскому уездам[78]. Интерес представляют официальные разрядные книги, в которых имеются известия о назначении воевод в походы, распределение на службу по городам и т.п.

Материалы об истории Марийского края XVI в. содержатся также в дипломатических документах по сношению с Ногайской ордой, Крымским ханством и Польско-Литовским государством[79]. Они свидетельствует о том, что в XVI в. марийцы были хорошо известны в Европе и являлись существенной политической силой.

Выдержки из утраченных впоследствии источников дошли до нас в работах историков XVIII—XIX вв. М.М. Щербатова, В.Н. Татищева, М.Н. Карамзина[80].

Письменных источников по истории Марийского края XVI в., вышедших из среды народов Поволжья, почти нет, так как в то отдаленное время письменность имелась только у татар. Однако татарские письменные источники, как принято считать, погибли при взятии Казани в 1552 г. До нас дошли лишь единицы. Самым уникальным по своей значимости является подлинный тарханный ярлык казанского хана Сахиб-Гирея от 1523 г. Содержание ярлыка позволяет судить о социальном устройстве ханства, системе налогообложения и повинностях, положении тяглого населения.

Своеобразной заменой отсутствующих письменных источников является марийский, чувашский, мордовский, удмуртский, татарский и русский фольклор, записанный в XVIII—XX веках. При умелом использовании он может служить ценным дополнением и в качестве иллюстративного материала. В ряде случаев исторические предания приближаются по достоверности к письменным источникам. Однако необходимо всегда помнить, что большинство фольклорных сюжетов являются лишь плодом народной фантазии. Поэтому при работе с фольклором важно обращать

внимание не столько на конкретные известия, сколько на заложенную в нем идею.

Многие марийские исторические предания опубликованы[81]. Исключительный интерес по своей информативности представляет горномарийское предание об Акпарсе, удивительно достоверно воспроизводящее события столь отдаленного прошлого. Интересна былина о марийском князе Болтуше и падении Малмыжа. Обращает на себя внимание также легенда о марийском богатыре Чумбулате и русская историческая песня о Рознеге Черемисянине[82].

Этнографический и фольклорный материал по истории Марийского края еще в XIX в. собрал неутомимый чувашский краевед С.М. Михайлов[83]. Обстоятельный обзор значительного по объему и ценности чувашского фольклора сделал В.Д. Димитриев[84].

При работе над книгой автором использованы материалы фондов РГАДА: крымские дела (Ф. 123), ногайские дела (Ф. 127), грамоты коллегии экономии (Ф. 281), документы поместного приказа (Ф. 1209) и фонда Васильчиковых (Ф. 1260), а также материалы отделов рукописей Российской государственной библиотеки (Ф. 173 и Ф. 236) и библиотеки Российской академии наук.

Изучение истории Марийского края XV–XVI веков на имеющейся базе источников представляет определенную трудность, так как содержащиеся в них известия, как правило, отрывочны и с трудом поддаются проверке. Лишь после кропотливого анализа и сопоставления выявленного комплекса источников представляется возможность проникнуть в тайны седой старины.

* * *

[1] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 3, 4. История России с древнейших времен. М., 1989; *Баженов Н.К.* Казанская история. Ч. 1, 2. Казань, 1847; *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Кн. 1. М., 1989.

[2] *Артемьев А.И.* Очерк истории черемис // Казанские губернские ведомости. 1848, № 21—23.

[3] *Фирсов Н.А.* Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. Казань, 1866. С. 76—77, 92.

[4] *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XV и XVI веках. (Очерки из истории края и его колонизации). М., 1877.

[5] *Ешевский С.В.* Сочинения по русской истории. М., 1900. С. 291—332; *Любавский М.К.* Историческая география России в связи с колонизацией. М., 1909; *Он же.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.

[6] *Андриевский А.* Краткий очерк истории Вятского края до открытия в нем наместничества // Столетие Вятской губернии 1780—1880. Т. 1. Вятка, 1880. С. 51—83; *Васильев С., Бехтерев Н.* История Вятского края с древнейших времен до начала XIX столетия. Т. 1. Вятка, 1870; *Вештомов А.И.* История вятчан со времени поселения их при реке Вятке до открытия в

сей стране наместничества или с 1181 по 1781 год через 600 лет. Казань, 1907; *Верещагин А.С.* Вятское взятие по Разрядным записям 1489 г. Вятка, 1907; *Спицин А.А.* К истории вятских инородцев // Вятский календарь и памятная книжка на 1889 г. Вятка, 1888. С. 41—66.

[7] *Можаровский А.Ф.* Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 года. Казань, 1878; *Хрусталев А.* Очерк распространения христианства между иноверцами Казанского края. Казань, 1897; *Покровский И.М.* К истории казанских монастырей до 1764 года. Казань, 1902.

[8] *Загоскин Н.П.* Казанские мятежи в первые пять лет после покорения Казани русской державе // Казанские вести. 1891, № 61, 68, 77, 81.

[9] *Никольский Н.В.* Конспект по истории народностей Поволжья. Казань, 1919; *Он же.* Сборник исторических материалов о народностях Поволжья. Казань, 1919; *Он же.* История мари (черемис). Казань, 1920; *Фирсов Н.Н.* Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья. Казань, 1920.

[10] *Он же.* Прошлое Татарии. Казань, 1926; *Он же.* Колонизация Волжско-Камского края и связанная с ней политика. Казань, 1930; Рукопись книги Н.В. Никольского «История народа мари» так и не была издана и хранится в НРФ МарНИИ.

[11] *Покровский М.Н.* Избранные произведения. Кн. 1. М., 1966. С. 290—291, 296; Кн. 3. М., 1967. С. 55—56.

[12] *Егоров Ф.Е.* Очерк культурно—экономической жизни народа мари до XIX-го века // Марийское хозяйство. 1924, № 4. С. 124—129; *Он же.* Торговля народа мари // Там же. 1925, № 5. С. 114—117; *Он же.* Ассимиляция народа мари другими племенами // Марий Эл. 1927, № 7/9. С. 125—132; *Он же.* Марийская культура // Там же. 1927, № 11/12. С. 168—186; *Он же.* Древние насельники Марийской автономной области // Там же. 1928, № 11.

[13] *Он же.* Материал по истории народа мари. Козьмодемьянск, 1929. С. 34, 64.

[14] *Янтемир М.Н.* Описание Маробласти. Вып. 1—8, Краснококшайск, 1926 — 1930; *Он же.* Марийская автономная область. Краснококшайск, 1928.

[15] *Савич А.А.* Из истории народа мари // Исторический журнал. 1938, № 5. С. 32—46.

[16] *Сталин И.В.* Марксизм и национально—колониальный вопрос. М., 1934. С. 73.

[17] Материалы к преподаванию истории СССР. М., 1937. С. 7.

[18] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 25. М., 1973. С. 66.

[19] *Гимади Х.Г.* Некоторые вопросы истории Татарии (К вопросу о периодизации истории Татарии до XVIII в.) // УЗ КГПИ. Исторический факультет. Вып. 4. Казань, 1941. С. 52—67.

[20] *Смирнов И.И.* Иван Грозный. Л., 1944. С. 67; *Он же.* Восточная политика Василия III // Исторические записки. Т. 27. М., 1948. С. 18—66.

[21] *Меркушкин Г.Я.* Восточные походы Ивана Грозного. Дис. к.и.н. Саранск, 1948; *Огнев И.Г.* Войны Ивана Грозного с Казанским ханством и завоевание Казани. Дис. к.и.н. М., 1948; *Шмидт С.О.* Правительственная деятельность А.Ф. Адашева и восточная политика Русского государства в середине XVI в. Дис. к.и.н. М., 1949.

[22] *Мавродин В.В.* Русское многонациональное государство и финно-угорские народы // УЗ ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Вып. 2, № 105. Л., 1948. С. 33—46.

[23] *Бахрушин С.В.* Взятие Казани // За родную землю. XIV—XVII века. М., 1949. С. 52—76.

[24] *Гусев Т.Г.* Присоединение Чувашии к Русскому государству // Зап. ЧувНИИ. Вып. 4. Чебоксары, 1950. С. 50—81; *Тихомиров М.Н.* Присоединение Чувашии к Русскому государству // Советская этнография. 1950, № 3. С. 93—106; *Он же.* Российское государство XV—XVII веков. М., 1973. С. 91—116; См. также: Материалы по истории Чувашской АССР. Вып. 1. Чебоксары, 1958. С. 104—128.

[25] *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства . Вторая половина XV века. М., 1952. С. 200.

[26] *Наякшин К.Н.* К вопросу о присоединении Среднего Поволжья к России // ВИ. 1951, № 9. С. 108—111; *Он же.* Очерки из истории Среднего Поволжья. Куйбышев, 1955.

[27] *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI—XVII вв. Т. 1. М., 1946; *Смирнов И.И.* Восточная политика Василия III; *Шмидт С.О.* Указ. соч.

[28] *Сафаргалиев М Г* Присоединение мордвы к Русскому централизованному государству // Тр МордНИИ Вып 27 Саранск, 1964 С 19—20

[29] *Шмидт С О* Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545—1549 гг) // Тр Московского государственного историко-архивного института Т 6 М , 1954 С 187—257, *Он же* Восточная политика России накануне «Казанского взятия» // Международные отношения Политика Дипломатия XVI—XX века М , 1964 С 538—558, *Он же* Восточная политика Российского государства в середине XVI в и «Казанская война» // 425-летие добровольного вхождения Чувашии в состав России Тр ЧувНИИ Вып 71 Чебоксары, 1977 С 25—62, *Бурдей Г Д* Борьба России за Среднее и Нижнее Поволжье // Преподавание истории в школе 1954, № 5 С 27—36, *Он же* Взаимоотношения России с Турцией и Крымом в период борьбы за Поволжье в 40—50-х годах XVI века // УЗ Саратовского ГУ Т XLVII Вып исторический Харьков, 1956 С 183—205, Очерки истории СССР Период феодализма Конец XV—начало XVII в М , 1955 С 350—369, 660—667

[30] *Кузнецов А Б* Дипломатическая борьба России за безопасность южных границ (первая половина XVI в) Минск, 1986, История России с древнейших времен до конца XVII века М , 1997 С 410—418

[31] *Нечкина М В* К вопросу о формуле «наименьшее зло» // ВИ 1951, № 4 С 44—48

[32] *Энгельс Ф* Письмо К Марксу в Лондон от 23 мая 1851 г // Маркс К , Энгельс Ф Сочинения 2-е издание Т 27 М , 1962 С 241

[33] *Тихомиров М Н* Россия в XVI столетии М , 1962 С 472—480

[34] Ср ПКС С 65, 106, 109, 110

[35] *Каштанов С М* Земельно-иммунитетная политика русского правительства в Казанском крае в 50—х гг XVI в (по актовому материалу) // Из истории Татарии УЗ КГПИ Вып 80, Сб 4 Казань, 1970 С 164—202, *Он же* Возникновение русского землевладения в Казанском крае // Там же Вып 116, Сб 5 Казань, 1973 С 3—35

[36] Всемирная история Т 4 М , 1958 С 456—498, История СССР с древнейших времен до наших дней Т 2 М , 1966 С 168—175, *Зимин А А Хорошкевич А Л* Россия времени Ивана Грозного М , 1982 С 59—67, *Зимин А А* В канун грозных потрясений М , 1986 С 11—12, 84—85

[37] *Преображенский А А* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века М , 1972 С 20, 22

[38] *Каргалов В В* На степной границе Оборона «крымской украины» Русского государства в первой половине XVI столетия М , 1974 С 113—125

[39] *Козлова К И* Специфика этнической общности марийцев в период присоединения к России // Советская этнография 1968, № 6 С 25—38, *Она же* Очерки этнической истории марийского народа М , 1978

[40] *Коробов С А* К вопросу аграрных отношений в Марийском крае во второй половине XVI в и XVII веке // Тр МарНИИ Вып 8 Йошкар-Ола, 1956 С 35—46, *Он же* Прошлое марийского народа Йошкар-Ола, 1957 С 5—14

[41] *Макаров Д М* Из истории мари Первобытный строй — период феодализма до конца XVII века Йошкар-Ола, 1959

[42] Очерки истории Марийской АССР (С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции) Йошкар-Ола, 1965

[43] *Айплатов Г Н* Навеки с тобой, Россия О присоединении Марийского края к Русскому государству Йошкар-Ола, 1967 С 21, 33, 42 и др

[44] *Он же* История Марийского края с древнейших времен до конца XIX в Учебное пособие для учащихся 8 — 9 классов 7 издание Иошкар-Ола, 1994

[45] *Он же* Расселение марийцев во второй половине XVI—начале XVIII вв // Происхождение марийского народа Йошкар-Ола, 1967 С 130—147, *Он же* Общественно-политическое движение и классовая борьба в Марийском крае во второй половине XVI века (К вопросу о характере «черемисских войн») // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего

Поволжья Иошкар-Ола, 1990 С 3—10, *Он же* Крестьянство Марийского края в составе многонационального государства (середина XVI—XVII вв) // Тезисы докладов на конференции по итогам научно—исследовательской работы МарНИИ в 1986 — 1990 гг Йошкар-Ола, 1991 С 38—41, *Он же* «Марийское посольство» 1546 года в Москву // Марий Эл время, события, люди Календарь знаменательных дат на 1996 год Иошкар-Ола, 1996 С 63—65, *Он же* «Черемисские войны» второй половины XVI в в отечественной историографии // Вопросы истории народов Поволжья и Приуралья Чебоксары, 1997 С 70—79

[46] *Сануков К Н* О дате основания города Йошкар-Олы // ВИ 1965, № 1 С 211—214, *Он же* Основание города Царевококшайска // Страницы истории Марийского края Йошкар-Ола, 1970 С 3—9, *Он же* Царев город на Кокшаге // Йошкар-Ола Очерки о столице Марийской республики Йошкар-Ола, 1984 С 23—39, *Он же* Основание Царева города на Кокшаге // Из истории Йошкар-Олы Иошкар-Ола, 1987 С 5—19, *Он же* Корни дружбы // Политическая агитация 1985, № 16 С 15—19

[47] *Сепеев Г А* К вопросу о переселении марийцев в Прикамье и Приуралье // ИАИЭМ Тр МарНИИ Вып 22 Йошкар-Ола, 1967 С 115—129, *Он же* Восточные марийцы Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX—начало XX вв) Йошкар-Ола, 1975, *Он же* Марийцы // Народы Поволжья и Приуралья Историко-этнографические очерки М , 1985 С 141—174

[48] *Дубровина Л А* Социально-экономическое и политическое развитие Марийского края в XV—XVI вв // Вопросы дореволюционной истории Марийского края Йошкар-Ола, 1978 С 3—23, *Она же* Первая крестьянская война в Марийском крае // Из истории крестьянства Марийского края Йошкар-Ола, 1980 С 3—65

[49] *Григорьев А П* Христианизация нерусских народностей, как один из методов национально-колониальной политики царизма в Татарии // Материалы по истории Татарии Вып 1 Казань, 1948 С 226—285, *Иванов Ю Н* К изучению вопроса политики христианизации нерусских народов Среднего Поволжья в XVI—XVII вв // Вопросы отечественной, зарубежной истории, литературоведения и языкознания Казань, 1981 С 13—18, *Макаров Д М* Самодержавие и христианизация народов Поволжья во второй половине XVI—XVII вв Чебоксары, 1981, *Он же* Христианизация народов Поволжья во второй половине XVI века // История христианизации народов Среднего Поволжья Критические суждения и оценки Чебоксары, 1988 С 13—24, *Романова С А* Особенности формирования православно-языческого синкретизма мари (XVI—XIX века) // Там же С 42—48, *Попов Н С* Православие в Марийском крае Иошкар-Ола, 1987

[50] *Эммаусский А В* Вятская земля в период образования Русского государства Киров, 1949, *Он же* Очерк истории Вятской земли в XVI—начале XVII в Киров, 1951 С 10—11

[51] *Мухамедьяров Ш Ф* Социально—экономический и государственный строй Казанского ханства (XV—первая половина XVI вв) Автореф к и н М , 1950, *Он же* К вопросу о системе земледелия в Среднем Поволжье накануне присоединения к России // УЗ КГУ Т 117, Кн 9 Казань, 1957 С 43—46, *Он же* К истории земледелия в Среднем Поволжье в XV—XVI веках // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР Сб 3 М , 1959 С 89—122, *Он же* Земельные правоотношения в Казанском ханстве Казань, 1958, *Он же* К вопросу о положении крестьянства в Казанском ханстве // УЗ КГУ Т 122, Кн 2 Казань, 1962 С 143—161

[52] *Калинин Н Ф* Исторический очерк Казани Казань, 1952, *Он же* Казань Исторический очерк Казань, 1955, История Татарской АССР Т 1 Казань, 1955 С 99—147

[53] История Татарской АССР Казань, 1968 С 68—176

[54] История Татарской АССР Казань, 1973, 2-е издание 1980 С 7—44

[55] *Бусыгин Е П* Русское сельское население Среднего Поволжья Историко-этнографическое исследование материальной культуры Казань, 1966 С 37—84

[56] *Ермолаев И П* Среднее Поволжье во второй половине XVI—XVII вв (Управление Казанским краем) Казань, 1982 С 16—37

[57] *Алишев С Х* Присоединение народов Среднего Поволжья к Русскому государству // Татария в прошлом и настоящем Казань, 1975 С 172—185

[58] *Он же* Прогрессивные последствия присоединения Среднего Поволжья к русскому государству // Развитие гуманитарных наук в Татарии Казань, 1977 С 48—55, *Он же* Исторические судьбы народов Среднего Поволжья XVI — начало XIX в М , 1990

[59] *Кузнецов И Д* Очерки по истории чувашского крестьянства Чебоксары, 1957, *Паньков И П* Чуваши в составе Казанского ханства // Материалы по истории Чувашской АССР Вып 1 Чебоксары, 1958 С 95—103, *Нестеров В А* Чувашия в составе Русского государства во второй половине XVI и начале XVII веков (Очерк социально-политической истории) // Там же С 129—149, *Каховский В Ф* О ранних русско-чувашских исторических связях // Вопросы истории Чувашии Тр ЧувНИИ Вып 73 Чебоксары, 1977 С 66—78, *Кочетков В Д* Исторические знания о Чувашии в XVI — XVIII веках // Вопросы истории Чувашии периода феодализма и капитализма Тр ЧувНИИ Вып 93 Чебоксары, 1979 С 3—34, История Чувашской АССР Т 1 Чебоксары, 1966, 1983

[60] *Димитриев В Д* О ясачном обложении в Среднем Поволжье // ВИ 1956, № 12 С 107—115, *Он же* История Чувашии XVIII века Чебоксары, 1959, *Он же* Историография присоединения Чувашии к России // Вопросы истории Чувашской АССР УЗ ЧувНИИ Вып 52 Чебоксары, 1970 С 96—150, *Он же* Навеки с русским народом Чебоксары, 1976, *Он же* Добровольное вхождение Чувашии в состав Русского государства // 425-летие добровольного вхождения Чувашии в состав России Тр ЧувНИИ Вып 71 Чебоксары, 1977 С 63—91, *Он же* Политика царского правительства в отношении нерусских крестьян Казанской земли во второй половине XVI—начале XVII вв // Вопросы аграрной истории Чувашии Чебоксары, 1981 С 3—18, *Он же* Пресечение «шатости и смуты» ясачных крестьян как одно из основных направлений политики царского правительства в Среднем Поволжье в XVII веке (По наказам воеводам) // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в периоды феодализма и капитализма Чебоксары, 1982 С 12—19, *Он же* О социально—экономическом строе и управлении в Казанской земле // Россия на путях централизации М , 1982 С 98—107, *Он же* Чувашия в эпоху феодализма (XVI—начало XIX в) Чебоксары, 1986, *Он же* Национально-колониальная политика московского правительства в Среднем Поволжье во второй половине XVI—XVII вв // Вестник Чувашского университета 1995, № 2 С 4—14

[61] *Кизилов Ю А* Земли и княжества Северо-Восточной Руси в периоды феодальной раздробленности (XII—XV вв) Ульяновск, 1982, *Он же* Земли и народы средневековой России XIII—XV вв Ульяновск, 1984

[62] *Он же* Земли и народы России XIII—XV вв М , 1984 С 71, 74

[63] История Казани Кн 1 Казань, 1988 С 76

[64] *Бариев Р Х* Писать всю правду об истории народов Среднего Поволжья // ВИ 1990 № 7 С 188—189

[65] *Андреянов А А* Город Царевококшайск Страницы истории (конец XVI — начало XVIII века) Йошкар-Ола, 1991

[66] *Он же* О черемисских войнах второй половины XVI века // Из истории Марийского края Йошкар-Ола, 1992 С 4—7, *Он же* Город на Малой Кокшаге Современный взгляд на начальную историю // Марий Эл вчера, сегодня, завтра 1994, № 2 С 60—67, *Он же* Ясак в Среднем Поволжье (из истории правительственной политики) // Исторические очерки Материалы III Тарасовских чтений Иошкар-Ола, 1997 С 60—65, См также История и культура марийского народа Хрестоматия для 8—9 классов Иошкар-Ола, 1996

[67] *Кузеев Р Г* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала Этногенетический взгляд на историю М , 1992, *Гришкина М В* Удмурты Этюды из истории IX—XIX вв Ижевск, 1994

[68] *Бахтин А Г* Повстанческое движение в Среднем Поволжье и Приуралье во второй половине XVI в Дис к и н М , 1994, *Он же* К вопросу о причинах повстанческого движения в Марийском крае в 50—е гг XVI в // МАВ 1994, Вып 4 С 18—25, *Он же* Аграрная политика русского правительства в Среднем Поволжье во второй половине XVI в // Формы

сельскохозяйственного производства и государственное регулирование XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы Тезисы док и сообщ М , 1994 С 17—19, *Он же* Налоговая политика российского правительства в Среднем Поволжье во второй половине XVI в // Узловые проблемы современного финно-угроведения Материалы I Всероссийской конференции финно-угроведов Йошкар-Ола, 1995 С 204—205, *Он же* Значение Горной стороны в русско-казанских отношениях в первой половине XVI века // Тарасовские чтения 14—15 марта 1995 г Тезисы док и сообщ научной конф , посвященной памяти д и н , проф В М Тарасовой Йошкар-Ола, 1995 С 13—15, *Он же* Россия и народы Среднего Поволжья во второй половине XVI века этап становления национальной политики // Путь России прошлое, настоящее, будущее Йошкар-Ола, 1996 С 31—38 *Он же* К вопросу о характере и движущих силах восстания 1552—1557 гг в Среднем Поволжье // МАВ 1996, Вып 6 С 9—17, *Он же* Народы Горной стороны в составе Казанского ханства // Марий Эл вчера, сегодня, завтра 1996, № 1 С 50—58, *Он же* Изучение темы «Присоединение Марийского края к Российскому государству» на уроках истории // Марий Эл Учитель 1996, № 4 С 46—63, *Он же* Аграрный вопрос и восточная политика России в середине XVI века // Исторические очерки Материалы III Тарасовских чтений Йошкар-Ола, 1997 С 117—122, *Он же* Восточная политика России в середине XVI в взгляд на проблему //Диалог культур и культурная политика государства в полиэтническом регионе Материалы постоянно действующего регионального научного семинара Йошкар-Ола, 1997 С 56—69, *Он же* Роль аграрного вопроса в восточной политике России в середине XVI века // МАВ 1998, Вып 8 С 10—30

[69] *Мокроусова И Г* К вопросу о национальном самосознании марийского народа // Исторические очерки Материалы III Тарасовских чтений Йошкар-Ола, 1997 С 56—59

[70] *Kappeler A* Die Geschichte der Volker der Mittleren Wolga in der sowjetischen Forschung // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas Wiesbaden, 1978 Bd 26, Heft 2 S 70—104, 222—257, *Он же* Russlands erste Nationalitaten Das Zarenreih und die Volker der Mittleren Wolga vom 16 bis 19 Jh Koln — Wien, 1982, *Он же* Russland als Vielvolkerreich Entstehung Geschichte Zerfall Munchen, 1992

[71] *Каппелер А* Россия — многонациональная империя Возникновение История Распад М , 1996

[72] *Помозин П* История марийцев // Финно—угорский мир Будапешт — М , 1996 С 51—57, *Pelenski J* Moscovite Imperial Claims to the Kazan Khanate // Slavic Review 1967 Vol 26, № 4 P 559—576, *Он же* Russian and Kazan Conguest and Imperial Ideology Paris, 1974, Russian Colonial Expansion to 1917 London — New York, 1988, *Raeff M* Patterns of Russian Imperial Policy Toward the Nationalities // Edward Allworth Soviet Nationality Problems New York — London, 1971 S 22—42, *Kampfer F* Die Eroberung von Kazan 1552 als Gegenstand der zeitgenossischen russischen Historiographie // Forschungen zur osteuropaischen Geschichte Berlin — Wiesbaden, 1969 № 14 S 7—161, *Keenan E* Moscovy and Kazan 1445 — 1552 // A Study in steppe politics Harvard University, 1965

[73] *Архипов Г А* Марийцы IX—XI вв К вопросу о происхождении народа Йошкар-Ола, 1973, *Он же* Марийский край в памятниках археологии Йошкар-Ола, 1976, *Он же* Марийцы XII — XIII веков (К этнокультурной истории Поветлужья) Йошкар-Ола, 1986, *Голубева Л А* Марийцы // Финно-угры и балты в эпоху средневековья М , 1987 С 107—115, *Никитина Т Б* Марийцы (конец XVI — начало XVIII вв) по материалам могильников 1992, *Смирнов А П* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья Материалы и исследования по археологии СССР № 28 М , 1952, *Шикаева Т Б* Хозяйственный инвентарь марийцев XIV — XVII веков // Из истории хозяйства населения Марийского края АЭМК Вып 4 Йошкар-Ола, 1979 С 51—63, *Михайлов Е П* Золотоордынский и казанскоханский периоды истории Чувашии по археологическим данным // Исследования по истории Чувашии периода феодализма Чебоксары, 1986 С 3—23

[74] Казанская история М -Л , 1954

[75] *Дубровина Л А* История о Казанском царстве (Казанский летописец) Списки и классификация текстов Киев, 1989 С 4

[76] Сказания князя Курбского. Ч. 1. СПб., 1833.

[77] *Горсей Д.* Записки о России XVI — начала XVII в. М., 1990; *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937; *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906; *Петрей П.* История о Великом княжестве Московском, // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. Кн. 4. М., 1865. С. 1—88; *Флетчер Д.* О государстве Русском. СПб., 1905; *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. Л., 1925; *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи великого княжества Московии // Россия XV — XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 225—286.

[78] РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ; *Анпилогов Г.Н.* Нижегородские документы XVI века (1588—1600 гг.). М., 1977; Материалы по истории Татарской АССР. Вып. 2. Писцовые книги города Казани 1565—1568 гг. и 1646 г. Л., 1932; Писцовая книга Казанского уезда 1602 — 1603 годов. Казань, 1978; Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565 — 1567 гг.) Казань, 1909.

[79] РГАДА. Ф. 123. Крымские дела. Кн. № 8—19; Ф. 127. Ногайские дела. Кн. № 8—10; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско—Литовским государством. Т. 35, 59, 71. СПб., 1887—1892; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией. Т. 41, 95. СПб., 1884—1895.

[80] *Карамзин М.Н.* История государства Российского. Кн. 2, Т. 5—8. М., 1989; Кн. 3, Т. 9—12. М., 1989; *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 6. М.—Л., 1966; *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен. Т. 5, Ч. 2. СПб., 1789; Ч. 3. СПб., 1789; Ч. 4. СПб., 1789; Т. 6, Ч. 1. СПб., 1789.

[81] Вятские песни, сказки, легенды. Горький, 1974; Легенды и предания // Записки Удмуртского НИИ. Вып. 10. Ижевск, 1941. С. 90—124; *Магницкий В.К.* Предание о Пашкане — керемете // МАВ. 1997, Вып. 7. С. 140—141; Марийские народные сказки. Йошкар-Ола, 1984; Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания. Йошкар-Ола, 1991; Нижегородские предания и легенды. Горький, 1971.

[82] *Ширяева П.Г.* Новые фольклорные материалы о марийско—русских взаимоотношениях в период присоединения Поволжья к Руси // Марийская литература, искусство и народное творчество. Йошкар-Ола, 1966. С. 152—161; *Айплатов Г.Н.* Навеки с тобой, Россия. О присоединении Марийского края к Русскому государству. Йошкар-Ола, 1967. С. 87—107; *Четкарев К.А.* Марийское предание об Акпарсе. Из истории покорения Казани Иваном Грозным. // УЗ МарНИИ. Вып. 7. Йошкар-Ола, 1955. С. 33—80; *Телешов Н.* Живой камень // Марийский край, земля Онара. М., 1989. С. 19—21; НРФ МарНИИ. Сборник материалов марийского исторического фольклора, собранный А.М. Бердниковым.

[83] *Михайлов С.М.* Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары, 1972.

[84] *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. Ч. 1—3. Чебоксары, 1983—1988. 2-е издание вышло в 1993 г.

Глава 1. Марийцы в XIII—XVI веках

В XIII—XVI вв. марийцы занимали территорию несколько превышающую площадь современной Республики Марий Эл. На севере они заселяли среднее течение Вятки до реки Пижма, далее — Среднее и Нижнее Поветлужье. Отдельные поселения марийцев встречались в Унжеском бассейне. Наряду с мордовскими, марийские поселения долго фиксировались в русских документах в междуречье Суры и Оки[1]. Однако основная часть правобережного марийского населения в указанные века расселялась к востоку от Суры в границах современного Горномарийского района. Вдоль Волги марийские поселения тянулись до Чебоксар, а, возможно, даже до Свияги. Восточный рубеж расселения марийцев был близок к современной границе республики, однако на начальном этапе марийские поселения имелись по берегам рек Казанка и Мёша. Обособленный район проживания этнических марийцев уже с XV в. отмечается в Приуралье по рекам Каме и Белой.

Определить численность марийского населения для XV—XVI вв. не представляется возможным из-за отсутствия надежных исходных данных. Можно лишь высказать предположение. По подсчетам профессора А.Г. Иванова, численность марийского населения в 1723 г. составляла 73 000, причем непосредственно на территории края проживало около 41 000[2]. Г.Н. Айплатов, на основании обобщения данных ясачных книг, определил, что в 70—80-х гг. XVII в. на территории края могло проживать 110—120 тыс. марийцев[3]. Численность марийского населения для середины XVI столетия можно приблизительно высчитать по нескольким известиям Казанского летописца и сообщению А.М. Курбского о количестве луговомарийских повстанцев (20 тыс.), с которыми ему приходилось сражаться[4]. Используя эти сведения, можно предположить, что марийцев в середине XVI в. насчитывалось от 70 до 120 тысяч человек. Плотность населения не была одинаковой. Наиболее заселенным являлось правобережье Волги, известное из источников как Горная сторона. Населенным считался и район восточнее Малой Кокшаги, в то время как западнее население было малочисленным.

В XIII—XVI веках марийцы более четко, чем сейчас, разделялись на локальные этнографические группы. Отличия имелись в материальной и духовной культуре, языке, хозяйстве. Они обуславливались особенностями территории расселения и влиянием различных этнических компонентов, принявших участие в формировании тех или иных групп марийского народа. *Горные* марийцы проживали по правому берегу Волги. *Луговые* марийцы расселялись восточнее реки М. Кокшага. К западу от нее обитали *ветлужские* и *кокшайские* марийцы, именуемые учеными еще и как *се-*

веро-западные. Проживавшие в Приуралье и Прикамье марийцы известны как *восточные*.

Марийцы исповедовали языческую религию, их богами являлись одухотворенные силы природы. Часть марийцев, особенно родовая верхушка, в XVI в. под влиянием соседних татар приняла ислам.

Хозяйство у марийцев было комплексным. Они занимались скотоводством, земледелием, существенную роль играли охота, рыболовство и бортничество. Однако было бы ошибкой полагать, что перечисленные отрасли хозяйства у различных групп марийского населения имели одинаковое распространение. В подобное заблуждение впадали многие исследователи, рассматривавшие марийский народ в целом без учета локальных особенностей. Отличия в хозяйственной деятельности имелись и диктовались разнообразием природных условий в крае. Скотоводству благоприятствовало наличие заливных лугов в поймах многочисленных рек, особенно на Левобережье. Марийцы разводили крупный рогатый скот, овец, свиней, лошадей. Сложнее обстояло дело с земледелием. Археологических данных, подтверждающих наличие земледелия у средневековых марийцев, крайне мало[5]. Многие иностранные путешественники, посетившие в XVI—XVII вв. Россию, вообще отрицают наличие земледелия у марийцев. Тем не менее земледелие у марийцев все же было, но распространялось не повсеместно. В крае преобладают дерново-подзолистые, супесчаные и песчаные почвы с невысоким природным плодородием. Пригодные для земледелия почвы имеются лишь в восточной части края и на Горной стороне. Как раз здесь и находились основные земледельческие районы. На это имеются указания в источниках. Так, Казанский летописец, говоря о луговых марийцах, подчеркивает, что «вся те луги, земляпащцы и трудницы»[6]. Князь А.М. Курбский, описывая свое участие в походе на Казань через земли горных мари и чуваш, с восхищением вспоминал: «Черемисский же хлеб сладостнейший, паче драгоценных калачей, обретеся»[7]. Основными зерновыми культурами, возделываемыми марийцами, были просо, ячмень, овес, полба, рожь и мягкие сорта пшеницы. Зерно размалывали с помощью ручных каменных жерновов[8]. Этнографические материалы позволяют предположить, что могли быть и деревянные жернова из твердых пород дерева с вбитыми в соприкасающиеся поверхности каменными или металлическими пластинками[9].

Однако в бассейнах Большой Кокшаги и Ветлуги земледелие не получило широкого распространения. И на сегодняшний день западная часть Республики Марий Эл, где преобладают песчаные почвы и много обширных болот, не является сельскохозяйственно освоенным районом. Проживавшие там ветлужские и кокшайские марийцы, если и занимались земледелием, то незначительно и в подсечной форме. Основу их хозяйства составляли скотоводство и лесные промыслы — охота, рыболовство, бортничество и собирательство. Рассказывая об этих группах марийцев, Казанский летописец говорит, что «черемиса кокшаская и ветлужская, живет в пустынях лесных, ни сеют, ни орют, но ловом звериным и рыбным, и войною питаются»[10]. Аналогичное по смыслу описание хозяйственной де-

ятельности черемис имеется в книге польского профессора М. Меховского, вышедшей в 1517 г. «В этих областях не пашут, не сеют, не имеют ни хлеба, ни денег, питаются лесным зверем, которого у них много», — пишет он[11].

Значительное место в хозяйственных занятиях марийцев лесных промыслов объясняется тем, что они жили в поистине благодатном лесном краю. Безбрежные дремучие девственные леса сплошным массивом занимали всю Луговую сторону, сливаясь на севере с тайгой. При описании Марийского края современники часто употребляли выражения типа «крепи лесные», «дебри», «пустыни лесные» и т.п. В марийских лесах водилось великое множество дичи — медведи, лоси, олени, волки, лисицы, рыси, горностаи, соболя, белки, куницы, бобры, зайцы, множество разнообразной птицы, реки были полны рыбы. Марийский край являлся одним из важнейших поставщиков пушнины на Русь, в Волжскую Булгарию, позднее в Казань[12]. Казанский летописец, при описании казанской ярмарки, отмечает присутствие там черемис, торгующих пушниной[13]. Герберштейн пишет, что беличьи шкурки из Чувашии поступали в Москву[14]. Не исключено, что занятые промысловой охотой, ветлужско-кокшайские марийцы могли вести полуоседлый образ жизни, заходя в поисках добычи в отдаленные северные леса. Видимо, этим можно объяснить то, что современники не отмечают у них долговременных жилищ и, вместе с тем, сообщают о том, что «этот народ населяет обширные пространства от Вятки и Вологды до реки Камы»[15]. На самом же деле марийцы не проживали на столь обширной территории, но не исключено, что могли там охотиться. К тому же, иностранные путешественники вполне могли причислить к черемисам реликтовые группы родственной веси, чуди и мери.

Налажено было у марийцев и ремесленное производство. Они знали кузнечное и ювелирное дело, деревообработку, занимались выделкой кож, гончарством. Марийские женщины ткали льняную и шерстяную одежду[16].

Жили марийцы в бревенчатых домах, в небольших, состоящих из нескольких домов, деревнях — илемах и заимках — руэмах. Поселения располагались по берегам водоемов. Имелись и укрепленные рвами, валами и частоколами «крепи» и «остроги», в которых марийцы укрывались в случае военной опасности. Некоторые из таких острогов являлись административными и племенными центрами.

Особую сложность для исследователей представляет вопрос о социальном развитии марийского общества в указанные века. В XIX и начале XX в. господствовало мнение о продолжительном сохранении у марийцев родоплеменных отношений[17]. Советские историки, напротив, выступали с утверждением о рано начавшемся процессе распада первобытнообщинного строя у марийцев уже с середины I тыс. н. э. По их мнению, в последующие века произошло складывание раннеклассовых феодальных отношений с заменой родовых общин соседскими и выделением патриархальных семей. При интенсивном имущественном и социальном расслоении марийского общества появилось зависимое население и выделился класс эксплуататоров феодалов[18].

Изучение социально-экономических отношений в марийском обществе позволило К.И. Козловой дать иную трактовку. Ее точка зрения представляется нам более убедительной. По результатам своих многолетних исследований она пришла к выводу, что разложение первобытнообщинного строя не могло происходить столь интенсивно, что уже в первой половине XVI в. марийское общество стало классовым феодальным. По ее мнению, этот процесс был длительным. В XVI в. марийцы переживали своеобразный переходный период от родоплеменного строя к раннефеодальному. При этом в социальных отношениях причудливо переплетались как признаки еще родоплеменной организации, так и элементы складывающегося раннеклассового общества. По-прежнему сохранялась общинность, однако уже стала ощутимо проявляться имущественная и социальная дифференциация. Последняя не являлась пока достаточно четкой, так как отсутствовал еще легализованный аппарат принуждения.

У марийцев была родовая знать, именуемая в русских источниках десятниками, пятидесятниками, сотниками и сотными князьями. Десятинно-сотенная форма управления сложилась в результате организационных мероприятий Золотой орды с административно-фискальной и военной целью. Такая форма управления в целом соответствовала уже существующей у марийцев племенной организации и поэтому была ими воспринята. Сами марийцы именовали своих руководителей *лужавуйями* и *кугуоза*.

Однако считать племенную марийскую старшину национальными феодалами, как верно замечает К.И. Козлова, никак нельзя. Марийская родоплеменная знать в XV—XVI вв. еще не порвала с народоправием и не возвысилась над «чернью» настолько, чтобы окончательно поставить родовых общинников в состояние личной зависимости. Не была в их руках сосредоточена и особая принудительная власть по взиманию в свою пользу феодальной ренты. В XVI в. вся родоплеменная верхушка избиралась на общих племенных собраниях. По этой причине выборная марийская старшина пользовалась авторитетом у простых общинников. Их власть среди единоплеменников основывалась не на грубом насилии, опирающемся на оторванную от народа дружинную организацию, а на личном достоинстве, авторитете, поддержке общественного мнения и патриархальной традиции «старшинства»[19].

Одновременно в марийском обществе все более заметно проявлялся процесс концентрации власти в руках отдельных семей. Авторитет наиболее выдающихся выборных вождей автоматически распространялся и на их детей. На очередных выборах они поддерживались своими влиятельными родителями и имели преимущественные шансы собрать большинство голосов соплеменников и стать вождями. При сохранении внешней демократичности выборов круг реально избираемых членов племени постепенно сужался, фактически полным ходом шел процесс подмены демократического института выборности передачей власти по наследству. Например, из летописей известно о детях наиболее влиятельного луговомарийского сотенного князя Мамич-Бердея. Они выступают как преемники своего отца в руководстве марийцами[20]. Сотенные князья, видимо, за-

нимали более высокое положение среди прочих вождей. Они могли возглавлять племена и даже союзы племен. Тесно связанные со своим народом, марийские вожди прислушивались к мнению соплеменников и отстаивали их интересы.

Таким образом, в XIII-XVI вв. марийское общество оставалось в целом еще социально однородным, не отягощенным какими-либо классовыми противоречиями. Большое значение сохраняла военно-демократическая организация. Это способствовало сплочению марийских племен перед внешней угрозой, придавало им внутреннюю силу.

Марийское общество разделялось на рода, которые составляли племена. Одна из марийских легенд указывает на существование более 200 родов и 16 племен. Власть в племени принадлежала совету старейшин, который обычно собирался 1—2 раза в год. На нем решались вопросы о праздниках, о порядке общественных молений, хозяйственные дела, вопросы войны и мира. Из фольклора же известно о том, что раз в 10 лет собирался совет всех марийских племен с целью разрешения вопросов, затрагивающих общие интересы. На этом совете происходило перераспределение охотничьих, рыболовных, бортных угодий[21].

Постоянная военная угроза со стороны соседей и процесс феодализации привели к тому, что у марийцев стали складываться союзы племен. Отдельные из них были весьма сильными и уже стояли на пороге создания так называемых варварских государств. Самым могучим таким союзом было известное из фольклора «Малмыжское княжество», располагавшееся по среднему течению Вятки и ее правому притоку Шошме. Столица союза находилась в сильно укрепленном Малмыже. Предания упоминают племенных марийских вождей Алтыбая, Урсу, Яшмана, Алека, Сабатора, Тулбая, Тюкан Шура, Болтуша, Акмазика[22].

При военно-демократической организации все взрослое мужское население являлось воинами и в случае военной опасности собиралось в ополчение. При полной мобилизации одни только левобережные марийцы, по свидетельству А.М. Курбского, могли выставить до 20 000 воинов[23]. На аналогичную численность марийских отрядов указывает и шведский дипломат Петр Петрей, побывавший в России в начале XVII в.[24] В 1551 г. на Горной стороне русские чиновники насчитали 12 000 мужчин призывного возраста[25]. Часть из них была представлена горными марийцами.

Вооружение марийских воинов состояло из боевых топоров на длинных рукоятках, копий, луков со стрелами и ножей с длиной лезвия 9—14 см. Сабли не имели широкого распространения и были, очевидно, лишь у некоторых военачальников. То же можно сказать и о наличии кольчуг[26]. Дошедшие письменные известия и миниатюрные изображения не позволяют сделать вывод о наличии у марийских воинов каких-либо доспехов.

Марийцы имели налаженную систему военной подготовки. С. Герберштейн, П. Петрей, А. Олеарий рассказывают о том, что «черемисы находят в стрельбе из лука такое удовольствие, что даже не дают есть сыновьям, если те раньше не пронзят стрелою намеченную цель»[27]. Усердные упражнения в стрельбе, занятия охотой и участие в военных действиях спо-

собствовали превращению марийцев в умелых стрелков. С. Герберштейн подчеркивает, что в казанском войске «черемисы и чуваши весьма искусные стрелки»[28]. «Злолютыми ратниками» называет черемис Казанский летописец[29]

Марийские воины могли сражаться пешими, конными и на ладьях. В источниках имеется немало свидетельств о нападениях марийцев на рыбаков, купцов и воинские отряды на реках Волге, Каме, Вятке и их притоках В то же время они не обладали достаточным умением для осуществления крупных боевых операций на воде. Все имеющиеся описания речных сражений не фиксируют участия черемис По этому поводу Казанский летописец замечает, что во время осады Казани в 1552 г. русские жили «от ладейные черемисы не брежахуся, не умеют бо битися с Русью на воде»[30]. Зимой, по глубоким снегам, марийские воины проворно передвигались «на ртах» — на лыжах[31].

В тактике марийских военных отрядов преобладали методы партизанской войны. Быстрые неожиданные нападения и столь же стремительное отступление сочеталось с умелой организацией засад и применением всевозможных военных хитростей, на выдумку которых они были неистощимы Одновременно марийцы не обладали умением сражаться в открытых битвах, если момент внезапности бывал утерян — они часто терпели поражение.

Средством связи марийцев служило специфическое идеографическое письмо в виде знаков — тамги, которые наносили на бересту, липовые палки или холст Использовались также сигнальные трубы. Передавая по цепочке условный звуковой сигнал, марийцы очень быстро могли произвести сбор воинов[32].

В случае необходимости, наравне с мужчинами могли принять участие в боевых действиях и женщины. Об этом рассказывается в марийском фольклоре и упоминается иностранцами. П. Петрей пишет, что марийские «женщины так искусны и ловки, что стреляют из луков, как мужчины», а «когда идут на неприятеля, вооружаются все, и мужчины и женщины, которыя всегда встречают врага с такою же храбростию и отвагой, как и мущины, стреляют назад и вперед себя в непр ятеля[a], который и обращается в бегство»[33]. Герберштейн добавляет, что марийцы «как мужчины, так и женщины, очень проворны в беге»[34].

Таким образом, в марийском обществе в XVI в. еще не завершился переход от родового строя к раннефеодальному, большую роль играла военно-демократическая организация, марийцы были воинственны и обладали достаточным военным потенциалом, чтобы заставить считаться с собой соседей.

---

[a] Имеется в виду искусство стрельбы из лука с коня

* * *

[1] Акты Московского государства Т 3 СПб , 1901 С 406, Акты феодального землевладения и хозяйства Ч 3 М , 1971 С 40, Документы и материалы по истории Мордовской АССР Т 1, Ч 1 Саранск, 1940 С 140-141

[2] *Иванов А Г* Очерки по истории Марийского края XVIII века Йошкар-Ола, 1995 С 36, 310

[3] *Айплатов Г Н* Социально-экономическое развитие и классовая борьба в Марийском крае в XVII в Дис к и н М , 1965 л 67-70, Ср *Он же* Крестьянство Марийского края в составе многонационального государства (середина XVI- XVII вв) // Тезисы докладов на конференции по итогам научно-исследовательской работы МарНИИ в 1986—1990 гг Йошкар-Ола, 1991 С 39

[4] КИ С 88, 161, ПСРЛ Т XIX СПб , 1903 С 63, Сказания князя Курбского Ч 1 СПб , 1833 С 67

[5] *Голубева Л А* Марийцы // Финно-угры и балты в эпоху средневековья М , 1987 С 114

[6] КИ С 86

[7] Сказания, С 18-19

[8] Очерки истории Марийской АССР Йошкар-Ола, 1965 С 41

[9] *Сепеев Г А* Восточные марийцы Историко-этнографическое исследование материальной культуры Йошкар-Ола, 1975 С 23

[10] КИ С 86

[11] *Меховский М* Трактат о двух Сарматиях М -Л , 1936 С 117

[12] История Марийской АССР Т 1 Йошкар-Ола, 1986 С 44

[13] КИ С 61

[14] *Герберштейн С* Записки о Московии М , 1988 С 128 В этом случае, несомненно, подразумевается и территория горных марийцев, которые непосредственно соседствовали с чувашами на Горной стороне

[15] *Он же* С 164, *Олеарий А* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно СПб , 1906 С 364

[16] Очерки истории Марийской АССР С 45—47

[17] *Смирнов И Н* Черемисы Историко-этнографический очерк Казань, 1889 С 111—112

[18] Очерки истории Марийской АССР С 28, История Марийской АССР Т 1 С 25—40, 49—50

[19] *Козлова К И* Очерки этнической истории марийского народа М , 1978 С 86—87

[20] ПСРЛ Т XXIX М , 1965 С 256

[21] Вятские песни, сказки, легенды Горький, 1974 С 147

[22] История Марийской АССР Т 1 С 42-43, 50, Марийский фольклор Мифы, легенды, предания Йошкар-Ола, 1991 С 139-260

[23] Сказания, С 67

[24] *Петрей П* История о Великом княжестве Московском, // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских Кн 4 М , 1865 С 29

[25] КИ С 88, В некоторых списках «Казанской истории» указывается на 40 000 Ср ПСРЛ Т XIX С 63

[26] *Архипов Г А* Марийцы IX—XI вв К вопросу о происхождении народа Йошкар-Ола, 1973 С 45, *Он же* Марийцы XII—XIII веков (К этнокультурной истории Поветлужья) Иошкар-Ола, 1986 С 48—51, *Никитина Т Б* Марийцы (конец XVI—начало XVIII вв) 1992 С 62-65, Очерки истории Марийской АССР С 37

[27] *Герберштейн С* Указ соч С 164, *Петрей П* Указ соч С 29, *Олеарий А* Указ соч С 364

[28] *Герберштейн С* Указ соч С 170

[29] КИ С 86

[30] КИ С 132

[31] ПСРЛ Т XIII М , 1965 С 230, 528, Т XX, Ч 2 СПб , 1914 С 540, ЦК С 336

[32] *Степанов А* Государственность древних мари // Марий Эл вчера, сегодня, завтра 1995, № 1 С 72—73

[33] *Петрей П* Указ соч С 29

[34] *Герберштейн С* Указ соч С 164

Глава 2. Марийцы под властью казанских ханов

Среднее Поволжье в первой трети XV в.

Надежных источников по истории Марийского края первой половины XV столетия неизвестно Мы располагаем лишь поздними источниками, возникшими в XVII—XVIII вв. Это Вятский и Ветлужский летописцы, летописец Солигаличского Воскресенского монастыря, а также памятник агиографической литературы — житие Варнавы Ветлужского[1]. Ввиду ненадежности этой группы источников воспользуемся ими лишь в той степени, насколько это нам кажется приемлемо и только в той части, которая не вызывает сомнения.

Итак, обстановка в Среднем Поволжье на рубеже XIV—XV вв. складывалась напряженная. Раздираемая внутренними противоречиями, некогда могучая Золотая орда с каждым годом слабела. В конце 80-х гг. XIV в. началась война между ханом Золотой орды Тохтамышем и грозным среднеазиатским властелином Тамерланом (Тимур Аксак). Ордынские войска терпели одно поражение за другим, воины Тимура разоряли не имевшие укреплений поволжские города. Булгарское население из Закамья стало переселяться в более безопасные районы в бассейне рек Мёша и Казанка[2]. Одновременно активизировались новгородские и вятские ушкуйники, ватаги которых стали разбойничать по Вятке, Каме, Ветлуге и Волге. В 1392 г. им удалось разграбить булгарские города Казань и Жукотин[3]. В 1393 г. хан Тохтамыш послал на Вятку царевича Бектута, чтобы покарать вятчан. Впоследствии ордынские ханы уже не были в состоянии действенно влиять на события в Среднем Поволжье.

Трудностями Тохтамыша поспешил воспользоваться московский князь Василий Дмитриевич I (1389—1425 гг.). В 1392 г. он прибыл в Орду и купил у нуждающегося в деньгах хана ярлыки на Нижегородское, Муромское княжества и Городецкий удел. В 1393 г. нижегородский князь Борис Константинович был смещен, и его княжество подчинилось Москве. С этим не смирились сыновья последнего Иван и Даниил и племянники суздальские князья Василий и Семен Дмитриевичи[4]. Они попытались найти заступничество у Тохтамыша, однако их постигла неудача[5]. Хану было не до феодальных усобиц на Руси, он сам с трудом отбивался от наступавших войск Тамерлана. В связи с этими событиями очень правдоподобным кажется известие Ветлужского летописца о том, что в 1394 г. на Ветлугу прибыли узбеки[a], которые забирали пригодных для военной службы марий-

---

[a] Узбеками в конце XIV в в Золотой орде называли фанатичных мусульман — последователей хана Узбека (1312 — 1342 гг), провозгласившего ислам государственной религией См Гумилев Л Н Древняя Русь и Великая степь М , 1989 С 658

ских мужчин и увозили их под Казань в войско Тохтамыша[6]. Неудачи в войне с Тимуром вызвали обострение междоусобной борьбы в Орде и усиление центробежных процессов. Уже в первой четверти XV в. начался распад Золотой орды на отдельные ханства, княжества и орды. В Среднем Поволжье стали обособляться булгарские княжества, все большее значение начала приобретать Казань. Однако о полной самостоятельности говорить еще не приходится. Очень слабы были булгары для обретения независимости, и слишком близко располагалась их территория к центру Орды. Время от времени тот или иной ордынский феодал приходил в этот не столь отдаленный улус и на какой-то срок задерживался там.

По Ветлужскому летописцу союз племен ветлужских марийцев в это время возглавлялся неким выборным князем (вождем) Кельдибеком, который стал искать поддержку у булгар и татар, чтобы с их помощью противодействовать давлению галичских князей[7]. У булгар оказались и, не нашедшие поддержки у часто меняющихся сарайских ханов, нижегородско-суздальские князья-изгнанники Иван, Даниил, Василий и Семен. В октябре 1398 г. князь Семен Дмитриевич вместе с отрядом татар во главе с царевичем Ентяком подошел к Нижнему Новгороду и обманом захватил город. Начатый татарами грабеж князь остановить был не в силах, и это сразу же настроило нижегородцев против него. Как только стало известно о приближении московской рати, возглавляемой галичским князем Юрием Дмитриевичем, татары, а вместе с ними и князь Семен поспешили уйти в Казань. Московские войска последовали за ними и в течение трех месяцев подвергали разорению Среднее Поволжье. Судя по сообщениям летописей, карательная акция проводилась с большим размахом. Были взяты города Булгар, Казань, Кременчуг, Жукотин. Подчеркивая успех похода, летописцы отметили, что «никтоже не помнит толь далече воевала Русь Татарьскую землю»[8]. Судя по летописным сообщениям, Марийский край не подвергся разорению, но галичский князь Юрий Дмитриевич вряд ли упустил возможность распространить свое влияние на граничившее с его княжеством Поветлужье. Ветлужский летописец содержит как раз известия такого характера[9].

В Орде тем временем укрепился князь Едигей (1352-1419 гг.), приостановивший на короткий срок распад государства. В 1407 г. он занял Булгар, а в сентябре-декабре 1408 г. попытался восстановить прежнюю зависимость Руси от сарайских ханов. Его войскам удалось захватить Ростов, Переяславль, Дмитров, Серпухов. Москва с трудом выдержала месячную осаду[10]. Одновременно с востока вторглось другое войско, состоящее из татар, мордвы и булгар. Им удалось захватить Нижний Новгород и Городец[11]. Очевидно, с ними пришли и князья Даниил и Иван Борисовичи. Видимо, не без помощи татар и булгар они были восстановлены на своем уделе в Нижнем Новгороде.

Булгары также воспользовались татарской помощью, когда летом 1409 г. вновь появились ватаги новгородских ушкуйников. Речных разбойников возглавлял боярин Анфал. Флотилия из 100 насадов плыла по Каме. Ушкуйникам удалось захватить и разграбить Жукотин и перебить

«много бесермен». По Волге на соединение с Анфалом плыла еще одна флотилия из 150 насадов, но встретиться им было не суждено. Булгары с помощью татар разгромили камскую флотилию и захватив самого Анфала, отправили его в Сарай, где он и был казнен[12]. Опасаясь новых набегов ушкуйников булгарские князья пригласили к себе татарских феодалов Уруса, Каирбека и Алтынчбея, названных в Никаноровской летописи послами. Уже в 1410 г. эти татарские князья предприняли серию нападений на русское пограничье. Летописец сообщает, что от тех татар «мног протор бысть и истома князем рускым»[13].

Нижегородские князья поддерживали тесные контакты с татарами и булгарами. 3 июля 1410 г. они вместе с царевичем Талычой неожиданно захватили Владимир, разграбили его, жителей частью перебили, частью увели в плен[14]. В Москве были до предела возмущены действиями нижегородских князей. Василий I снарядил против них войско. Узнав о грозящей опасности, нижегородские князья послали за помощью в Казань. Помощь успела прибыть вовремя. Решительная битва произошла 15 января 1411 г. на Лыскове острове на Волге. Сражение было ожесточенным и кровопролитным. «И бысть межу их сеча зла... и мнози падоша от обеих стран...», — повествует летописец. Победу одержали нижегородцы и казанцы[15]. Вновь восстановить свой контроль над Нижним Новгородом московский князь смог лишь в 1417 г.

Ослабление позиций Москвы в регионе благоприятствовало активизации ее противников. По Ветлужскому летописцу марийский князь Кельдибек в 1415 г., пользуясь поддержкой Казани, заключил с вятчанами союз и вместе с ними стал совершать нападения на Двинскую землю, а в 1417 г. вместе с ними же пытался захватить Устюг[16]. Наиболее крупное вторжение произошло зимой 1428—29 г., когда объединенное булгаро-татарское войско во главе с князем Али-бабой (Либей, Алибек) и марийские отряды Кельдибека напали на Галич. Несмотря на месячную осаду город взять не удалось. Но на иных направлениях они достигли большего успеха. 19 января была захвачена и разграблена Кострома, чуть позже Плёсо, Лух, Юрьевец и Кинешма, после чего казанцы отступили вниз по Волге. Посланная с опозданием погоня смогла лишь разгромить арьергард противника[17]. В 1429 и 1430 гг. Поволжье сильно пострадало сначала от засухи, потом от моровой язвы и эпидемии чумы[18]. В 1431 г. по распоряжению великого князя московского Василия II Темного (1425—1462 гг.) воевода Федор Давыдович Пестрый предпринял карательный поход «на болгары волжьскые». Летописные сообщения об этом походе очень лаконичны. В них написано лишь то, что князь «болгары воевал, да и взял», «всю землю их плени». Очевидно обескровленные засухой и эпидемиями булгары не оказали заметного сопротивления. Своим походом князь Ф.Д. Пестрый лишь усугубил и без того тяжелое положение булгар[19]. После этого «на мало время смирися Казань и укротися, и охуде, и стояше пуста 40 лет», — сообщает Казанский летописец[20].

Новая страница в истории Среднего Поволжья связана с именами изгнанного из Сарая хана Улуг-Мухаммеда и его сына Махмутека. В период

между 1438 и 1445 годами они пришли в Казань и, убив булгарского князя Либея, утвердили свою, легитимную в глазах местного населения и правителей окрестных стран, власть[21]. По сообщению Казанского летописца, который, очевидно, использовал утраченные впоследствии татарские источники, население Среднего Поволжья — «худыя болгары» «и черемиса» положительно восприняли приход хана и татарского войска. «И молиша его казанцы быти ему заступника бедам их, и помощника от насилия, воевания рускаго, и быти царьству строителя, да не до конца запустеют, и повинишася ему»,— повествует Казанский летописец[22]. По-нашему мнению, этот рассказ близок к истине. В условиях, когда Среднее Поволжье периодично подвергалось опустошительным набегам ушкуйников, вторжениям русских князей и отдельных татарских отрядов из степей, прибытие сильного войска и хана могло вызвать у местного населения надежду на стабилизацию политического положения в регионе и защиту. В сильной центральной власти были заинтересованы практически все, как булгарское население, так и марийцы, удмурты и чуваши. Этим были созданы условия для установления между марийцами и Казанью союзных конфедеративных отношений.

Казанское феодальное государство

Казанское ханство занимало площадь примерно в 250 тыс. кв. км. Точно обозначенных границ не имелось. Исключение составлял лишь юго-запад, где разграничение шло по Суре. В иных местах граница определялась лишь приблизительно, по принципу уплаты населением ясака. Условно границу можно провести от устья Суры через Ветлужский бассейн к Средней Вятке и далее к Каме. В Приуралье казанским властителям подчинялась часть башкирских племен. Закамье же лишь частично принадлежало Казани, т.к. имевшиеся там степи служили местом кочевий ногайцев. Вдоль Волги власть казанских ханов, видимо, простиралась до Самарской Луки.

Административно ханство разделялось на стороны — Горную, Луговую, Арскую и Побережную. Стороны делились на округа — даруги. На левом берегу Волги известны Зюрейская и Ногайская даруги. Земли, заселенные марийцами, входили в состав Галицкой, Алатской и Арской даруг. Казанский исследователь К.Р. Синицына отмечает наличие даруг и на Горной стороне[23]. Даруги, в свою очередь, разделялись на улусы, именуемые на Руси волостями. Меньшими территориально-административными единицами были сотни и станы. Они могли включать от нескольких деревень до нескольких десятков.

Столицей ханства являлась Казань, защищенная первоклассными для того времени укреплениями, состоящими из рва, вала и высоких, сложенных из дубовых бревен, стен. Городом можно назвать и Арск, остальные поселения как правило были небольшими.

Во главе страны стоял хан, формально являвшийся полновластным правителем. На деле его власть существенно ограничивалась советом выс-

ших светских и духовных феодалов — диваном. При решении наиболее сложных вопросов созывался курултай — общее собрание татарских феодалов.

Феодальный класс Казанского ханства был мощным и многочисленным. Его верхушку составляли эмиры, хакимы и беи, именуемые в русских источниках князьями. К средним феодалам, близким по своему положению к русским дворянам, относились мурзы и уланы. Низшую категорию служилых людей составляли городовые (ички) и сельские (задворные) казаки — профессиональные татарские воины. За службу они, видимо, освобождались от уплаты ясака, несения ряда повинностей и получали земельный надел.

К податным категориям населения относились крестьяне, ремесленники и купцы, а также все нетатарское население ханства, включая племенную знать. Зависимое население было представлено исключительно рабами (кул-чура), которыми становились преимущественно русские полоняники. Большая их часть продавалась на восточных базарах, другие же оставались в ханстве и привлекались к работам. По сообщениям летописей, в ханстве в середине XVI в. находилось несколько десятков тысяч русских полоняников. Часть рабов, предварительно обращенная в ислам, переводилась в положение зависимых крестьян, наделялась землей, могла иметь свой дом, хозяйство, им разрешалось создавать семьи. Большинство рабов было сосредоточено у татарских феодалов, но имелись они и у родовой знати нетатарских народов, в том числе и у марийцев.

По определению современников, вооруженные силы ханства насчитывали 30 000 человек, а при общей мобилизации ханство могло собрать до 60 000 воинов[24]. Ядро казанского войска составляла ханская гвардия. Во время войны каждый вассал приводил подчиненный ему отряд. Нетатарское население ханства составляло ополчение и возглавлялось собственными вождями. Сохранение устаревшей системы разделения войск на отдельные, слабо подчиняющиеся верховному командованию отряды, значительно ослабляло боеспособность казанского войска[25]. Вооружение включало копья, луки со стрелами, сабли, боевые топоры, булавы, ножи и прочее характерное для того времени холодное оружие. Защитное снаряжение состояло из тегиляев, кольчуг, бехтерцев, шлемов и круглых щитов. Огнестрельного оружия — пищалей и пушек (преимущественно трофейное русское вооружение) у казанцев было мало, и они использовались только при обороне Казани и не всегда удачно из-за недостатка специалистов[26].

Господствующей религией в ханстве считался ислам. Он играл важнейшую роль в жизни мусульман. Кроме татар ислам исповедовали башкиры. Имел он некоторое распространение и среди других народов Среднего Поволжья, в том числе и марийцев. В целом в ханстве соблюдалась характерная еще для Золотой орды веротерпимость, массовой насильственной исламизации язычников не проводилось. Комплекс принципов и правил поведения мусульманина — шариат являлся единственной нормой феодального права, действовавшей в стране. Широко было распростра-

нено и обычное право. Многочисленное мусульманское духовенство, возглавляемое сеитом, имело значительное влияние в ханстве.

Верховным собственником земли являлось феодальное государство. Наиболее же крупным землевладельцем был сам хан. Вотчинными земельными владениями располагали татарские феодалы и мусульманское духовенство. Однако основная часть земель оставалась в пользовании крестьянских общин. Общинное землепользование, очевидно, преобладало, но наряду с этим бобровые гоны и бортные ухожаи находились у крестьян на вотчинном праве и могли продаваться[27]. За пользование землей крестьяне платили государству многочисленные налоги и выполняли повинности. За службу хан предоставлял феодалам суюргальное право, предусматривающее взимание государственных налогов с определенной территории в свою пользу, крестьяне оставались при этом лично свободными. Суюргальное право обычно становилось наследственным, хотя хан мог и забрать у феодала его суюргал.

Управление ханством отличалось четкостью, для этого существовал значительный штат чиновников. Однако ханство оставалось слабо централизованным, феодалы имели большую самостоятельность и не всегда подчинялись хану и дивану.

Судя по содержанию дошедшего до нас ярлыка Сахиб-Гирей хана от 1523 г.[28] и некоторым иным источникам, в ханстве существовало не менее 23 разновидностей налогов и повинностей. Все их можно разделить на несколько групп. Основными были поземельные налоги. Наиглавнейшим среди них являлся ясак. Еще были посемейные, подушные и подворные налоги. Кроме того, существовало немало разовых сборов — за торговлю, провоз товара, судебные пошлины, налог на свадьбы, обязательные подарки татарским феодалам. На крестьян налагалась обязанность содержать ханский двор, административный аппарат и войско. Существовали специальные сборы, связанные с вероисповеданием. Налоги уплачивали как в натуральной форме, так и деньгами.

Население ханства обязано было выполнять и целый ряд разнообразных повинностей. Городовое дело предусматривало заготовку леса и строительные работы по возведению и ремонту укреплений и городских строений. Ямская повинность требовала от населения несения почтовой службы и поддержания в надлежащем порядке дорог и мостов. Постойная повинность являлась, пожалуй, самой обременительной, т.к. она требовала от населения предоставления постоя и обеспечения пищей и лошадьми проезжающих татарских феодалов и иностранных послов. Крестьяне в Казанском ханстве являлись полуслужилым сословием, поэтому во время частых войн обязаны были в составе ополчения присоединяться к войскам[29].

Однако посредством простого перечисления существовавших в ханстве налогов и повинностей нельзя сделать заключение о тяжести феодального гнета. А именно так поступают многие историки, не утруждая себя детальной проработкой этого вопроса. На деле налоги и повинности в ханстве не являлись одновременными, постоянными и обязательными для всех. Полнота налогообложения и выполнения повинностей в отношении

различных категорий населения, в зависимости от местности, в разное время не была одинаковой[30]. Примером могут служить взаимоотношения ханской администрации с населением Горной и Луговой сторон.

Луговая сторона в составе Казанского ханства

Первый казанский хан Улуг-Мухаммед вскоре был убит сыном Махмутеком, занявшим новый ханский престол. Перед Махмутеком сразу же встала задача укрепления собственной власти. Дальновидный хан смог правильно оценить обстановку и быстро понял, что невозможно закрепиться в Среднем Поволжье без опоры на местное население. Именно в этом заключалась основная ошибка его многочисленных предшественников — татарских феодалов. Призывая из степей разрозненные группы татарских воинов, Махмутек не забывал и о налаживании отношений с окрестными жителями. Пришлым татарам не было необходимости кого-то завоевывать, т.к. они оказались в практически оформившемся государстве, население которого было готово к сотрудничеству. Татары не стали ломать сложившуюся до них систему взаимоотношений и лишь приспособили ее к своим нуждам.

Самые тесные контакты пришельцы установили с булгарами. Благоприятные отношения сложились у них и с левобережными черемисами (марийцами), которые в целом можно охарактеризовать как союзнические, конфедеративные. Для этого имелась весьма серьезная основа. Территория расселения воинственных левобережных марийцев надежно прикрывала центр ханства с севера и запада. Смелые марийские воины оказывали противодействие наступающим на Казань русским ратям, перерезали все коммуникации и участвовали совместно с татарами в сражениях. Часто от успешности действий марийских отрядов зависел исход военной кампании. Левобережные марийцы пользовались таким большим доверием казанцев, что им неоднократно поручалось даже участие в обороне столицы ханства. Без них не обходились и грабительские походы казанских отрядов на Русь. Татарам было небезразлично то, как их встретят в глухих марийских лесах. Заинтересованы они были и в проводниках, хорошо знавших таежные дороги и тропы. И участие в походах опытных марийских воинов также было выгодно татарам.

Для марийцев союз с татарами сулил не меньшие выгоды. Силы марийских племен были недостаточны для сдерживания распространения русской колонизации на их земли. Левобережным марийцам необходим был союз с сильным Казанским государством для отстаивания своей независимости. Протекавший в марийском обществе процесс феодализации также способствовал установлению контактов с татарами. Марийские племенные вожди нуждались в поддержке со стороны татарских феодалов для утверждения собственной деспотичной власти, открывающей путь к закабалению соплеменников[31]. Важную роль в этом союзе играла возможность сбыта на казанском базаре наиболее ценного марийского товара — пушнины. Эти факторы сдерживали развитие сепаратистских тенденций

на Луговой стороне, которая оставалась надежным союзником Казани в борьбе против Московского государства.

В то же время Казань не пыталась подчинить левобережных марийцев своей власти, оставляя им своеобразную «автономию». Левобережье, особенно его западная часть, не являлось экономически развитым районом ханства, а лесные промыслы, составляющие основу хозяйства левобережных марийцев, трудно было контролировать и облагать соответствующим налогом. Казанские правители предпочитали довольствоваться тем ясаком, который для них собирали сами племенные марийские вожди. Для них более выгодным был политический союз с марийцами, нежели получение дополнительного ясака.

В чем же конкретно проявлялись особенности положения левобережных марийцев в составе Казанского ханства? На земли левобережных марийцев не распространялось суюргальное право, а это означает, что для них феодальное государство выступало единственным эксплуататором. Луговые марийцы, жившие в непосредственной близости от центра страны, были довольно прочно втянуты в орбиту ханской власти. Они были переписаны в ясачных книгах и поверстаны в податно-военные сотни и десятки, платили ясак и выполняли некоторые повинности. Например, в 1530 г. луговые марийцы возвели острог вокруг казанского посада[32].

Более независимы были ветлужско-кокшайские марийцы. В местах их проживания не существовало ни даруг, ни четкого деления на сотни[33]. Татарские ясачные книги даже не содержали полной переписи проживающего там населения[34]. Существенно влияла на положение ветлужско-кокшайских марийцев удаленность от центра. Они не выполняли городового дела из-за отсутствия вблизи их расселения татарских крепостей. Практически не распространялась на них и ямская повинность. Через их территорию проходила дорога на Галич, однако, по свидетельству современников, из-за трудностей и небезопасности ею предпочитали не пользоваться[35].

Ни фольклор, ни письменные источники ничего не сообщают о тяжести фискального гнета в отношении левобережных марийцев. Отсутствие известий о восстаниях против казанской администрации также косвенно свидетельствует, что он не был значительным. На это обстоятельство обращали внимание еще в XIX в. Н.А. Фирсов, Г.И. Перетяткович, Н.П Загоскин и другие исследователи[36].

Таким образом, проживавшие на левом берегу Волги марийцы находились по отношению к Казани скорее в конфедеративных союзнических отношениях, чем подчинительных. Это позволяло им сохранять относительную самостоятельность, борьба за сохранение которой и стала впоследствии основной причиной длительного сопротивления левобережных марийцев московскому завоеванию.

Горная сторона в составе Казанского ханства

Если с левобережными марийцами у Казани сложились в целом благоприятные союзнические отношения, то на Горной стороне они устано-

вились более сложные. В значительной степени это определялось геополитическим положением Горной стороны и уровнем экономического развития. Соседство со степями и наличие важных водных артерий уже издревле превратило Горную сторону в промежуточную контактную зону. Она стала своеобразным мостом между востоком и западом, севером и югом. Однако в условиях феодализма данное обстоятельство неизбежно вело к частым вторжениям многочисленных иноплеменников. На Горной стороне происходили столкновения сначала между русскими и булгарами, а затем русскими и татарами. Во время монгольского завоевания Восточной Европы Горная сторона не избежала вторжения. В Лаврентьевской летописи говорится о том, что осенью 1236 г. пришли «в Болгарскую землю безбожные татары», взяли штурмом столицу Булгар, «а всю землю их плениша»[37]. По сообщению путешествовавшего в те тревожные годы по Восточной Европе венгерского монаха Юлиана, летом и осенью 1237 г. монголы завоевали «царство морданов» (Мордовию) и некоторые иные земли[38]. Вторжения, как такового, на Горную сторону не было, монгольские полчища прошли южнее. Однако на флангах монгольского войска обычно двигались разведывательные и провиантские отряды. Они и могли проникнуть в северную лесную часть Горной стороны и подчинить проживавшее там население. Вскоре вся Горная сторона вошла в состав Золотой орды.

Привлекала Горная сторона завоевателей и как экономически развитый район. Уровень хозяйственного развития горных людей в XVI в. был выше, чем луговых[39]. Наличие плодородных почв и более теплый, чем в Левобережье, климат способствовали развитию сельского хозяйства. Ведущую роль здесь играли земледелие и скотоводство. В земледелии преобладала паровая система с двухпольным и трехпольным севооборотом, хотя в лесистой местности сохранялась еще подсека и перелог. Лесные промыслы — охота, бортничество, были распространены в меньшей мере, чем на Луговой стороне. Удобство речных путей и промежуточное положение между Россией и Казанью благоприятствовали торговле.

Близость к степям, стратегически важное положение Горной стороны и сравнительно высокое хозяйственное развитие определили жёсткость установленной здесь ордынскими правителями системы управления и контроля. Впоследствии она была унаследована Казанским ханством. Многие источники указывают на то, что Горная сторона давала Казани значительную часть поступлений в казну. Об этом свидетельствует настойчивость, с которой в 1551 и 1552 гг., уже после вхождения Горной стороны в состав России, казанцы добивались возвращения ее под свою власть. Даже после получения отказа они не смирились и стали просить у русского царя, «чтобы пожаловал, придал ясаков з Горные стороны»[40]. О том, что ясак ложился тяжким бременем на плечи горномарийских, чувашских и мордовских крестьян, свидетельствует следующее обстоятельство. Признавая над собой власть русского царя, жители Горной стороны просили, чтобы «пожаловал бы их государь в ясакех полегчил»[41]. Аналогичных просьб от на-

селения других областей ханства, при вхождении их в состав России, не поступало.

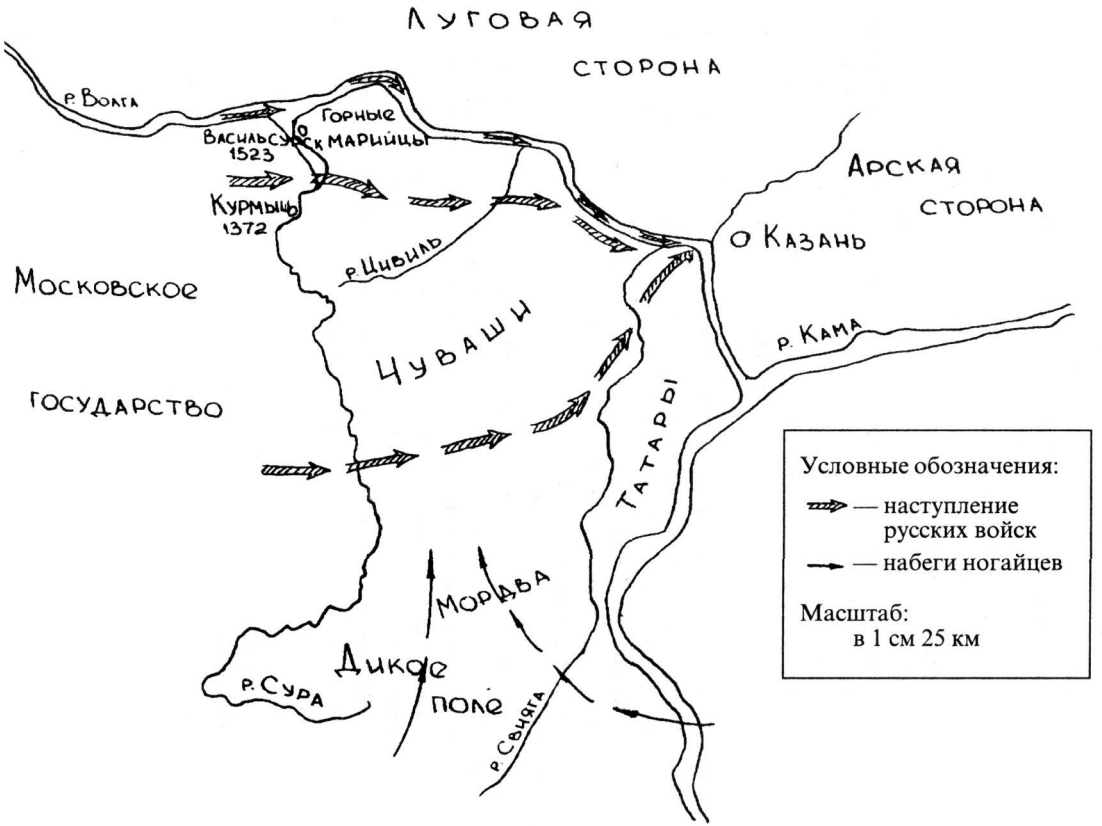
Не имея внушительных финансовых поступлений с Луговой стороны, казанские феодалы компенсировали недостаток за счет сборов на Горной. Земледельческо-скотоводческая направленность хозяйства местного населения позволяла ханским чиновникам контролировать посевные площади и поголовье скота, что существенно облегчало налогообложение. Несомненно, население Горной стороны выплачивало поземельные и иные подати в значительно больших размерах, нежели левобережные марийцы.

Все население Горной стороны было поверстано в податно-военные сотни. Ханские чиновники регулярно посещали селения горных людей и внимательно следили за изменениями в составе населения, занося их в ясачные книги. Это облегчало взимание подушных и посемейных податей, а также иных существующих в ханстве сборов.

Для управления и контроля за Горной стороной еще со времен Золотой орды имелся штат ханских чиновников. Это были баскаки и даруги, под рукой у которых находились сборщики податей и воинские отряды. Содержались они за счет чувашских, марийских и мордовских крестьян. Главе местной администрации — даруге уплачивали специальную пошлину, а в пользу татарской знати и чиновников собирался налог хараджат. Для Луговой стороны, где ханской администрации не было, а чиновники заглядывали лишь изредка, данная группа налогов, видимо, не была известна.

Значительно ухудшало положение населения Горной стороны наличие дорог на Русь и в Крым. Они интенсивно использовались войсками, посольствами, гонцами, чиновниками и татарскими феодалами. Проживавшее поблизости население много времени, средств и сил тратило на несение ямской службы, на поддержание в порядке дорог и мостов. Приходилось обеспечивать проезжавших пропитанием, лошадьми, предоставлять ночлег, в то время как те нередко пытались обобрать придорожных жителей. Например, в 1490 г. ехавший из Казани русский посол Ф. Киселев отбирал у чуваш коней, коров, овец, мед и меха[42]. В Нижегородском летописце имеется запись о том, что в 1513 г. плывшие из Москвы по Волге астраханские послы «грабили и в полон брали» встречавшихся им рыбаков[43]. Проезд же ногайских торгово-посольских делегаций больше напоминал вражеский набег. Для воспрепятствования грабежам от Москвы до границы их сопровождал воинский отряд, выдаваемый за почетный эскорт. Далее путь ногайцев проходил по южным районам Горной стороны. По дороге каждый мурза старался обобрать встречавшееся население. Можно присоединиться к мнению Ш.Ф. Мухамедьярова, утверждающего, что постойная повинность была одной из наиболее тяжелых[44].

Особое значение для населения Горной стороны имело городовое дело. Власть Казани здесь держалась на силе, поэтому в специальных опорных пунктах размещались воинские отряды. В большинстве случаев это были небольшие укрепления и сторожевые посты. Однако имелись и более значительные, например, Малосундырское городище. Местные крестьяне обязаны были отстраивать татарские укрепления и ремонтировать их.



Горная сторона в XV—первой половине XVI века

Чувашский исследователь В.Д. Димитриев указывает, что татарские укрепления обычно располагались на месте бывших булгарских крепостей. О татарских укреплениях часто упоминается в чувашских исторических преданиях[45].

При всей значимости Горной стороны для Казанского ханства, она была связана с ним политически, экономически, культурно и этнически гораздо слабее, чем Левобережье[46]. Основная причина этого заключалась в том, что она отделялась от остального ханства Волгой, и там постоянно возрастало влияние России. Наличие такого противоречия заставляло казанских феодалов в управлении Горной стороной опираться на военные силы и служивших им представителей родоплеменной знати. Деспотичная система управления, отсутствие общегосударственного законодательства, слабость ханской власти и сопутствующая ей феодальная анархия позволяли татарским феодалам чувствовать себя на Горной стороне почти самостоятельными правителями. Если на землях левобережных марийцев суюргальное право не имело распространения, то на Горной стороне оно нашло применение. При прибытии русских войск, в мае 1551 г., «старейшины и сотники горния черемисы» сообщали воеводам о том, что их князья и мурзы, т.е. суюргалодержатели, бежали в Казань[47]. Имевший суюргал феодал выступал в роли кормленника и старался получить с переданных ему территорий наибольшую выручку, произвольно увеличивая установленные нормы ясака. Порой не обходилось без вымогательства[48]. О нелегкой жизни населения Горной стороны под властью казанских ханов очень подробно и красноречиво рассказывается в горномарийских и чувашских исторических преданиях. В них имеется много описаний разорений, грабежей и увода в рабство. Одним из первых чувашских исследователей С.М. Михайловым в 1856 г. было записано предание, в котором говорится о том, что «казанские цари жили почти за счет чуваш, населяющих богатую страну, частовременно посылали своих подчиненных обирать их и уводить в неволю их дочерей. Татары... при малейшем сопротивлении оказывали свою варварскую жестокость; резали нещадно мирных людей и грабили их достояние»[49]. В другом предании говорится, что «народ чуваши у татар жили в самом угнетенном состоянии в течении более трехсот лет, в дружбе они не состояли, все время были злы друг на друга». В фольклоре имеется немало рассказов о произволе татарских феодалов на Горной стороне. Так, живущий в Шумерле баскак собирал ясак, судил и наказывал чувашей. Последние попытались пожаловаться на него проезжавшему визирю. Однако тот не только не помог им, но и наказал крестьян[50]. Горномарийский фольклор содержит рассказы о том, как татарские мурзы и даже сам хан заезжали на свадьбы и забирали понравившихся им девушек, порой прихватывали и невесту. Увезенные в Казань девушки обращались в ислам и надолго задерживались там в качестве наложниц[51]. Конечно, фольклор нельзя использовать как полноценный исторический источник, он может служить только иллюстрацией, однако уже само обилие преданий с определенной сюжетной линией является косвенным доказательством историчности событий, о которых идет речь.

Хотя тяжесть налогового бремени ощущалась на Горной стороне более, чем в иных частях ханства, все же настоящей бедой для населения стала близость к степям и промежуточное положение между Русью и Казанью. Горная сторона подвергалась опустошениям еще во время русско-булгарских войн. Монгольское нашествие положило начало запустению южной степной части Горной стороны. Во второй половине XIV в., когда в Орде началась междоусобица, процесс оттока населения в северные, более спокойные, районы усилился. Археологические исследования свидетельствуют, что существовавшие на юге Горной стороны городища, селища и надмогильные камни хронологически не переходят в XV в.[52] Однако степные наездники проникали и в более северные районы, поджигая леса. Летописи сообщают о том, что в 1377 г. Араб-шах ограбил Засурье, т.е. Горную сторону[53]. Набеги небольших грабительских татарских отрядов происходили постоянно. Казанский летописец рассказывает, что «поле» в южной части Горной стороны образовалось «от силного Батыява пленения и от инех по нем царей»[54]. В XVI в. Горная сторона, в южной своей части, подвергалась частым набегам ногайцев и крымских татар.

Спокойствия не было и вблизи Волги. На реке часто появлялись ватаги русских ушкуйников, грабивших не только по берегам, но и внутренние области. Так, в 1374 г. они «пограбиша Засурье и Марквашь» (район в бассейне Цивили и Свияги)[55].

Столкновения между русскими, булгарами и ордынцами часто происходили на Горной стороне. Особенно участились они после образования Казанского ханства. Во время частых русско-казанских войн те и другие войска следовали через Горную сторону. Через нее проходил самый короткий и удобный во всех отношениях путь. Здесь легче было достать провизию и фураж; территория, в отличие от заболоченного и лесистого Левобережья, была более удобна для прохождения войск, а местное население не отличалось такой воинственностью, как левобережные марийцы.

Обязанные служить в ополчении горные марийцы, чуваши и мордва оказывали сопротивление русским войскам и подвергались ответным ударам. Их селения разорялись, посевы вытаптывались или сжигались, не успевшие укрыться жители истреблялись или уводились в плен. Стремясь избежать частых разорений, горные люди отселялись подальше от дорог в лесную глушь. Описывая путь русских войск на Казань летом 1552 г., князь А.М. Курбский написал про горных людей, что «у них села при великих крепостях[b] ставлены и незримы аще и по близку ходящи»[56]. Однако, несмотря на все предосторожности, селения горных марийцев, чуваш и мордвы подвергались разорению. Практически каждый русский поход на Казань неизбежно приводил к опустошению Горной стороны, даже в том случае, если русские терпели неудачу. Сама оборонительная стратегия в ханстве была построена так, что население Горной стороны оказывалось без защиты. При появлении русской рати мужчины обязаны были собираться в ополчение и соединяться с казанским войском на Итяковом поле,

[b] В данном случае под «крепостями» подразумеваются «крепи лесные», т. е. лесная чаща.

находившемся около р. Свияга. Опоздавшие отряды должны были самостоятельно сдерживать продвижение русских войск. Но главные сражения происходили все же на Итяковом поле. Тем временем татарское население, проживавшее восточнее Свияги, успевало переправиться через Волгу и укрыться в Казани.

Пока военные конфликты между Россией и Казанским ханством не были частыми, отношения между горными людьми и Казанью, видимо, также строились на союзнической основе, однако с их учащением все очевиднее стала несостоятельность этого союза. Защищая Казань от вторжения русских, сами горные люди не получали действенной защиты, к тому же, должны были уплачивать в казну львиную долю налогов и выполнять массу повинностей. При ослаблении ханства и усилении России, произошедшем к середине XVI века, население Горной стороны все чаще стало обращать свои взоры на запад и думать о сближении с Москвой.

Этому способствовало и то обстоятельство, что влияние Казани на Горной стороне постоянно падало, а России, напротив, усиливалось. Еще в 1372 г. на левом берегу Суры была поставлена русская крепость Курмыш[57]. После этого восточная граница России надолго установилась по течению Суры. Марийское, чувашское и мордовское население вошло в тесное соприкосновение с русскими. При этом большая часть мордвы оказалась в составе России. Стали подданными России и проживавшие в Окско-сурском междуречье марийцы. Об этом имеется упоминание в духовной грамоте московского великого князя Ивана III от 1504 г., в книге С. Герберштейна, который писал, что черемисы живут возле Нижнего Новгорода по правому берегу Волги, вплоть до Суры и что «до сих пор их причисляют еще к подданным Московии», в местном фольклоре и топонимике[58]. Ю.А. Кизилов пишет о том, что на рубеже XIV—XV вв. влияние России в приграничных областях Горной стороны настолько возросло, что представители местного населения даже подавали русским князьям известия о предстоящих ордынских набегах[59].

Соседство с русскими благоприятствовало налаживанию хозяйственных связей, развитию торговли. Герберштейн отмечает, что чуваши, а значит, и горные марийцы, отличались знанием судоходства, навыки которого они использовали при торговле по Суре и Волге. В документах, относящихся еще к первой четверти XV в., имеются упоминания о торгах по р. Суре, принадлежавших Спасо-Благовещенскому монастырю[60]. В чувашском и горномарийском фольклоре рассказывается о том, что крестьяне часто торговали с русскими хлебом, мехами и даже лаптями. Поступление товаров с Горной стороны было обычным для Москвы. Герберштейн сообщает, что беличьи шкурки «благороднее всех прочих» поступают из Чувашии[61]. Сами горные люди приобретали у русских многие предметы ремесленного производства, в первую очередь, кузнечные изделия. Во время археологических раскопок в Чувашии обнаружена русская керамика, много вещей и монеты[62]. Кстати, основная валюта, ходившая в ханстве, также являлась русской, своей монеты Казань не чеканила[63]. Обычным был отход крестьян на заработки за Суру[64]. В первой половине XVI в. чувашские

и марийские крестьяне брали на оброк у русской администрации леса в Нижегородском уезде для сбора меда[65]. Особенно благоприятствовало укреплению хозяйственных и торговых связей строительство в 1523 г. в устье Суры Васильсурска и перенесение ежегодной ярмарки из-под Казани к Нижнему Новгороду.

Исследователи отмечают и культурные заимствования. Жители Горной стороны, подолгу жившие среди русских, учили их язык, перенимали ремесленное мастерство, некоторые их обычаи. Так, марийцами был заимствован у русских древний языческий праздник Семик[66]. По мнению археологов, в архитектуре жилищ и укреплений на Горной стороне отмечается русское влияние[67].

Укреплению связей населения Горной стороны с Россией способствовало присутствие там русских людей, среди которых были и захваченные во время войны полоняники, и беглые крестьяне. В первой половине XVI в. немало русских беглых людей скрывалось в приграничной полосе, где было опасно, но куда не всегда дотягивались руки боярско-дворянского сыска. В «Царственной книге» имеется сообщение о том, что в 1536 г. татары при нападении на Балахну и Нижний Новгород «беглых людей на Волзе многих посекли»[68]. В 1550 г. вопрос о беглых, укрывающихся на татарских рубежах, даже выносился на обсуждение Земского собора[69].

В периоды мира на Горной стороне останавливались русские купцы и рыбаки. Последние ловили рыбу даже за 1000 верст ниже Казани «живяще лето все, на диких водах ловяща и в осень на Русь возвращахуся, наловящеся и обогатившеся»[70]. Археологические исследования указывают на то, что в XIII—XV вв. русское население проживало на целом ряде поселений Горной стороны[71].

Как уже отмечалось выше, четких границ между Казанским ханством и Московским государством не существовало, территория стран определялась по уплате местным населением ясака. Лишь по Суре проходила единственная, признаваемая обеими сторонами, пограничная линия. Думается, что дело тут не только в том, что Сура являлась естественным рубежом. По периметру ханства имелось много рек, которые можно было бы рассматривать как пограничные, та же Унжа или Ветлуга. Скорее всего необходимо учитывать, что Горная сторона, в силу своего стратегического положения, являлась плацдармом как при наступлении татар на центр России, так и русских на Казань. По этой причине казанские феодалы не могли допустить русских на Горную сторону. Отсутствие распространения русской колонизации за Суру способствовало сохранению за горными людьми их пахотных и лесных угодий. Горные люди не испытывали натиска русской колонизации, следовательно, отсутствовала и одна из основных причин, которая могла бы вызвать конфликт. В ветлужском бассейне сложилась как раз иная ситуация, проникновение русских в охотничьи угодья вызывало там сопротивление ветлужско-кокшайских марийцев. Существенно и то, что население Горной стороны, занятое земледельческим трудом, активного участия в грабительских набегах на Русь не принимало. Источники пестрят сообщениями о набегах черемис к северу от Вол-

ги, к югу же от нее такие факты не фиксируются Горные люди, конечно, находились в составе казанского ополчения и не могли не участвовать в походах на Нижний Новгород и Муром, однако собственной инициативы, очевидно, не проявляли

Противоречивость положения населения Горной стороны в составе Казанского ханства постоянно нарастала и неизбежно должна была найти свое разрешение.

* * *

[1] *Херсонский И* Рукописное житие препадобного Варнавы Ветлужскаго // Костромская старина Вып 1 Кострома, 1890 С 1—38, Краткий исторический очерк Шангского городища // Там же Вып 3 Кострома, 1894 С 20—51, Летописец Воскресенского монастыря, что у Соли Галичской // Тр IV областного историко-археологического съезда в г Костроме в июне 1909 г Кострома, 1914 С 39—48, Нижегородский край в документах, цифрах, рассказах, мнениях М , 1992 С 47—48, *Березин П С* Заветлужье // Нижегородские марийцы ЙошкарОла, 1994 С 60—119

[2] Подробнее о запустении Закамья см *Димитриев В Д* Опустошение Болгарской земли в конце XIV—начале XV веков // Вопросы истории народов Поволжья и Приуралья Чебоксары, 1997 С 7—44

[3] ПСРЛ Т VIII СПб , 1859 С 61, Т XI СПб , 1897 С 125-126, Т XV М , 1963 С 160—161

[4] *Мавродин В В* Образование единого Русского государства Л , 1951 С 130

[5] *Гумилев Л Н* Древняя Русь и Великая степь М , 1989 С 651

[6] Краткий исторический очерк, С 35 Привлечение марийцев на службу в войска Золотой орды, видимо, было обычным делом Во время неудачного похода темника Мамая на Русь в 1380 г , закончившегося разгромом на Куликовом поле, в его войске находились и черемисы См ПСРЛ Т XXXVII Л , 1982 С 34

[7] Там же

[8] ПСРЛ Т IV СПб , 1848 С 101—102, Т V Л , 1925 С 247, 251, Т VI СПб , 1853 С 130, Т VIII С 72, Т XI С 163—164, 171, Т XXI СПб , 1908 С 417—418, Т XXV М —Л , 1949 С 225—226, 229, Т XXVI М —Л , 1959 С 166, Т XXVII М —Л , 1962 С 89, *Герберштейн С* Записки о Московии М , 1988 С 65

[9] Краткий исторический очерк, С 35—36

[10] ПСРЛ Т XXV С 238, Т XXVI С 175

[11] ПСРЛ Т XV С 484

[12] ПСРЛ Т IV С 111, Т V С 257, Т VI С 139, Т VIII С 84-85, Т XI С 211, Т XXVII С 242

[13] ПСРЛ Т XXVII С 242

[14] ПСРЛ Т XV С 186, Т XXVII С 97

[15] ПСРЛ Т XI С 215

[16] Нижегородский край, С 48, Краткий исторический очерк, С 36

[17] ПСРЛ Т VI С 143, Т VIII С 94-95, Т XXIII СПб , 1910 С 146, Т XXV С 248, Т XXVI С 186, Т XXVII С 269, Т XXX М , 1965 С 132, Нижегородский край, С 48, Краткий исторический очерк, С 38, *Березин П С* Указ соч С 84

[18] *Сафаргалиев М Г* Распад Золотой орды // На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X—XVI вв) М , 1996 С 486

[19] ПСРЛ Т VIII С 95, Т XVIII СПб , 1913 С 171, Т XXI С 459, Т XXII, Ч 1 СПб , 1911 С 431, Т XXVI С 187

[20] КИ С 49, Казанский летописец пишет о последствиях русского похода 1398/99 г , но

татаро-булгарский набег 1428/29 г показывает, что Казань не могла запустеть, если была в состоянии проводить крупные наступательные операции Вернее отнести данную оценку к 1431 г

[21] Вопрос об образовании Казанского ханства сложен, требует специального анализа и выходит за рамки проблематики данной книги, поэтому нами здесь не рассматривается Подробнее о проблеме см *Вельяминов-Зернов В В* Исследование о касимовских царях и царевичах Ч 1 СПб , 1863 С 6—10, *Сафаргалиев М Г* Указ соч С 484—519 *Алишев С Х* Казань и Москва Межгосударственные отношения в XV—XVI вв Казань, 1995 С 8—19

[22] КИ С 53

[23] *Синицына К Р* История Татарстана и татарского народа Ч 2, Казань, 1995 С 12

[24] *Меховский М* Трактат о двух Сарматиях М -Л , 1936 С 113, История Татарии в документах и материалах М , 1937 С 83, *Олеарий А* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно СПб , 1906 С 370, *Герберштейн С* Указ соч С 170

[25] История Татарской АССР Т 1 Казань, 1955 С 123—124

[26] Подробнее о вооружении казанского войска см *Измайлов И Л* В блеске мисюрок и бехтерцов // Родина 1997 № 3/4 С 105—108

[27] *Алишев С Х* Исторические судьбы народов Среднего Поволжья XVI—начало XIX в М , 1990 С 39

[28] История Марийского края в документах и материалах Эпоха феодализма Вып 1 Йошкар-Ола, 1992 С 14—15

[29] *Мухамедьяров Ш Ф* К вопросу о положении крестьянства в Казанском ханстве // УЗ КГУ Т 122, Кн 2 Казань, 1962 С 152—161

[30] *Алишев С Х* Исторические судьбы, С 44

[31] *Козлова К И* Очерки этнической истории марийского народа М , 1978 С 88

[32] КИ С 69

[33] *Козлова К И* Указ соч С 91

[34] КИ С 174

[35] *Герберштейн С* Указ соч С 162

[36] *Перетяткович Г И* Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации) М , 1877 С 131 *Фирсов Н А* Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве Казань, 1866 С 17, *Загоскин Н П* Казанские мятежи в первые пять лет после покорения Казани русской державе // Казанские вести 1891 № 61 С 3

[37] ПСРЛ Т 1 М , 1962 С 460

[38] *Аннинский С А* Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв о татарах и Восточной Европе // ИА Т 3 М -Л 1946 С 85

[39] *Кизилов Ю А* Земли и народы России в XIII—XV вв М , 1984 С 22

[40] ПСРЛ Т XIII М , 1965 С 167, 169, 171—173, 468—470, 472

[41] Там же С 165, 466, Т XXIX М , 1965 С 62

[42] Сб РИО Т 41 СПб , 1884 С 92—93

[43] ДРВ Т 18 М , 1791 С 83

[44] *Мухамедьяров Ш Ф* Указ соч С 157

[45] *Димитриев В Д* Чувашские исторические предания Ч 1 Чебоксары, 1983 С 45—46, 50-53

[46] *Тихомиров М Н* Российское государство XV—XVII веков М , 1973 С 99, *Кизилов Ю А* Указ соч С 71

[47] КИ С 88

[48] *Димитриев В Д* Чувашия в эпоху феодализма (XVI— начало XIX в) Чебоксары, 1986 С 27

[49] *Михайлов С М* Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов Чебоксары, 1972 С 331

[50] *Димитриев В Д* Чувашские исторические предания Ч 1 С 47

[51] *Четкарев К А* Марийское предание об Акпарсе Из истории покорения Казани Иваном Грозным // УЗ МарНИИ Вып 7 Йошкар-Ола, 1955 С 47—48

[52] *Димитриев В Д* Чувашия в эпоху феодализма С 295

[53] ПСРЛ Т XXVIII М -Л , 1963 С 79

[54] КИ С 125

[55] ПСРЛ Т XI М , 1965 С 20, Т XV М , 1963 С 106, Т XXV М -Л , 1949 С 189

[56] Сказания князя Курбского Ч 1 СПб , 1833 С 18

[57] ПСРЛ Т XI С 18, Т XVIII СПб , 1913 С 112

[58] Документы и материалы по истории Мордовской АССР Т 1, Ч 1 Саранск, 1940 С 140—141, *Герберштейн С* Указ соч С 134, 164, Нижегородские марийцы Йошкар-Ола, 1994 С 20, 23—26

[59] *Кизилов Ю А* Указ соч С 69

[60] История Мордовской АССР Т 1, Саранск, 1979 С 42

[61] *Герберштейн С* Указ соч С 128

[62] *Каховский В Ф* О ранних русско-чувашских исторических связях (до середины XVI в) // Вопросы истории Чувашии Тр ЧувНИИ Вып 73 Чебоксары, 1977 С 75—76

[63] История Казани Кн 1 Казань, 1988 С 55

[64] *Димитриев В Д* Чувашские исторические предания Ч 1 С 58—59

[65] *Он же* Чувашия в эпоху феодализма С 30

[66] *Он же* Чувашские исторические предания Ч 1 С 47, 59

[67] *Михайлов Е П* Золотоордынский и казанскоханский периоды истории Чувашии по археологическим данным // Исследования по истории Чувашии периода феодализма Чебоксары, 1986 С 19—20

[68] ЦК С 59

[69] *Шмидт С О* Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545—1549 гг) // Труды Московского государственного историко-архивного института Т 6 М , 1954 С 250

[70] ПСРЛ Т XIX СПб , 1903 С 33, КИ С 66

[71] *Полубояринова М Д* Русские люди в Золотой Орде М , 1978 С 102—116, *Михайлов Е П* Указ соч С 19—20, *Каховский В Ф* Указ соч С 75—76

Глава 3. Марийцы и русско-казанские отношения во второй половине XV—первой четверти XVI вв.

С образованием Казанского ханства и распадом Золотой орды в Восточной Европе сложилась новая политическая ситуация. Вновь образованные ханства и орды отношения с Русью пытались строить на прежней основе, требуя дани и политического подчинения. Однако для этого уже не было ни сил, ни условий Русь не оставалась прежним раздробленным и слабым государством, к середине XV в. она стояла на пороге объединения вокруг сильного Московского княжества. Не имея возможности установления над Русью прежней ордынской зависимости, татары вынуждены были ограничиться частыми набегами на окраинные русские земли, грабежами и уводом пленных Наибольшую активность при этом проявляла Большая орда во главе с ханом Ахматом. Русь настойчиво боролась за свое национальное освобождение и в 1480 г., после знаменитого стояния на Угре, смогла сбросить ненавистное 250-летнее ордынское иго.

Казанское ханство не имело столь грандиозной цели, как политическое подчинение Русского государства. Однако в 1445 г., когда русские потерпели поражение от татар под Суздалем, и сам великий князь Василий II оказался в плену, за его освобождение Москва обязалась выплатить Казани большой выкуп. В летописях о столь неприятном факте говорится весьма неопределенно. Называется сумма выкупа от 25 000 рублей до 200 000 Московские же летописцы вообще тактично умолчали о размерах выкупа, написав лишь, что великий князь обещал заплатить «сколько может»[1]. Видимо, Василий II не сразу начал выплату обещанного выкупа. Этим можно объяснить неоднократные вторжения казанцев в русские пределы в 1446 и 1447 гг.[2] Есть основания предполагать, что казанцы принимали участие в совместном с Сеид-Ахматовой ордой набеге на Москву в 1451 г.[3] В дальнейшем, очевидно, Василий II начал выплату выкупа, и поэтому казанских вторжений на Русь не происходило в течение нескольких лет. Что касается вопроса о том, была ли Русь данницей Казани, то скорее всего на него можно ответить отрицательно. Во-первых, отсутствуют сколько-нибудь надежные известия об этом. Во-вторых, о том, что великие князья никогда не платили дань казанским ханам, в 1539 г. заявлял на переговорах с крымцами русский дипломат Ф И. Карпов[4] В-третьих, П.Н. Павлов, специально рассмотревший этот вопрос, также отрицает данническую зависимость Руси от Казани[5]

В 50-е годы XV века политическая обстановка в России серьезно изменилась. В 1453 г. победой Москвы завершилась многолетняя междоусобная феодальная война Противник Василия II галицкий князь Дмитрий Шемяка после сокрушительного поражения бежал в Новгород, где вскоре

был отравлен подосланным из Москвы агентом. Победа в феодальной войне поставила ее в доминирующее положение по отношению ко всем русским землям. На очереди встал вопрос об окончательном объединении страны. Москва начала с расправы со сторонниками Дмитрия Шемяки. Таковыми являлись Вятская земля и проживавшие в тех краях «инородцы»[6]. В преддверии борьбы с Новгородом они могли выступить его потенциальными союзниками.

Еще в 1452 г. княжич Иван Васильевич провел карательную экспедицию против проживавших в мятежной устюжской волости на реке Кокшенге кокшаров. Он «город Кокшенской взял, а кокшаров секл множество»,— сообщает летописец[7]. В том же году московский митрополит Иона послал вятчанам два письма, в которых осуждал их за союз с мятежным Дмитрием Шемякой и «поганством» (язычниками марийцами), за многократные нападения на Устюг, Вологду, Галич, Сысолу, Вымь и Вычегду[8]. В последние годы жизни Василия II Темного, одряхлевшего слепого князя, в делах управления успешно подменял его талантливый и энергичный сын Иван, настойчиво добивавшийся объединения страны и ликвидации иностранной зависимости, что неизбежно должно было привести к столкновению между Москвой и Казанью. В 1458 и 1459 гг. против вятчан были предприняты походы московских ратей. Значительных успехов добиться не удалось, но вятчане номинально признали над собою власть Москвы[9]. Попутно московские воеводы подчинили Верхнее и Среднее Поветлужье[10].

Действия московских войск на Вятке и Ветлуге не могли не вызвать беспокойства в Казани. Непосредственно были затронуты и интересы марийцев. Чувствуя за собой казанскую поддержку, марийцы, видимо, выступили в защиту своих земель и самостоятельности и начали нападения на русские поселения. Очевидно, это и послужило одной из причин русско-казанской войны 1461—1462 гг.

В марте 1461 г. русские войска предприняли поход на Казань. Однако конфликт удалось временно приостановить. Во Владимире Василия II встретили казанские послы, предложившие мир. Поход был отменен[11]. Тем не менее нападения черемис не прекратились. В 1462 г. против них была направлена ладейная рать устюжан, вологжан и галичан. «Повоевав» марийские селения по Вятке и Каме, русские ушли в Великую Пермь. Тем временем «рать черемиская с тотары казанскими приходила на Устюжъский уезд, на верх Югу реки, на волость на Лоху, повоивали; в полон повели много руских голов. И устюжане ходили за ними в погоню; сугнав их, побили всех, а полон назад отполонили весь»[12]. Летописное сообщение интересно указанием на то, что основным противником русских в этой войне выступали отнюдь не татары, а черемисы. Это, несомненно, свидетельствует, что марийцы, заручившиеся поддержкой Казани, смогли выступить на политической арене как значительная сила, с которой вынуждены были считаться и в Москве. Во всех последующих конфликтах между Россией и Казанским ханством марийцы продолжали играть весьма заметную, а порой решающую роль.

Война 1461—1462 гг. завершилась без видимых успехов для России. Следующий вооруженный конфликт произошел в 1467—1469 гг. и был связан с династической борьбой в Казани. Следует пояснить, что в татарских государствах со времен Чингиз-хана не сложилось четких правил престолонаследования, и поэтому каждый царевич мог претендовать на занятие ханского места. Гаремы у ханов были многочисленные, и царевичей со временем стало так много, что право на занятие ханского престола чаще всего реализовывалось после кровопролитной вооруженной борьбы.

В середине 60-х годов в Казани умер хан Махмутек. У него было три сына: Мустафа, Халиль и Ибрагим. На русской службе находился их дядя, престарелый царевич Касим. Между претендентами разгорелась ожесточенная борьба, выгоду из которой попыталась извлечь Москва. Сначала ханом стал Мустафа, однако очень скоро он, видимо, был физически устранен. Его сын Муртоза вынужден был спасаться в степях. В 1471 г. он поступил на русскую службу[13]. Однако и заменивший Мустафу Халиль недолго находился у власти и, вероятно, также был убит. Но занятие престола Ибрагимом не устраивало некоторых представителей казанской знати. Делегация от оппозиции во главе с князем Абдулой-Муэмином (Авдул-Мавна) прибыла к царевичу Касиму и пригласила его на ханство. У самого Касима сил для борьбы с Ибрагимом было недостаточно, и он обратился за помощью к Ивану III (1462—1505 гг.). В Москве не удержались от соблазна возвести на казанский престол своего вассала Касима. В этом случае Россия поставила бы ханство в вассальную зависимость. Касиму были выделены войска. Однако задуманного осуществить не удалось, поход потерпел неудачу, и это обернулось для России кровопролитной войной. Когда русско-касимовское войско осенью 1467 г. проследовало через Горную сторону к Волге и попыталось переправиться на противоположный берег, там его уже поджидало большое казанское войско во главе с ханом Ибрагимом. Касим вынужден был повернуть назад. Рано наступившие холода и бескормица (местные жители укрывались в лесах и не давали провизии) измотали воинов, многие лишились лошадей, побросали доспехи, простудились[14]. После этих событий имя Касима навсегда исчезает из летописей, вероятно, престарелый царевич заболел во время неудачного похода и вскоре умер. Смерть Касима перевела конфликт из области междоусобной борьбы за власть в ханстве в область межгосударственных отношений. Ибрагим не простил Москве оказания помощи Касиму. Вскоре после отступления Касима казанцы предприняли нападение на Галич, но не сумели его захватить. В набеге, несомненно, активно участвовали марийские отряды. Только это может объяснить, почему зимой 1467/68 гг. Иван III направил против них специальное карательное войско. Зима тогда выдалась суровой, и русские смогли через замерзшие болота и реки пройти из Галича в глубь населенной марийцами территории. Для марийцев вторжение, видимо, было полной неожиданностью, организованного сопротивления оказать они не смогли. В соответствии с военной практикой средневековья было произведено опустошение марийских земель. Рать

великого князя «много зла учиниша земли той, люди изсекоша, а иные в полон поведоша, а иных изожгоша, а кони их, всякую животину, чего нелзе с собою имати, то все иссекоша, а что было живота их, то все взяша; повоеваша всю землю ту, досталь пожгоша». Судя по летописному сообщению, русские могли продвинуться до Малой Кокшаги и даже до Илети. В летописи сказано, что воины «за один день до Казани не доходили». Другое войско, сформированное из нижегородцев и муромцев, одновременно произвело разорение селений марийцев и чуваш вдоль Волги[15]. Обращает на себя внимание то, что русское командование не ставило задачи атаковать Казань, а стремилось разорить марийские земли и вывести тем самым марийцев из борьбы, так как именно они в то время доставляли больше всего неприятностей в приграничных областях.

Ранней весной 1468 г. черемисы и татары совершили ответный набег на Устюжский уезд, сожгли Кичменгский городок, частью уничтожив, а частью пленив жителей[16]. Лишь только вскрылись реки, в глубокий рейд по землям Казанского ханства была отправлена ладейная рать во главе с воеводами Иваном Руном, Глебом и Иваном Семеновыми и Василием Губой. Как и прежде, основной удар был направлен против марийцев. «Воеводы великого князя повоеваша черемису по Вятке реце» вышли на Каму. В Казани с запозданием узнали о движении русской ладейной рати, высланное против них войско не смогло перехватить русских. Однако татары проследовали до Хлынова и вынудили вятчан отказаться от признания зависимости от Москвы и объявить о нейтралитете: «не помогати ни царю на великого князя, ни князю великого на царя». В условиях войны нейтралитет Вятки, находящейся на фланге у ханства, отвечал интересам Казани. На решение вятчан, видимо, повлияло и их желание сохранить свою самостоятельность от Москвы. Сепаратистские действия вятчан серьезным образом повлияли на весь дальнейший ход войны.

Тем временем ладейная русская рать, пограбив казанских купцов на Каме, заплыла в реку Белую. Здесь они «черемису повоевали, а люди изсекоша и кони и всякую животину». От пленных они узнали о движении по Каме отряда в 200 татарских воинов, настигли их, разгромили и кружным путем по северным рекам вернулись назад[17]. Одновременно на Волге действовала рать, возглавляемая Федором Семеновичем Хрипуном-Ряполовским. В 40 верстах от Казани 4 июля ей удалось уничтожить большой татарский отряд[18].

В апреле 1469 г. последовали ответные действия. Татары разграбили две костромские волости и сумели уйти от погони за Унжу. Преследовать их в марийских землях не имело смысла. Позднее татарский отряд разграбил окрестности Мурома. Но на этот раз русским удалось перехватить казанцев и разгромить[19].

В мае Москва предприняла большой поход на Казань. Предполагалось нанести комбинированный удар двумя группами войск по Волге и Вятке. Разгромленные в ходе предшествовавших операций, марийцы уже не могли серьезно воспрепятствовать наступлению на Казань. Однако в

Москве не приняли всерьез объявленный вятчанами нейтралитет, что и послужило причиной неудачи всей военной кампании. Вятчане отказались присоединиться к московской рати, и общее наступление задержалось. Находившийся тем временем в Хлынове казанский посол успел сообщить хану о готовящемся вторжении. Фактор внезапности был утрачен. Раздосадованный Иван III послал в войска приказ об отмене похода. Но, учитывая высокий воинский дух, разрешил добровольцам «воевати казаньские места по обе стороны Волги», запретив только, из-за излишнего риска, приближаться к Казани. Таким образом, как и раньше, основной удар русских войск должен был прийтись по марийцам и чувашам.

В набеге вызвались участвовать практически все русские воины, сосредоточенные в Нижнем Новгороде. Добровольцев возглавил проявивший себя за год до этого И.Д. Рун. Смелый и решительный полководец проигнорировал осторожные княжеские рекомендации и за три дня сумел преодолеть расстояние, отделявшее Нижний Новгород от Казани. На утренней заре 21 мая русские неожиданно для татар ворвались в городской посад «начаша сечи и грабити, и в плен имати». Русским удалось даже подойти к городским воротам, но захват Казани не входил в их планы, да и сил для этого было недостаточно. Отойдя на волжский остров Коровнич, они целую неделю оставались хозяевами положения. Лишь после этого казанцам удалось собраться с силами и выступить против русских. Кроме татар в войске были марийцы, удмурты, башкиры и воины других народов Поволжья и Приуралья. Заранее предупрежденные бежавшим пленником, русские сумели подготовиться и отразить нападение. Получив известие об успешности действий русских войск под Казанью, находившиеся в Нижнем Новгороде воеводы прислали подкрепление, однако вятчане так и не соглашались нарушить нейтралитет и тем срывали операцию. Бессмысленно простояв под Казанью семь недель, русские направили казанцам предложение о мире и поплыли в сторону Нижнего Новгорода. В Казани, однако, посчитали это за проявление слабости и пустились в погоню за русскими. В ней приняли участие «вси князи и вся земля их», то есть в войсках находились отряды ото всех народов, населяющих ханство, включая и марийцев. Русские и на этот раз сумели отбиться и беспрепятственно уйти к Нижнему Новгороду[20].

Тем временем вятчан, наконец, удалось уговорить присоединиться к рати вологжан и устюжан. С опозданием прибывшее к Казани войско попало в засаду. После ожесточенного боя на реке, потеряв 430 человек убитыми и множество пленными, русской рати удалось прорваться и соединиться под Нижним Новгородом с основными силами[21]. Несмотря на неудачу и большие потери, соединение русских войск и прибытие подкреплений из Москвы приподняло воинский дух, воины хотели немедленно повторить поход на Казань. Возглавленные братом великого князя Юрием войска 1 сентября вновь подошли к Казани и атаковали ее. Был достигнут некоторый успех. Русским удалось отсечь доступ казанцев к воде. Однако дальнейшая осада хорошо укрепленного города без осадных орудий

и в преддверии наступающей осени была бесперспективной. Начались переговоры, и хан Ибрагим согласился на мир «на всей воли великого князя и на воевоцкой». В чем заключалась эта «воля» — неизвестно, лишь в Устюжской летописи уточняется, что был выдан весь русский полон, захваченный за 40 предшествующих лет[а].[22]

Чтобы лучше понять дальнейшие взаимоотношения Москвы и Казани, необходимо остановиться на противоречиях, существовавших между государствами. На отношения между Московским княжеством и Казанским ханством влияли унаследованные ордынские традиции многовекового господства над Русью и давнее соперничество между Северо-Восточной Русью и Волжской Булгарией за контроль над Средним Поволжьем. Однако во второй половине XV в. ни задача установления влияния над народами Среднего Поволжья, ни борьба за контроль над волжским торговым путем не являлись основными в противоборстве государств. Народы Среднего Поволжья были уже довольно прочно втянуты в сферу казанского влияния, а волжская торговля утратила былое значение для России. На первый план выходили уже не экономические, а политические интересы. В средние века не был известен принцип «мирного сосуществования», и отношения между соседями, как правило, строились с позиции силы. Поэтому состояние войны было обычным, а мир непродолжительным. Если военный и экономический потенциал был приблизительно равным, то какое-то время могли сохраняться равноправные отношения. Если же такой паритет нарушался, то более сильный сосед обычно пытался поставить слабого в какую-либо степень зависимости с целью создания буфера безопасности и получения экономических выгод (взимание дани и создание благоприятных условий для торговой и хозяйственной деятельности). Для этого использовались всевозможные средства, включая дипломатические, экономические и военные. При этом завоевание сопредельной территории и включение в состав собственного государства отнюдь не являлось самой наилучшей формой. Более приемлемым было установление вассальной зависимости соседней страны с полным подчинением ее внешней политики интересам сюзерена. Особенностью молодых татарских государств было то, что их руководство не всегда адекватно воспринимало произошедшие политические изменения и, памятуя о прежнем величии некогда единой и могучей Золотой орды, пыталось установить над Россией если не политическую, то хотя бы данническую зависимость. Однако стремящаяся к объединению и набирающая силу Россия с каждым годом превращалась во все более мощное государство, способное защитить собственную независимость и интересы. Невозможность решения глобальной задачи по восстановлению прежних отношений оборачивалась частыми грабительскими набегами татарских отрядов на русские земли. Более всего страдало пограничье, хотя нередко татарам удавалось проникать даже

[а] Данное условие договора означает, что выдали всех пленных, захваченных с 1429 г. Это наводит на мысль, что даже когда не было войн, татары и черемисы грабили русские окраины и уводили в плен население.

в центральные области России, осаждать Москву. По меткому замечанию К. Маркса, «завоевывать они больше уже не могли, но производили опустошения»[23]. Для Крымского и Казанского ханства регулярные набеги на Русь, грабежи и увод пленных, с прибылью продававшихся на восточных базарах, стали одним из важнейших источников дохода. К этому виду промысла прибегали и левобережные марийцы, чему благоприятствовала слабость их хозяйственной базы и пограничное расселение, где почти постоянно сохранялась напряженность. Многочисленные источники недвусмысленно свидетельствуют о том, что левобережные марийцы долгое время промышляли грабежом и работорговлей. Так, Казанский летописец пишет, что «черемиса кокшаская и ветлужская живет в пустынях лесных, ни сеют, ни оруют, но ловом звериным, и войною питаются»[24]. Трудно не доверять известиям человека, 20 лет находившегося при дворе казанских ханов. Герберштейн в своей книге при описании пути из Галича к Вятке замечает, что «помимо того, что путь затруднен болотами и лесами, которые лежат между Галичем и Вяткой, там повсюду бродит и разбойничает народ черемисов. По этой причине туда едут более длинным, но более легким и безопасным путем через Вологду и Устюг»[25]. О постоянных разбойных нападениях черемис сообщают также другие иностранцы— Адам Олеарий, Петр Петрей и др.[26] Много известий о набегах черемис содержится в русских летописях, различных актах, писцовых, дозорных книгах и в иных источниках. Пик активности марийских военных отрядов приходился на русско-казанские войны. Объединенные татарско-марийские отряды могли предпринимать очень далекие рейды в глубь русских земель. Однако и в периоды мира на границе шла «малая война», которая временами то усиливалась, то прекращалась.

Существование постоянной напряженности на границах и угроза вторжений побуждали русское правительство заботиться о безопасности страны. Лучшим средством для этого было установление протектората над ханством. Война 1467—1469 гг. преследовала именно такую цель, которую тем не менее достигнуть не удалось. В последующие 8 лет мир между Москвой и Казанью не нарушался, хотя напряженность сохранялась. В эти годы Иван III был занят борьбой за подчинение Новгорода и свержением зависимости от Большой орды хана Ахмата. Хана Ибрагима также не устраивало ослабление позиций в регионе. Более всего он был недоволен вятчанами, которые нарушили клятву и снова приняли сторону Москвы. В 1471 г. вятчане совершили удачный набег на столицу Большой орды Сарай. На обратном пути возвращавшихся с добычей вятчан безуспешно пытались перехватить казанцы[27]. В 1475 г. татарами на Каме были ограблены и убиты 40 устюжских купцов[28]. Однако эти инциденты не переросли в войну, она началась лишь зимой 1477/78 гг. Во время похода Ивана III против Новгорода в Казань поступило ложное известие о поражении московских войск. Поверив этому, хан Ибрагим выступил в поход против Вятки. Несомненно, что в казанских войсках должны были находиться и марийцы. Казанцы смогли захватить много пленных, но ни один городок

не был взят. Месячная осада Хлынова не увенчалась успехом и обернулась для казанцев лишь большими потерями.

В конце февраля 1478 г. Ибрагим решил попытать счастье возле Устюга. Однако время было упущено, устюжане заблаговременно успели подготовиться к встрече противника, а ранняя весна воспрепятствовала продвижению войск. Достигнув разлившейся реки Моломы, татары остановились. Здесь их настигло известие о победе Ивана III над Новгородом. Оно произвело столь сильное впечатление на татар, что те, бросив котлы с варившейся пищей, поспешили восвояси[29].

Нарушение мира казанцами вызвало резкую реакцию в Москве. Уже в мае на Казань было послано две ладейные рати. Основные силы двигались по Волге, разоряя прибрежные селения марийцев и чуваш[30]. Вторая рать продвигалась к Казани по Вятке и Каме. Однако поход не был хорошо подготовлен. К тому же, когда войска приблизились к Казани, произошла сильная буря, разбившая суда с боеприпасами и провиантом. А в Казани тем временем успели подготовиться к осаде. Русским пришлось заключить с казанцами мир[31]. Безрезультатное для обеих сторон завершение войны не сняло напряженности между государствами. В последующие годы казанцы постоянно совершали набеги на вятскую и пермскую земли[32]. В 1482 г. чуть было не дошло до новой крупномасштабной войны. Казанцы хотели совершить нападение на нижегородские земли, и Иван III уже направил против них войска. Однако до столкновения не дошло, снова удалось заключить мир[33].

Вскоре умер хан Ибрагим. После него остались три сына от ногайской княжны Фатимы — Али, Худайкул и Мелик-Тагир. Еще двух сыновей — Мухаммед-Эмина и Абдул-Латифа — родила Ибрагиму другая жена Нур-Салтан, тоже ногайская княжна. Ханом стал Али. Нур-Салтан с сыновьями выехала в Москву. Там Мухаммед-Эмин был определен на службу, сама же вдовая царица с малолетним Абдул-Латифом уехала в Крым и вышла замуж за хана Менгли-Гирея. Это обстоятельство серьезно повлияло на политические взаимоотношения между Казанью и Москвой. Особенность ситуации заключалась в том, что у Москвы снова оказался законный претендент на казанский престол. В то же время Крымское ханство в конце XV—начале XVI вв. находилось в союзе с Россией и вместе боролось против Большой орды. После того как казанская царица стала женой крымского хана, он начал задумываться о возможности распространения крымского влияния на Среднее Поволжье.

Внутри казанского феодального класса также произошли серьезные изменения. В 80-е годы XV века более четко наметились две линии в отношении соседней России. Пришлые ногайские феодалы из окружения царицы Фатимы и хана Али составили основу так называемой *восточной* группировки, или партии. Она выступала за конфронтацию с Россией, постоянные набеги на ее окраины и увод пленных. Их поддержала часть казанских феодалов, заинтересованных в работорговле с восточными странами. Восточная партия нашла поддержку и среди наиболее фанатичной части мусульманского духовенства. Одновременно оформилась и *москов-*

ская группировка, или партия. Ее основу составляла коренная казанская знать, опиравшаяся на торгово-ремесленные круги, заинтересованные в мирных отношениях с Россией и в торгово-экономическом сотрудничестве. Эта партия объективно выражала интересы большинства населения ханства, но была слабее восточной. Сила восточной партии заключалась и в том, что она выступала с патриотических позиций под зеленым знаменем ислама, за независимость страны, союз с мусульманскими странами, за священную борьбу против христианской России. Это неизбежно вело к обострению отношений с Россией, что было гибельно для ханства и трагично для народов, его населяющих.

Между партиями постоянно происходила борьба. Состав их сторонников не был стабильным, местные феодалы часто переходили из лагеря в лагерь в зависимости от изменений политической обстановки. Успех политической борьбы сильно зависел от настроений широких слоев татарского населения. Уровень общественного сознания в Казани был еще таким, что народные массы связывали надежды на улучшение своего социального положения с победой той или иной политической партии. Практически сразу же враждующие стороны нашли поддержку различных иностранных государств — Ногайской орды, Сибирского, Астраханского, Крымского ханств и России.

Хан Али пользовался поддержкой Ногайской орды. В Москве и Бахчисарае, напротив, вынашивали планы возведения на казанский престол Мухаммед-Эмина. Для Ивана III он был вассалом, а для крымского хана— пасынком. Как великий московский князь, так и крымский хан хотели распространения на Казань своего влияния, в этом их интересы временно сходились.

Вмешательству в казанские дела благоприятствовали непрекращающиеся нападения на границах. В писцовой книге по Чухломе за 1615 г. описывается поросшая лесом пашня, которая «запустела от войны казанских людей 130 лет»[34].

В 1484 г. русские войска предприняли поход на Казань и без труда взяли ее. Успех русских войск, несомненно, был обеспечен московской партией, выступившей в поддержку Мухаммед-Эмина. Хан Али был арестован и отвезен в Москву, на его место поставили Мухаммед-Эмина. Однако влияние восточной партии не было устранено, и вскоре шестнадцатилетний хан, так же как и его предшественник, имевший родственную связь с Ногайской ордой, попал под ее воздействие. Мухаммед-Эмин, вероятно, или не мог, или не хотел проводить угодную Москве политику. В 1485 г. русское правительство посчитало необходимым возвратить на ханство свергнутого Али[35]. Но и возвращение Али ничего не дало России, он попрежнему ориентировался на враждебную ей Ногайскую орду. В 1486 г. русские войска вновь подошли к Казани. На этот раз Али успел заблаговременно бежать к ногайцам. На казанский престол снова был возведен Мухаммед-Эмин. Чтобы устранить ногайское влияние, при нем был оставлен русский советник и воинский отряд для «сбережения».

Опираясь на русский отряд, Мухаммед-Эмин попытался устранить

своих братьев Худайкула и Мелик-Тагира, но вызвал этим лишь недовольство большинства населения Казани, чем поспешил воспользоваться Али. Он привел к городу большое ногайское войско и прогнал Мухаммед-Эмина и находившихся при нем русских. Прямое вступление в династическую борьбу Ногайской орды вынудило Ивана III организовать против Казани большой поход. 11 апреля 1487 г. русское войско выступило в направлении Казани и 18 мая достигло ее. В городе были сосредоточены значительные казанские силы. С тыла против русских действовало ногайское войско во главе с князем Али-газы. Осада Казани продолжалась 52 дня. Русским удалось отразить многочисленные вылазки из города и наголову разбить ногайское войско. 9 июля сторонники московской партии вынудили Али капитулировать. Низложенный хан был отправлен в заточение в Вологду, где впоследствии и скончался. Его мать, братьев и сестер сослали в Карголом на Белое озеро[36].

На ханство в третий раз возвели Мухаммед-Эмина. С этого времени над ханством был установлен русский протекторат, а хан стал вассалом великого московского князя. Наиглавнейшие вопросы внутренней и вся внешняя политика ханства были поставлены под контроль России. При казанском хане постоянно находились представители русского правительства, рядом с городом размещался русский воинский отряд.

Установление протектората над Казанским ханством позволило Москве приступить к окончательному подчинению Вятской земли, еще сохранявшей самостоятельность. Иван III решил положить конец разбойным набегам вятчан на устюжские и двинские земли и навсегда включить Вятку в состав России. Летом 1489 г. на Вятку было направлено московское войско. Под Котельничем к москвичам присоединился казанский отряд в 700 воинов во главе с князем Ураком. Вятка капитулировала и была включена в состав России.

Желая урегулирования отношений с Ногайской ордой, в Москве санкционировали женитьбу Мухаммед-Эмина на дочери ногайского князя Мусы. Однако прибывшие в составе многочисленной свиты невесты ногайцы усилили ослабевшую было восточную партию. Окрепнув, она исподволь стала готовить переворот. Весной 1496 г. заговорщиками был приглашен сибирский царевич Мамук. О движении сибирско-ногайского войска своевременно стало известно в Москве, и в Казань успели вовремя прибыть русские силы. Мамук повернул назад. Полагая, что опасность миновала, основные силы русских войск с наступлением осени возвратились в Россию. Тут же весть об этом дошла до Мамука, который «приде ратью под Казань со многою силою нагайскою и с князи казаньскими» занял город. Опирающийся на иностранные мечи, Мухаммед-Эмин не имел надежной опоры среди казанцев, поэтому, узнав о приближении Мамука, поспешил убежать в Россию.

Однако восшествие на престол Мамука, воспитанного на степных традициях, лишь ухудшило положение казанцев. Желая одарить своих воинов, он не удовольствовался опустошением казны, а стал грабить казанцев. Никакого ограничения своей деспотической власти он не признавал и

бросал в тюрьму всех, кто как-либо противился ему. Такие действия новоявленного хана очень быстро настроили население ханства против него. Первыми выступили арские князья. Для подавления восстания Мамук организовал карательный поход с участием как своих войск, так и с привлечением отрядов казанских феодалов, которых для этого пришлось выпустить из тюрьмы. Но Арск взять не удалось, а казанские князья увели свои отряды. Возвратившись к Казани, Мамук увидел закрытые ворота и изготовившихся к битве горожан. Переживая неудачу, изгнанный хан по дороге в Сибирь умер[37].

Неудачный эксперимент с сибирским царевичем усилил влияние московской партии. По просьбе казанцев в апреле 1497 г. на казанский престол был возведен брат Мухаммед-Эмина Абдул-Латиф, выросший в Крыму и к тому времени поступивший на службу в России[38]. Крымское воспитание очень быстро проявило себя, своенравный хан не подчинялся Москве и настроил против себя многих казанцев: «начал лгати и ни в какие делах не учал управы чинити, да и земле казанской учал лих быти»[39]. В январе 1502 г. Абдул-Латиф был смещен и отправлен в заключение. На ханство в четвертый раз возвели Мухаммед-Эмина[40].

Однако и на этот раз, подверженный влиянию, Мухаммед-Эмин оказался под воздействием сторонников восточной партии. По установившейся традиции вдова умершего в плену хана Али, ногайская княжна Урбеть, вышла замуж за Мухаммед-Эмина. Она очень полюбилась хану и имела на него сильное влияние. Этим воспользовались сторонники восточной партии. Через Урбеть они «нача смусчати его отложитися от великого князя». Когда дело сдвинулось с мертвой точки, заговорщики стали устранять своих противников руками Москвы. Для этого они оговаривали их перед великим князем и добивались или казни, или тюремного заключения. Оставаясь в тени, восточная партия смогла вызвать недовольство среди казанцев. Когда донос был сделан на влиятельного князя Шах-Юсуфа, Иван III вынужден был прислать хану секретное письмо, в котором рекомендовал самому разобраться с заговорщиками, одних казнить на месте, а прочих выслать в Россию. Для разбора дела был прислан Михаил Клепик. Опасаясь, что их хитрость будет раскрыта, царица Урбеть и ее сторонники настояли на том, чтобы хан собрал «вси князи и вельможи» и зачитал им секретную грамоту великого князя. При этом русские купцы и послы были обвинены в том, будто с их слов Иван III узнавал о делах в Казани и присылал Мухаммед-Эмину приказы о репрессиях в отношении казанцев. Шитая белыми нитками провокация удалась. Возмущенные бесцеремонным вмешательством во внутренние дела ханства, члены дивана высказались за немедленное избиение всех русских, находящихся в стране. Однако заговорщиками все было заблаговременно продумано. Они предложили подождать до 24 июня, обосновав это тем, что «не добро, асче ныне сие учиним, то мнозии гости, иже к Иванову дни на базар приезжают, услышавше, убегут с пути, идусче семо». Среди верхушки казанской знати, впрочем, остались «вернии доброхоты руские». Князь Алачей даже успел предупредить русского посла М. Клепика, но трагедии предотвра-

тить не удалось. 24 июня 1505 г., во время открытия ежегодной ярмарки, татары неожиданно «начаша руских всех имати, убивати и грабити, иже не чаяху никакого зла на себе и опасения не имеша. И бысть избиено множество руси». По известию Ермолинской летописи, при этом избиении погибло около 15 000 русских людей[41]. Избежавших гибели в Казани, «побили черемиса на дорозе, а иных в избу насажав, да зажжгли, и много зла сотвори Руси»[42]. Последнее летописное сообщение свидетельствует о том, что черемисы были заранее оповещены о предстоящих событиях и имели на этот счет определенные инструкции. Осуществленный в Казани государственный переворот, с целью устранения московского протектората, и массовое избиение и ограбление русских купцов неизбежно означало начало войны. В Казани не стали дожидаться прихода русских войск. В августе сам Мухаммед-Эмин во главе 40-тысячного казанского войска, к которому присоединилось 20 000 ногайцев, выступил в поход. Осадив Нижний Новгород и Муром, казанцы и ногайцы стали грабить русскую землю, однако большого успеха достичь не удалось. Русские умело оборонялись. Только под Нижним Новгородом союзники потеряли более 5 000 воинов. Неудачи внесли в их ряды раскол. Когда метким выстрелом из пушки со стен города был убит предводитель ногайского войска и несколько их князей, между ногайцами и татарами возникла ссора, переросшая в стычку. После этого ногайцы оставили казанцев, вслед за ними покинул пределы Русского государства и Мухаммед-Эмин.

Смерть Ивана III, последовавшая 27 октября, и наступившая осень помешали немедленно организовать поход против Казани. Великим князем стал Василий III (1505—1533 гг.) Им в апреле 1506 г. была направлена на Казань ладейная и конная рати. Однако воеводы действовали крайне несогласованно, вопреки предварительно принятому плану и здравому смыслу. Приплывшая к Казани ладейная рать не стала дожидаться подхода конницы и 22 мая с ходу атаковала город. Казанцы заранее устроили засаду, отсекли русских от судов, окружили и разгромили[43]. Когда Василий III узнал о случившемся, то послал по Волге подкрепление, строго запретив возглавлявшему войска князю Дмитрию[b] штурмовать Казань до соединения всех сил. Но тот и на этот раз не послушал распоряжения великого князя и после прибытия под Казань конной рати отдал распоряжение о новом штурме. Штурм начался 25 июня и обернулся невиданной трагедией для русских войск. Как и до этого, казанцы применили военную хитрость, тщательно организовав засаду. Как раз в эти дни обычно возле Казани проходила ежегодная ярмарка. Возле города на просторном Арском поле были расставлены шатры и велся торг, но ярмарка на самом деле являлась хорошо организованной ловушкой. Ее охранял лишь небольшой отряд, основные же силы казанцев, среди которых летописцы выделяют черемисских лучников, находились наготове за городскими стенами и в засаде в ближайшем лесу. Не распознавшее замысла противника, русское командование приказало атаковать ярмарку. Находившиеся там та-

[b] Брат Василия III.

тары инсценировали паническое бегство. Расчет казанцев оправдался. Русские, долгое время оторванные от своих баз и испытывавшие острый недостаток провизии, заняв ярмарку и обнаружив там много съестного и вина, позабыв об опасности, «начаша без страха ясти и пити, и упиватися без ведания скверным ядением и питием варварьским, и глумитися и играти и спати до полудня»[44]. Выждав момент, татары и черемисы со всех сторон атаковали русских. Сопротивление было слабым, и сражение скоро превратилось в жестокую резню, русское войско потерпело позорное поражение. Уцелевшие остатки русской рати, с трудом отбиваясь от наседавших со всех сторон преследователей, уплыли на Русь[45].

Несмотря на достигнутый успех, в Казани предпочли не затягивать конфликт. Очевидно, сказались настроения сторонников московской партии, заинтересованных в равноправных мирных отношениях с Россией. Казанская мирная делегация прибыла в Москву в марте 1507 г., предупредив тем самым новый русский поход на Казань. У России в это время назревала война с Литвой и Польшей, а на восточных и южных границах происходили нападения ногайцев и крымских татар, поэтому затягивание конфликта с Казанью также было нежелательно. В ходе переговоров обе стороны пришли к компромиссу: были возвращены все русские пленные, захваченные в ходе войны, и Мухаммед-Эмин формально признал вассальную зависимость ханства от России. Однако фактически Казанское ханство восстановило суверенитет, могло проводить относительно самостоятельную внешнюю политику, русское вмешательство во внутренние дела ханства было устранено, русские войска больше не вводились в страну, не посылались в Казань и княжеские советники, осуществлявшие прежде опеку над ханом.

В последующие годы отношения между государствами развивались в целом благоприятно, как и прежде возобновилось взаимовыгодное экономическое сотрудничество. Тем не менее обострения на границах происходили не раз. Именно к этим годам относится сообщение Герберштейна о разбоях черемис между Галичем и Вяткой. В Разрядной книге имеются записи о том, что в 1513 и 1517/18 гг. в пограничные города были направлены дополнительные силы «для козанских людей приходу»[46]. Мир между Москвой и Казанью оставался хрупким и мог рухнуть в любой момент. Изменения в отношениях между странами произошли после смерти в 1518 г. бездетного казанского хана Мухаммед-Эмина.

* * *

[1] *Зимин А.А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. С.107.

[2] ПСРЛ. Т. XXXVII. Л., 1982. С. 44, 87-88, 113.

[3] Ср. :ПСРЛ. Т. XII. М., 1965. С. 76-77; АИ. Т. 1. СПб., 1841. С. 99-100.

[4] РГАДА. Ф. 123. Крымские дела. Кн. 8. л. 643.

[5] *Павлов П.Н.* Была ли Русь данницей Казани? // Ученые записки Красноярского госпединститута. Т. 9, Вып. 1. Каф. истории. Красноярск, 1957. С. 157-164.

[6] *Зимин А.А.* Витязь на распутье. С. 18-19, 75-77, 126, 142-143, 200, 253; Краткий исторический очерк Шангского городища // Костромская старина. Вып. 3. Кострома, 1894. С. 39.

[7] ПСРЛ. Т. XXVII. С. 118; Т. XXXVII. С. 89.

[8] АИ Т 1 С 490-492

[9] ПСРЛ Т XII С 112, Т XXIII СПб , 1910 С 156, Т XXVI М -Л , 1959 С 217, Т XXVII М -Л , 1962 С 120-121, 275, 349

[10] Варнавинская старина Очерки истории Поветлужья Варнавин – Нижний Новгород, 1993 С 16

[11] ПСРЛ Т XII С 114, Т XVIII С 214, Т XXV М -Л , 1949 С 277

[12] ПСРЛ Т XXXVII С 46, 90

[13] ПСРЛ Т XXVII С 279, 353

[14] Там же С 124

[15] ПСРЛ Т VI СПб , 1853 С 187-188, Т VIII СПб , 1859 С 153, Т XII С 118-119, Т XVIII С 217-218, Т XXIV Пг , 1921 С 187, Т XXVII С 124-125

[16] ПСРЛ Т XVIII С 218, Т XXIV С 187, Т XXV С 280, Т XXXVII С 46

[17] ПСРЛ Т VI С 188, Т VIII С 153-154, Т XII С 120, Т XXV С 280-281, Т XXVI С 224, Т XXVII С 125, Т XXXVII С 91

[18] ПСРЛ Т VIII С 154, Т XII С 120, Т XXIV С 187, Т XXVII С 125

[19] ПСРЛ Т VI С 188, Т XXIV С 187

[20] ПСРЛ Т XXVII С 126-128

[21] ПСРЛ Т XXVII С 277, Т XXXVII С 47

[22] ПСРЛ Т IV С 132-133, Т V Л , 1925 С 275, Т VI С 188, Т VIII С 158, Т XII С 123, Т XXII, Ч 1 СПб , 1911 С 533, Т XXIV С 188, Т XXVII С 277, Т XXXVII С 47

[23] *Маркс К* Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса Т 8, М , 1946 С 163

[24] КИ С 86

[25] *Герберштейн С* Указ соч С 162

[26] *Олеарий А* Указ соч С 364, *Петрей П* Указ соч С 44

[27] ПСРЛ Т VI С 193, Т XII С 141, Т XXII, Ч 1 С 460, 483-484

[28] ПСРЛ Т XII С 158, Т XXIV С 195

[29] ПСРЛ Т VI С 221, Т XII С 189, Т XXII, Ч 1 С 469, Т XXIII С 178, Т XXV С 323, Т XXXVII С 48

[30] *Татищев В Н* История Российская Т 6 М -Л , 1966 С 65

[31] ПСРЛ Т VI С 221, Т XII С 189, Т XXIII С 178, Т XXV С 323, РК 1475—1605 гг Т 1, Ч 1 М , 1977 С 20

[32] *Шошонко В Н* Пермская летопись Ч 1 Пермь, 1881 С 31

[33] ПСРЛ Т XX, Ч 1 СПб , 1910 С 348-349, Т XXIV С 202, Т XXXVII С 49, РК 1475—1605 гг Т 1, Ч 1 С 24-25

[34] Источниковедение истории СССР М , 1981 С 122

[35] РК 1475—1605 гг Т 1, Ч 1 С 26

[36] ПСРЛ Т IV С 135, Т XII С 218-219, Т XXV С 331, Т XXXVII С 50, *Герберштейн С* Указ соч С 170

[37] ПСРЛ Т VI С 41, Т VIII С 232, Т XII С 243, РК 1475—1605 гг Т 1, Ч 1 С 50

[38] РК 1475—1605 гг Т 1, Ч 1 С 50, *Татищев В Н* Указ соч Т 6 С 87

[39] Сб РИО Т 41 СПб , 1884 С 461

[40] *Татищев В Н* Указ соч Т 6 С 95

[41] ПСРЛ Т XXIII С 197, Т XXXIV М , 1978 С 8

[42] ПСРЛ Т XXX М , 1965 С 140

[43] *Татищев В Н* Указ соч Т 6 С 101

[44] КИ С 62

[45] ПСРЛ Т VI С 245, Т VIII С 246, Т XIII С 4, *Татищев В Н* Указ соч Т 6 С 102

[46] РК 1475—1605 гг Т 1, Ч 1 С 131, 156

Глава 4. Казанская война 1545—1552 гг. Присоединение горных марийцев к России

Русско-казанские отношения в 20—30-е гг. XVI в.

В первой четверти XVI в. произошли значительные изменения в расстановке политических сил в Восточной Европе. Ранее раздробленные и враждовавшие русские княжества окончательно объединились в единое, набирающее силу Российское государство, внешнеполитическое влияние которого быстро росло Основной противник России Большая орда, выступавшая наследницей Золотой орды, в 1502 г прекратила свое существование. Одновременно произошло значительное усиление Крымского ханства, с 1475 г ставшего вассалом Османской империи Крымские феодалы задались целью распространить свою власть на все пространство, ранее подчиненное Золотой орде: «юрт отцов». В этой ситуации союз между Крымом и Россией, основанный на совместной борьбе с Большой ордой, исчерпал себя, все более стали обостряться противоречия между странами. Как Крым, так и Россия претендовали на гегемонию в Восточной Европе. Начиная с 1507 г крымские татары стали нападать на южные окраины России. Особенно участились набеги после смерти в 1515 г. хана Менглы-Гирея, который являлся союзником России, и восшествия на престол ее ярого противника Мухаммед-Гирея I (1515—1523 гг)[1]

О смертельной болезни бездетного казанского хана Мухаммед-Эмина было известно давно Это обстоятельство давало повод вмешательству во внутренние дела Казанского ханства как России, так и Крыму Братья Мухаммед-Эмина—Худайкул и Мелик-Тагир—давно приняли православие и поэтому утратили право на казанский престол. Казанцы просили у великого князя отпустить к ним на ханство опального Абдул-Латифа, однако его прокрымская ориентация была хорошо известна в Москве. В ноябре 1517 г , перед отъездом в Казань, он умер при загадочных обстоятельствах Не исключено, что тут не обошлось без отравления. Предложенная Бахчисараем кандидатура крымского царевича Сахиб-Гирея в Москве была отклонена. На освободившееся в декабре 1518 г. место казанского хана Москвой был направлен касимовский царевич Шигалей (Шах-Али Щейх-Аулиярович) Его отец приходился племянником хану Большой орды Ахмату, и потому он являлся кровным врагом как ногайцев, так и крымцев. Остановившись на этой кандидатуре, Боярская дума рассчитывала тем самым застраховать себя от нового антирусского сговора.

В апреле 1519 г. тринадцатилетний Шах-Али прибыл в Казань в сопровождении русского посла Ф И. Карпова и воинского отряда. При но-

вом хане позиции России в Поволжье временно укрепились, даже астраханский хан Хусейн поспешил заключить с Москвой союзные отношения.

Крымское ханство и Ногайская орда через своих агентов в Казани предпринимали попытки склонить Шах-Али к антирусским действиям. Хану говорили: «Да владееши ты един Казанию и всеми нами и, укрепився во орде своей, будеши с руси дань емляти, яко же и прежде деды наши; и будем, пленя землю Рускую, богатети». Шах-Али, несмотря на свой юный возраст, отличался умом и был реалистичным политиком. Выслушав казанскую знать, он возразил им, сказав, что теперь ситуация сильно изменилась, и слабое Казанское ханство никогда не сможет подчинить более сильную Россию. Зная о контактах казанской знати с крымцами, он предостерегал: «На крымских нам надежды нет, той бо хосчет вся себе покорити»[2]. Тем не менее контакты сторонников восточной партии с крымцами и ногайцами не прекращались. Шах-Али стал заключать представителей оппозиции в тюрьму и предавать казни. Репрессии оттолкнули казанцев от русского ставленника, подготовив почву для государственного переворота.

Весной 1521 г. крымское и ногайское войска предприняли вторжение на Русь. Перед этим в Казань был послан с 300 воинами царевич Сахиб-Гирей[3]. В Казани с приходом крымцев вспыхнуло восстание, арестовывались или убивались все русские, касимовцы и явные сторонники Шах-Али из числа казанцев. Казанский летописец указывает, что только татар было убито 5000 и еще 1000 русских[4]. Самому Шах-Али вместе с женой, русским послом и 300 касимовским татарам разрешили покинуть страну. На казанском престоле утвердился представитель крымской династии.

Сразу же после переворота началась война с Россией. Это было полной неожиданностью для русского правительства. Россия воевала в то время с Литвой, и ее войска находились на западном фронте. Казанцы беспрепятственно прошли через нижегородские, муромские, мещерские и владимирские места и 1 августа соединились с ногайцами и крымцами в Коломне под Москвой. Основательно разорив Подмосковье, союзники с большой добычей и полоном ушли обратно[5]. На других направлениях также происходили вторжения казанских отрядов. Галицкий летописец сообщает, что 26 мая «приходили татаровя казанския с черемисою на Унжеския волости и на парфян и много зла учинили и в полон поведоша, а иных иссекоша и поидоша прочь». Русские погнались за ними и «много с татары бишася, и много татар и черемисы побиша и плен весь отяша, и на костях сташа». Однако уже 4 июня в эти же места вторгся намного больший отряд. Казанцы долго осаждали Унжу и грабили окрестные волости. Летопись сообщает, что «того же лета приходили татаровя в Жегово и Найду и в Шартаново и на Толшму». Нашествие распространилось вплоть до р. Сухона. Русские селения подверглись разорению. Только из одной волости Толшмы было уведено в плен 6 500 человек[6]. Подвергалась нападению и Вятская земля[7]. Плененных казанцами русских людей с большой выгодой впоследствии продали на базарах Астрахани и Кафы.

В следующем году нападения казанцев продолжились. 15 сентября

1522 г. «приходили татаровя и черемиса на Галецкая волости и попленища их много, а люди иссекоша и заставу великого князя в Парфеневе разгнаша, а воевод съсекоша, а иных в полон поведоша», а 28 сентября «ударишася татаровя на Южню безвестно на монастырь, и церковь Николы Чудотворца ожъгоша и людей в полон поведоша, а иных иссекоша»,— сообщает летописец[8].

Зимой 1522/23 гг. Сахиб-Гирей начал мирные переговоры с Москвой. Однако когда весной крымский хан Мухаммед-Гирей и ногайский князь Мамай заняли Астрахань и изгнали оттуда союзника России хана Хусейна, Сахиб-Гирей прервал переговоры и приказал убить русского посла В.Ю. Поджогина, перебить всю его свиту и русских купцов, рискнувших возобновить торговые операции с Казанью[9]. В Москве поняли, что новое казанское руководство не желает установления мира. В сентябре 1523 г. русское войско, получив приказ «пленити казанские места», вторглось на Горную сторону. По Волге плыла судовая рать. Сухопутные войска продвинулись до рек Цивили и Свияги, судовая рать доплыла до Казани. Операции русских войск носили скорее демонстрационный характер. Казань, где сосредоточились главные силы ханства, не была взята в осаду, тогда как Горная сторона подверглась разорению. Летописи сообщают о том, что возвратившиеся войска «мног плен с собою черемиской приведоша». Желая усилить границу, в том же году Василий III в устье Суры на правом *казанском берегу на землях горных марийцев приказал построить новую* крепость Васильсурск[a].[10]

Тем временем на юге произошли важнейшие события, основательно изменившие политическую ситуацию в Восточной Европе. Ногайские князья Мамай и Агиш после совместной с крымцами победы над астраханским ханом Хусейном обеспокоились усилением влияния Мухаммеда I в Поволжье. Неожиданно они напали на ничего не подозревавших крымцев, перебили войско, убили самого хана и его сына Батыра, после чего совершили поход на Крым.[11] Надежда на установление крымской гегемонии над Средним и Нижним Поволжьем в одночасье рухнула.

Оставшаяся один на один с Россией, Казань неминуемо должна была испытать новое вторжение русских войск. Понимая, что без помощи извне удержаться будет трудно, Сахиб-Гирей весной 1524 г. передал власть в Казани своему племяннику Сафе-Гирею[b], а сам выехал в Крым и далее в Турцию, где просил послать в Казань пушки, пищали и янычар.[12] Однако в Стамбуле тогда еще мало интересовались делами в далеком Среднем Поволжье, а новый крымский хан Сеадет-Гирей (1524—1532 гг.) более был обеспокоен укреплением своей власти, чем борьбой против России. Действенной помощи Казань так и не получила. Турция ограничилась лишь

---

[a] Существуют различные точки зрения в объяснении причин строительства Васильсурска. Некоторые полагают, что это был очередной шаг в экспансии Русского государства. Автор считает, что возведение крепости, даже с учетом того, что она была построена на территории соседнего государства, было вызвано исключительно потребностью обороны.

[b] Сафа-Гирей являлся сыном крымского царевича Фатых-Гирея, в 1524 г. ему было 13 лет.

дипломатической поддержкой Ее посол Скиндер (Искандер) заявил в Москве, что по просьбе казанцев и Сахиб-Гирея султан распространил на Казань вассальную зависимость Однако русское правительство отклонило претензии Турции, указав на то, что Среднее Поволжье «изстари» находится в сфере влияния Российского государства[13]

В мае 1524 г ладейная и сухопутная русские рати выступили в поход против Казанского ханства 7 июля судовая рать подошла к Казани и осадила город Сафа-Гирей, несмотря на юный возраст, обладал талантом полководца, был энергичным, решительным и смелым Проявив незаурядные способности, он организовал отпор русскому наступлению, сумев отстоять независимость ханства Лишь только русские появились под Казанью, татары сразу же стали совершать вылазки из города, а марийцы развернули против них настоящую партизанскую войну Они перекрыли все дороги и не давали русским не только пополнять продовольственные запасы, но и лишили их всякой связи с другими воинскими группами Казанцы же, через своих марийских разведчиков, были в курсе всех действий русских войск

Василий III, обеспокоенный длительным отсутствием известий из-под Казани, направил Волгой суда с провиантом, вооружением, боеприпасами и жалованьем Командующим флотилией был назначен боярин Иван Палецкий Сушей на подкрепление был послан отряд из 500 всадников Однако как этому отряду, так и флотилии не суждено было соединиться с главными силами Всадники были окружены на Горной стороне черемисами и разгромлены Прорваться к своим смогли только 9 воинов

Более страшную трагедию пришлось пережить флотилии, плывшей по Волге Уже в пределах ханства часть ее судов пристала на ночлег к левому берегу Марийские разведчики в темноте подошли вплотную к русским судам и стали громко расспрашивать о том, кто это плывет [c] Беспечные воеводские слуги приняли марийцев за рабов с прочих судов и стали их ругать за то, что те своими криками мешают спать их господину и пригрозили поутру высечь плетями, на что возмущенные марийцы отвечали «Завтра у нас с вами будет другой разговор, ибо мы всех вас отведем связанными в Казань» Предупреждение никак не отразилось на боеготовности русских Перед восходом солнца, скрытые густым туманом, марийцы незаметно подкрались к расположившимся на берегу русским и стремительно атаковали их Около 90 судов и 2700 человек или погибли или были захвачены нападавшими Сам воевода И Палецкий, в числе немногих, сумел добраться до ладьи и отплыть от берега После столь дерзкого нападения оставшиеся суда флотилии начали прижиматься к противоположному правому берегу На это и рассчитывали марийцы и чуваши В узком месте реки, где острова разделяли русло на несколько проток, ими были заранее сооружены запруды из стволов деревьев Натолкнувшиеся на непредвиденное препятствие, русские суда скопились под высоким обрывистым берегом Черемисы, выждав момент, стали сбрасывать на них сверху заблаговременно срубленные

[c] Обращает на себя внимание тот факт что марийцы знали русский язык

Сражение русских с татарами под Казанью. Нападение черемис на русские ладьи летом 1524 г. Миниатюра из «Казанской истории» начала XVII в. Библиотека академии наук, отдел рукописей. 34.6.64. л. 39 об.

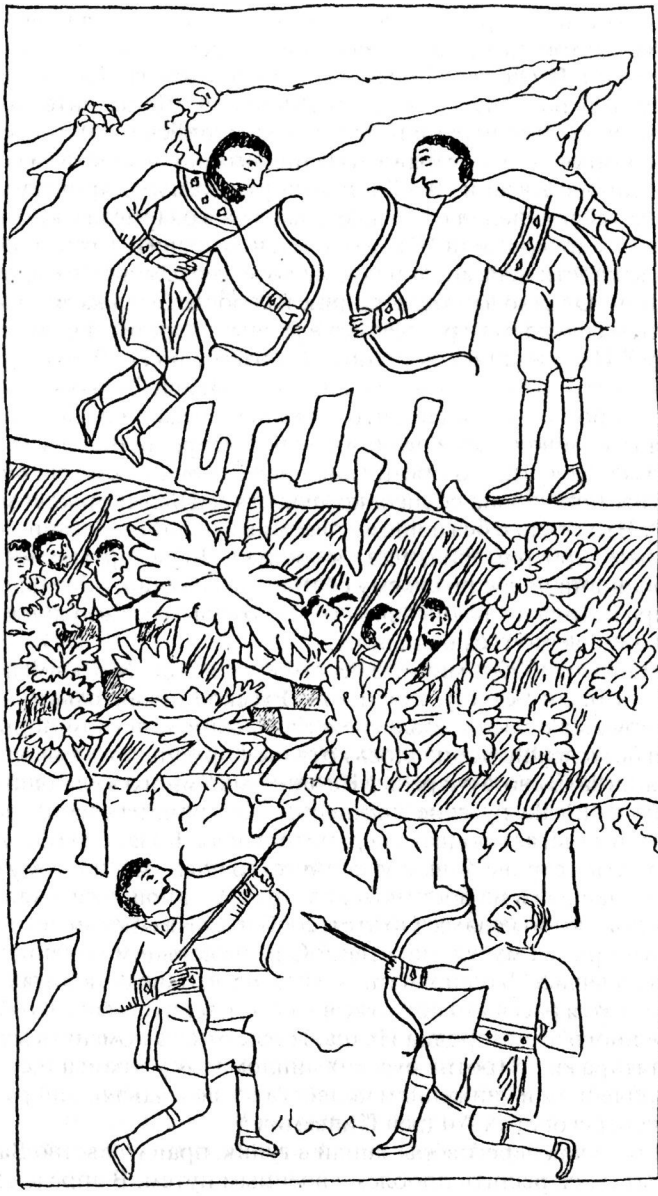
могучие дубы и большие камни, до поры удерживаемые на веревках. Срывающиеся с кручи огромные деревья и камни падали на сгрудившиеся суда, топя их: «...погражатися от единаго древа ладьям 5 и боле с людми, и з запасом, и стенобитным нарядом». В начавшейся панике суда сталкивались между собой, многие люди оказывались в воде и тонули. С берега русских осыпали тучами стрел меткие черемисские лучники. Разгром флотилии был полным. Русские потеряли почти все суда, погибло 25—30 тысяч человек. Лишь небольшой группе судов, на одном из которых находился и воевода И. Палецкий, удалось прорваться к Казани. Черемисам достались богатые трофеи. Несколько дней они поднимали со дна реки пушки, порох, ядра, воинскую амуницию, оружие, серебро, золото, жемчуг и другие драгоценности.[14] Несомненно, что разгром конного отряда, особенно флотилии, является ярким образцом военной тактики марийцев. Русский историк Н.М. Карамзин полагает, что эти события могли породить ныне уже забытую, а в его время еще известную, пословицу: «С одной стороны черемиса, а с другой берегися».[15] Не случайно русские считали черемис основной преградой в борьбе против Казани.

Намного удачнее действовала сухопутная рать, возглавляемая талантливым полководцем Иваном Хабаром Симским. Преодолевая сопротивление горных людей, она 28 июля вышла на Итяково поле возле Свияги. Здесь ее уже поджидало казанское войско, усиленное чувашско-марийским ополчением. Казанцами командовали князья Отун и Аталык. Ожесточенное сражение продолжалось три дня[d] и завершилось полной победой русских: «...на том бою многых князей и мурз и татар и черемису и чювашу избиша, и иных князей и мурз многих живых поимаша». По русским известиям, казанцы потеряли около 42 000 человек.[16] Сокрушительное поражение казанцев на Итяковом поле не стало переломным в войне, но спасло Россию от неминуемого поражения. Казанцы лишились возможности эффективно противостоять русским, но и русские войска уже не могли продолжать осаду. Они потеряли артиллерию и продовольствие, понесли большие потери в людях, к тому же в их лагере вспыхнула эпидемия. Стороны заключили перемирие, после чего русские войска возвратились в Москву. Однако еще до этого воины Хабара Симского жестоко отомстили горным людям за уничтожение конного отряда и разгром флотилии И. Палецкого. Они лавиной прошли по беззащитным селениям Горной стороны, «повоеваша нагорную черемису».[17]

Война завершилась в целом благоприятно для Казанского ханства. Оно сумело отстоять свою независимость, а на ханском престоле остался неугодный России хан Сафа-Гирей. Достигнутым успехом Казань была обязана действиям черемисских отрядов, т.е. марийцам и чувашам. Однако эта же война показала, что Казань не в состоянии защитить своих подданных на Горной стороне. В дальнейшем это обстоятельство сыграло важную роль в политической переориентации горных марийцев, чувашей и мордвы.

---

[d] В период средневековья битвы редко продолжались более одного дня, это сражение на Итяковом поле является исключительным по своей ожесточенности



Разгром флотилии И. Палецкого черемисами летом 1524 г. Миниатюра из «Истории о Казанском царстве» первой половины XVII в. Российская государственная библиотека, отдел рукописей. Ф. 173, №98, л. 51

Проиграв в войне, русское правительство приняло ряд мер. На ханство было оказано экономическое давление—ежегодную ярмарку перевели из-под Казани к Нижнему Новгороду. Укрепление границы одним лишь строительством Васильсурска не ограничилось. Дополнительной мерой стало выселение из приграничной полосы марийского населения. Несомненно, что такое решение было вызвано активным участием марийцев в войне на стороне Казани. В 1526 г. депортируемых марийских мужчин, женщин и детей наблюдал в Москве и даже разговаривал с ними австрийский посол С. Герберштейн.[e] Он поясняет, что правительство сомневалось в благонадежности черемис и поэтому хотело расселить их вдоль литовской границы. Однако любовь к родине и свободе была настолько сильна, что черемисы еще по пути рассеялись в разные стороны, а часть перебежала в Литву.[18] Неожиданное дополнение к известию Герберштейна мы находим в письме русского дипломата в Литве Ивана Ляцкого от 22 апреля 1527 г., в котором он сообщает, что черемисы сбежали из Белева и Торопца и, переправившись через пограничный Днепр, ушли вниз по реке. Далее из письма следует, что организованная погоня не смогла их перехватить, а литовская сторона не спешила оказать содействие русским в поимке беглецов[19]. Что стало с бежавшими черемисами впоследствии—неизвестно, по словам Герберштейна, часть их осела в Литве, другие могли влиться в интернациональное по своему составу казачество, обитавшее в низовьях Днепра и Дона, не исключено, что некоторым все же удалось в обход русских границ вернуться на родину.

Начавшиеся с 1525 г. мирные переговоры между Москвой и Казанью затянулись и были безрезультатными. Русское правительство никак не хотело смириться с восстановлением Казанским ханством полного суверенитета и безуспешно добивалось хотя бы формального признания зависимости ханства. В свою очередь в Казани было много желающих продолжения нападений на русские поселения. На границах часто возникали инциденты. В ханстве процветала работорговля. Казанские феодалы опасались держать в стране большое количество пленных, поэтому основная их часть продавалась на восточных базарах. Остающихся в ханстве принуждали к принятию ислама. Об этом сообщает Казанский летописец, который и сам принял мусульманство.[20] С не желающими сменить веру нередко расправлялись. В одном из писем казанского митрополита Гермогена от 1592 г. имеется рассказ о попытке в 1529 г. насильственного обращения в ислам пленного нижегородца Ивана. После отказа поменять веру он был зарублен татарами.[21] Против русских дипломатов устраивались провокации. Оскорблениям и унижениям подвергался возглавлявший русскую делегацию на переговорах Андрей Пильемов.[22]

После того как переговоры зашли в тупик, правительство Василия III снова попыталось решить проблему военным путем. В апреле 1530 г. две

---

[e] Еще одно указание на распространение русского языка среди марийцев. С. Герберштейн, один из немногих иностранцев, посетивших Россию, знал русский язык, на котором, очевидно, и общался с марийцами.

рати, судовая (во главе с Ф.И. Бельским и М.В. Горбатым) и конная (во главе с М.Л. Глинским и В.А. Шереметевым) были направлены на Казань. На этот раз русские усвоили преподанный им шесть лет назад урок и сумели беспрепятственно провести свои суда к Казани. Двигавшейся через Горную сторону коннице, напротив, пришлось преодолевать ожесточенное противодействие со стороны марийцев, чуваш и татар. Однако и это войско, нанеся существенный урон противнику, 10 июля вышло к Казани.

Но и в Казани уже успели подготовиться к осаде. Сафа-Гирей «посла во вся улусы казанския по князи и мурзы, веля им в Казань собратися изо отчин своих». Среди прибывших для защиты города заметную часть составляли марийские воины. Ими вокруг казанского посада были возведены деревянные стены, которые им же поручили защищать. На подмогу казанцам пришло 30 000 ногайских воинов во главе со старшим сыном князя Ших-Мамая[f] и братом Яглызом (Агишем). Прибыл и астраханский отряд.

Противостоящие силы были значительными, и события разворачивались динамично. Русские приступили к обстрелу города из пушек, а казанцы стали предпринимать многочисленные вылазки. У стен города с утра до вечера происходили ожесточенные столкновения. Лишь на короткую ночь противники отходили на отдых в свои лагеря. В ночь на 15 июля десятеро русских смельчаков незаметно подкрались к стенам острога и, воспользовавшись тем, что утомленные стражники задремали, сняли их и с помощью серы, смолы и пороха подожгли деревянные стены. Прежде чем был подан сигнал тревоги, огонь успел охватить значительную часть острога, и русские смогли ворваться в посад. В начавшейся панике русские воины убивали своих врагов, многие из которых не успели одеться и взять в руки оружие. Лишь отчаянное самоотверженное сопротивление группы воинов позволило некоторым укрыться за городскими стенами. В этом сражении погибло более 15 000 защитников посада, преимущественно марийцы и ногайцы.

После потери посада положение защитников Казани стало критическим. Русские поставили возле городских стен гуляй-город[g] и начали вести беспрерывный пищальный и пушечный обстрел. В переполненной Казани ядра и пули легко находили себе жертву.

В один из дней неожиданно началась сильная буря с ураганным ветром и проливным дождем. Русские воины поспешили укрыться от непогоды, покинув позиции. Этим сразу же воспользовался Сафа-Гирей. Ни он, ни его приближенные крымцы, ногайцы и астраханцы и не подумали атаковать русских, удобный момент они решили использовать для бегства. Желая спасти собственную жизнь, они предали казанцев в трудную минуту. Забрав всех имевшихся лошадей, они пошли на прорыв. Взмокший

---

[f] Ногайским войском скорее всего командовал Касай-мурза.

[g] Гуляй-город представлял собой передвижную крепость. Составлялся из бревенчатых щитов и скреплялся цепями. Являлся надежным укрытием при столкновениях с татарской, ногайской и марийской конницей, вооруженной преимущественно холодным оружием.

Поджог и штурм русскими воинами казанского острога 15 июля 1530 г. Миниатюра из «Истории о Казанском царстве» первой половины XVII в. Российская государственная библиотека, отдел рукописей. Ф. 173, № 98, л. 55.

порох не дал русским возможности воспользоваться огнестрельным оружием, с большими потерями Сафе-Гирею и его людям удалось прорваться сквозь кольцо осады. Брошенные своим ханом и преданные союзниками казанцы впали в депрессивное состояние. Несмотря на то, что в городе оставалось еще 12 000 воинов, никакого желания сопротивляться не было. Даже крепостные ворота целых три часа оставались открытыми. Занять Казань русским не позволил лишь местнический спор[h], возникший между князьями И.Ф. Бельским и М.Л. Глинским. Каждому из них хотелось первому вступить в город.

В Казани не потеряли присутствия духа лишь одни марийцы. Воспользовавшись неразберихой и странным поведением русских, они сделали стремительную вылазку и захватили 80 городен (щитов) из гуляй-города, 7 пушек, пищали и целый обоз с боеприпасами. Все это марийцы смогли беспрепятственно увезти в город и закрыть за собою ворота. Наблюдая со стен героические действия марийских воинов, казанцы воспрянули духом и изготовились к обороне. Опомнившиеся русские еще много дней обстреливали город, но победа выскользнула из их рук. 30 июля воеводы согласились на перемирие и, удовлетворившись данью за три года, приказали войскам возвращаться в Россию. В Москве, заподозренный в получении взятки, воевода И.Ф. Бельский был посажен в тюрьму[23].

Таким образом, несмотря на успешный в целом для России ход военной кампании, решительные действия марийских отрядов при обороне Казани, как и ранее, лишили ее почти достигнутой победы.

После ухода русских войск в Казань вернулся Сафа-Гирей. Казанцы не выказали открыто своего отношения к хану, но настроения горожан сильно изменились в пользу мира с Россией. Они были недовольны предательским бегством хана и союзников, устали от затянувшегося десятилетнего конфликта, последствия которого отрицательно сказывались на экономике ханства, препятствовали торговле с Россией.

Осенью того же года в Москве возобновились мирные переговоры. Казанскую делегацию возглавляли князья Табай, Тевкель и бакшей[i] Ибрагим. Казанцам и русским на этот раз удалось прийти к соглашению. Остановились на формулировке, признававшей казанского хана «братом и сыном великого князя», что ставило Сафу-Гирея почти в равное положение с московским государем. По договору казанцы обязывались возвратить захваченную марийцами артиллерию и произвести размен пленными. Однако с трудом достигнутое соглашение не было принято Сафа-Гиреем. Он выдвинул предварительным условием для заключения мира возвращение делегации, передачу в одностороннем порядке всех казанских пленных и захваченной казанской артиллерии[j]. Отказ от ратифи-

---

[h] Местничество — иерархическая система, широко распространенная в среде высшей российской аристократии. Феодал, в зависимости от родовитости, мог занимать строго определенное служебное положение, но из-за того, что каждый стремился приподнять свой статус, возникали споры «из-за мест», разрешаемые особым боярским судом.

[i] Должность бакшея соответствовала должности приказного дьяка в России.

[j] Имелись в виду русские пушки, захваченные марийцами еще при разгроме флотилии И. Палецкого в 1524 г. и отбитые в 1530 г. при взятии казанского острога.

кации мирных договоренностей стал неприятным сюрпризом не только для русских, но и для членов казанской делегации. «А ныне царь в своем слове не устоял, — говорили казанцы, — на чем великому государю бити челом послал, и он то все презрел, а нас забыл, а того не похотел, на чем мы зделали». Непоследовательность хана они объяснили тем, что «пристали к нему крымцы да нагаи да тутошние люди лихие». Срыв мирных переговоров однозначно вел к возобновлению военных действий, что противоречило желаниям основной массы казанцев. Выражая их настроения, послы заявили боярам о том, что Сафа-Гирей не пользуется поддержкой народа: «...а земля с ним однолично не вместе...», и что они не хотят больше служить предавшему их хану. «Царю казанскому служити не хотим... коли мы царю ненадобны, и нам царь ненадобен»,— заявили они. После чего послы неожиданно для русских объявили о своем желании организовать переворот в Казани и попросили Василия III оказать военную поддержку.[24]

Осторожное русское правительство, опасаясь подвоха, не возразило против возможности осуществления переворота, но и не стало спешить с оказанием военной помощи и продолжило дипломатические усилия по заключению мирного договора. Однако Сафа-Гирей, нарушив перемирие, возобновил военные действия. В январе — феврале 1532 г. татары и черемисы предприняли крупномасштабное вторжение в русские северные волости Толшму, Тиксну, Сянжему, Товто, Городишную, Унжу и многие другие. Нападения принесли много бедствий русскому народу. Масса людей погибла или была захвачена в плен, сгорели многие селения и церкви. Сохранился рассказ о длительной осаде четырнадцатитысячным татарско-черемисским войском Солигалича. Вторжение было столь значительным, что в Тотьме, Устюге и Вологде началась паника. Лишь посланные из Чухломы войска вынудили казанцев отступить.[25]

Одновременно с возобновлением войны в Казани, по распоряжению хана, была арестована русская делегация, которая вела мирные переговоры. Стремясь сделать примирение с Россией невозможным, Сафа-Гирей, невзирая на протест многих казанских князей и мурз, намеревался всех их казнить. Недовольство ханом достигло крайнего предела, и весной 1532 г. в Казани произошел переворот. Многие крымцы и ногайцы из окружения хана были перебиты. Погиб сибирский князь Растов с детьми, князь Али Шакуров и другие. Иных вместе с ханом выгнали прочь из города. Новое правительство возглавил князь Булат Ширин и дочь хана Ибрагима царевна Ковгоршад (Гаухаршад). По просьбе казанцев и с разрешения Москвы 29 июня 1532 г. на ханство был посажен брат Шах-Али—пятнадцатилетний касимовский царевич Джан-Али.[26]

Над Казанским ханством снова был установлен российский протекторат. При Джан-Али постоянно находились русские советники, в городе размещался отряд русских воинов. Внешняя политика страны была поставлена под контроль. Хан должен был испрашивать у великого князя разрешение на женитьбу на дочери ногайского мурзы Юсуфа Сююмбики.[27] Вооруженные силы ханства обязаны были принимать участие в воен-

ных мероприятиях России. Известно, что в 1534 г. казанское войско, состоявшее из татар, марийцев, чуваш и мордвы, участвовало в войне с Литвой на стороне России.[28] Есть мнение, что при Джан-Али ханство выплачивало России дань.[29]

Джан-Али был неопытным и слабым правителем, и реальная власть находилась в руках князя Булат Ширина и царевны Ковгоршад, сторонников мира с Россией, но выступавших за самостоятельность страны и ограничение русского влияния в ханстве. Существенно изменилась и политическая обстановка в Восточной Европе. Женитьба Джан-Али на Сююмбики усилила ногайское влияние в Казани. В 1533 г. в Крыму лояльный к Москве хан Сеадет-Гирей был заменен ее ярым противником Сахиб-Гиреем (1533—1551 гг.) Ранее он был казанским ханом, поэтому считал Казань своим юртом и готов был помочь племяннику Сафе-Гирею вернуть ханский трон. В 1533 и 1534 гг. Сафа-Гирей вместе с крымскими царевичами предпринимал набеги на Рязань, Мещеру и вотчину Джан-Али — Касимовский городок.[30] Озлобившийся Сафа-Гирей писал Василию III: «Мне тебя воевати не перестати и тобе мстити хочу и где будет твой недруг, и яз с ним соединачуся».[31]

В то же время существенно осложнилась обстановка в самой России. 3 декабря 1533 г. скончался Василий III. Великим князем стал трехлетний Иван IV (1533—1584 гг.), впоследствии получивший прозвище Грозный. Малолетством великого князя воспользовались бояре, начавшие между собой борьбу за власть. В период боярского правления Россия ослабела и утратила многие внешнеполитические позиции. К тому же начало очередной русско-литовской войны отвлекло внимание правительства и воинские силы на запад. Этим воспользовались сторонники восточной партии в Казани. Уже летом 1534 г. казанцы начали нападения на Вятку. Русское правительство в связи с этим подтвердило грамоту от 1522 г., предписывающую проживавшим в Вятской земле татарам, удмуртам и чувашам вместе с русскими участвовать в отражении казанских набегов.[32] Галицкий летописец содержит известие о набеге татар и черемис осенью 1534 г.[33] Разрядная книга сообщает о том, что в 1534 г. в Галиче стояли воеводы Ю.И. Темкин-Ростовский и Д.И. Курлятев. «И тогды у них было дело на Унже с козанскими людьми».[34] Зимой 1534/35 гг. «приходили многие казанские люди к Нижнему Новугороду и Новогородские места многие пусты учиниша... полону без числа много поимали, жен и детей боярских да и черных людей с женами и з детми многих поимали»,— записал летописец.[35]

В Москве были недовольны нападениями и пытались воздействовать на хана. Однако Джан-Али, в отличие от своего более рассудительного брата, поддался искушению и попал под влияние сторонников восточной партии, действовавших через царицу Сююмбики. Русский посол в Литве Иван Тарасов позднее такое поведение Джан-Али объяснял молодостью. По его словам, Джан-Али «учал не по тому быти, нестройно, и стал ездити не по пригожим местом; а в Казани лихих людей много, люди съезжие».[36] Трагедия Джан-Али заключалась в том, что, приняв сторону восточной партии, он оказался среди противников России, но в то же время не стал

для них наиболее приемлемой фигурой. За его спиной велись тайные переговоры с Сафа-Гиреем. Сторонники восточной партии связывали с его именем продолжение войны с Россией. Князь Булат и царевна Ковгоршад рассчитывали на крымскую поддержку в защите полной независимости ханства. Однако и крымское засилье не устраивало казанское правительство, поэтому приглашение Сафа-Гирея на ханство, очевидно, было оговорено какими-то условиями.

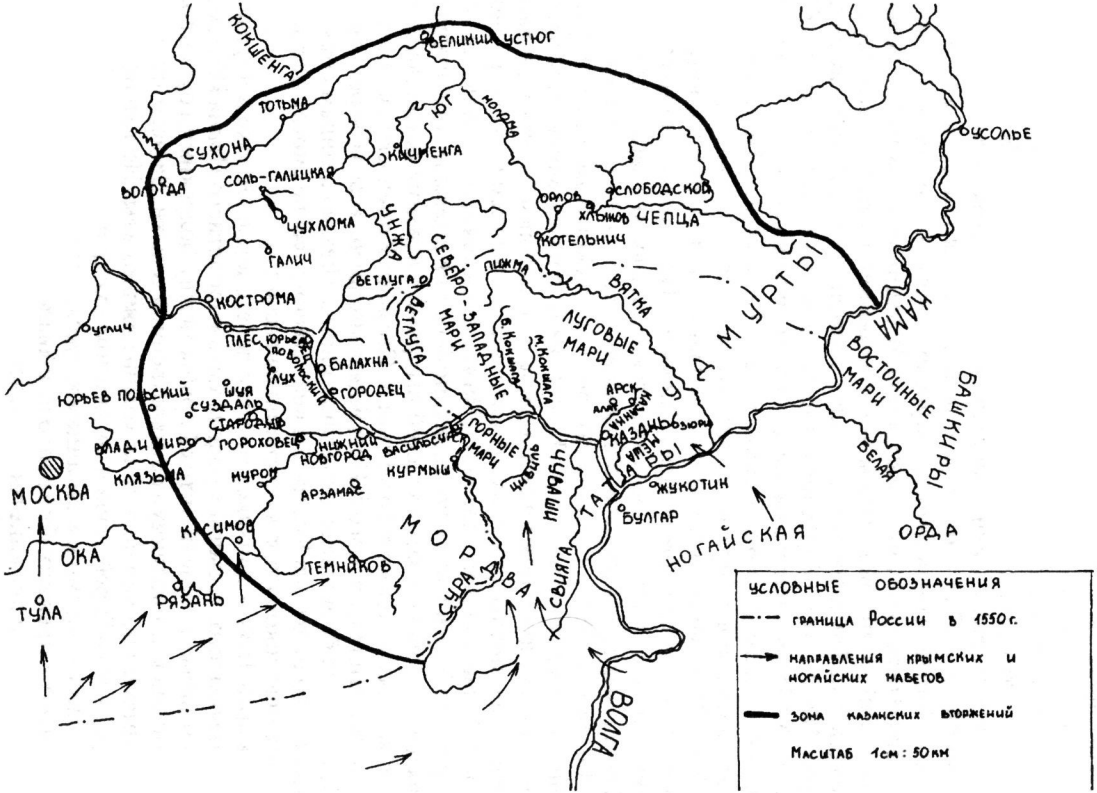
В сентябре 1535 г. во время поездки по стране Джан-Али был зарезан спящим, «с ним же убиша воеводу его, московскаго, воздержателя царева, и вся воя их».[37] Физическое устранение Джан-Али произошло не случайно вне Казани, заговорщики не без основания опасались, что среди горожан найдется немало его сторонников. В Казани действительно шла сложная политическая борьба приверженцев восточной и московской партий. Сразу же после убийства Джан-Али в столицу ханства возвратился Сафа-Гирей. В этих условиях оппозиция не могла выступить открыто и поспешила обратиться в Москву. В октябре 1535 г. князья Шабаз и Шабалат Япанчины, братья Карамыш и Евлуш Хасрулловы и «с ними князей и мырз и казаков 60 человек» вступили в переговоры с касимовскими татарами, охранявшими границу. Казанцы просили передать русскому государю их просьбу о направлении к ним на ханствование Шах-Али, обещали оказать содействие в занятии престола, уверяли великого князя, что их «в заговоре казанцов князей и мырз с пятьсот человек».[38] Однако бояре, увлеченные внутренней борьбой, не откликнулись на обращение оппозиционных казанских феодалов.

После возвращения на ханство Сафа-Гирей и не думал в чем-то ограничивать свою власть. Сразу же он мобилизовал казанцев на войну с Россией. Летописи сообщают, что уже 8 октября 1535 г. «приходили татарове и черемиса на Унжу, да на Шишкилево, да на пустыню на Болшую, да на Чюхлому, да на Глазуново, да к Галичю городу волостьми, да в Галиче половину посада сожгли, а другие отняли, да оттуду посла сила на двое в землю пошли на селца митрополии, а стояла матица близко Усолья на Пупчеве да на Дорку на Достофееве, а воевали Кургу, да Чермагсму, да Романцов, да Залесье, да Чюдцу, да Жилино, да два Березовца, да Холм Шареев, да Слуду, да Лосево Рамение, да Жохово, да Турдеево, да вывоевали волости около Галича».[39]

24 декабря татары появились под Нижним Новгородом и Балахной, сожгли посады и несколько недель грабили близлежащие волости. Жители Балахны и окрестные крестьяне вышли было навстречу татарам, но более искусные в военном деле казанцы одержали победу и «множество христиан побили». Нижегородцам повезло больше. Они сумели уничтожить 50 татарских «загонщиков»[k] и догнать отступающий казанский отряд. Однако в наступившей темноте татарам все-таки удалось ускользнуть от погони.

---

[k] «Загонщиками» именовались воины, которые в составе небольших групп отрывались от основных сил для грабежа.



Среднее Поволжье в XV — первой половине XVI века

В ту же зиму «приходили татарове казаньскые и черемиса, многие люди, в Коряково». На этот раз воеводы С.Д. Сабуров и И.С. Карпов «татар и черемису многых побили, а иных живых переимали и к великому князю на Москву прислали; и князь великий велел тех татар на Москве казнити».[40]

30 июля 1536 г. большой отряд казанцев вторгся в костромские и галицкие места. Русские воеводы, не дожидаясь подкрепления, вышли навстречу им, но потерпели поражение. Казанцы князей П.В. Засекина-Пестрого и М. Полева «убили, и многих детей боярьских побили».[41]

Зимой 1536/37 гг. сам Сафа-Гирей возглавил поход казанских войск на Русь. 15 января он подошел к Мурому, сжег посад и начал штурм города. Однако через три дня, узнав о приближении русских войск, повернул назад[42]. Той же зимой казанцы предпринимали набеги и в северные русские волости. Такие известия нашли отражение в агиографической литературе. Так, в житии Корнелия Комельского, составленном в конце XVI—начале XVII вв., рассказывается о том, что казанцы «многие места попленища, даже и до Вологоцких пределов доидоша». Не успевших разбежаться монахов и мирских людей татары «множество в плен поимаша».[43]

В 1537 г. казанский хан «приходил вновь под Муром и посады около города пожег, а при том пошел к Нижнему Новугороду, и стоя три дни, нижегородцы с татары бились от третьяго до девятаго часа и татары верхний посад выжгли, и сгорело 200 дворов»,—сообщает летописец.[44]

Зимой 1537/38 гг. «ходиша татарове по московским городом, в Костромщины, и в Муромщины, и в Галич, и в Вологде, и монастыри честные многи пограбиша и пожгоша, и боярынь, и дочерей боярских, и житьих людей, и жен младых, и отроков поведоша во свою землю в бесерменскую веру».[45] Подверглась нападению и Нижегородская земля. Большая татарская рать добралась даже до отдаленной реки Комелы на Вологодчине.[46] О разорении вологодских волостей татарами и черемисами имеются известия в житиях Феодосия Тотемского, Стефана Комельского, Павла Обнорского и Нила Сорского.[47] Не дойдя до Вологды всего 6 верст, казанцы «собра полона безчислено отоидоша прочь». Везде казанцам сопутствовал успех. Только близ Костромы «на Плеси» русские смогли разбить татар «полон великого князя отполониша весь».[48]

10 марта 1538 г. начались мирные переговоры. Однако в апреле при загадочных обстоятельствах умерла мать малолетнего Ивана IV[L]. Смерть регентши вызвала новый виток борьбы между боярскими группировками, приведшей к параличу государственной власти. За всем происходящим внимательно наблюдали казанские дипломаты. Не желая заключения мира, Сафа-Гирей выдвигал заведомо неприемлемые требования о выплате дани — «поминок казанцам». Русские дипломаты с возмущением отвечали: «А в прежних летах того не бывало чтобы поминки казанскому царю посылывали прежние государи великие князи».[49] Осенью 1539 г., под надуманным предлогом, Сафа-Гирей прервал мирные переговоры и во-

[L] Современники не без основания полагали, что еще совсем молодая княгиня была отравлена.

зобновил вторжения на Русь. Современники напрямую связывали активизацию казанских набегов с боярской междоусобицей. Летописец с горечью восклицал: «...увидев за грех наш нестроение на Москве, и воевали казанцы в те годы по украйнам государя нашего, никым взбраняеми, и много христианства погубиша и грады пусты створиша. А воевали казанцы и грады пусты створили: Новгород-Нижний, Муром, Мещеру, Гороховец, Балахну, Заволжие, Галичь с всем, Вологду, Тотму, Устюг, Пермь, Вятку, многими приходы в многие лета...»[50] Другие источники к перечисленным городам и областям добавляют Владимир, Шую, Юрьевец Вольский, Кострому, Кинешму, Унжу, Касимов, Темников и др.[51] Позднее, вспоминая об этих тревожных годах, Иван Грозный писал: «От Крыма и от Казани почти половина земли пустовала».[52] Князь А.М. Курбский в своем знаменитом сочинении «История о великом князе московском» пишет о том, что казанцами все было опустошено даже в 18 милях от Москвы, тогда как все земли за Окой разорялись крымцами и ногайцами.[53]

Осенью 1539 г. Сафа-Гирей с войском подходил к Мурому и опустошал нижегородские земли. Другой казанский отряд во главе с князем Чюрой Нарыковым 20 сентября захватил Жиланский городок.[54] В феврале—марте 1540 г. тот же Чюра Нарыков с восьмитысячным войском, в котором были татары, черемисы и чуваши, опустошил костромские места. Русские воеводы смогли догнать казанцев, однако те не только отбились, но и нанесли русским значительный урон.[55]

В декабре возглавленное Сафа-Гиреем войско вновь подошло к Мурому, но на этот раз успех не сопутствовал казанцам. Уже через два дня после начала осады русские предприняли вылазку и нанесли татарам ощутимые потери. Тем временем касимовские татары разгромили промышлявших грабежом ногайцев и освободили много пленных. Узнав о приближении русских войск, Сафа-Гирей снял осаду с Мурома и поспешил возвратиться в Казань, уводя с собой значительный полон.[56]

В сентябре 1541 г. «приходили казанские татарове к Нижнему Новуграду и убили под посадом нижегородских 36 человек, а иных живых плениша и отидоша паки в Казань»,— написано в летописи.[57] Зимой 1541/42 гг. произошло вторжение тридцатитысячного войска. В его составе, кроме казанцев, находились крымцы и ногайцы. На этот раз Сафа-Гирей разорил муромские волости, вотчины князей Пожарских, половину владимирских волостей, напал на Стародуб и Ряполов. Со значительным полоном ему и на этот раз беспрепятственно удалось покинуть пределы России.[58]

В 1542 г. 4000 татар и черемис напали на Вятскую землю, а затем подошли к Устюгу и «повоевали все устюжские волости и городки». В Дымкове ими было сожжено 73 двора и 2 церкви. Награбленной добычи было так много, что они не могли все увезти с собой на лошадях. Решено было возвращаться по рекам на плотах. Погрузив на них всю добычу и пленных, татары и марийцы отплыли восвояси. Однако под Котельничем попали в засаду, устроенную вятчанами. Татары были уничтожены полностью, марийцам же удалось прорваться в лес и уйти на р. Пижму.[59]

В 1543 г. последовал очередной поход Сафы-Гирея против Мурома.

Настойчивость казанского хана вне всякого сомнения не была случайной. Падение Мурома открывало казанцам путь в центральные области России. Но и на этот раз пришлось ограничиться лишь разорением волостей и уводом в плен жителей[60].

В 1544 г. произошло нападение казанцев на нижегородские места.[61] В набеге принимали участие и марийцы. В одном из источников имеется сообщение о присылке из Нижнего Новгорода в Москву двух плененных во время отражения набега черемисинов.[62]

Зимой 1544/45 гг. «приходили на Володимерские места с казаньскими людьми в головах Амонак князь казаньской да Чюра Нарыков и воевал Пожарских князей отчину и полону много имали». Посланная за ними погоня догнала татар, однако те смогли отбиться. Неожиданная неудача постигла татар возле Гороховца: «...у острогу с казанскими людми травилися мужики гороховцы, да взяли у казанских людей голову их Аманака князя...»[63]

Весьма интересные документы были опубликованы недавно в выходящем в Казани журнале «Эхо веков».[64] Это обнаруженные в варшавском архиве русские переводы[m] трех писем казанского хана Сафа-Гирея польско-литовскому королю Сигизмунду I Старому. Д.А. Мустафина датирует эти письма апрелем 1538—августом 1545 гг. Однако их содержание позволяет сделать более точную датировку. По-моему мнению, они могли быть написаны между ноябрем 1542 и декабрем 1545 гг.

Письма свидетельствуют о непримиримо-враждебном отношении хана к России. Сафа-Гирей сообщает своему адресату о том, какие опустошения он причинил русской земле. «Землю московского звоевал и спустошил сам своею головою: зо всим своим войском был и замки есми иншии побрал, а иншии попалил, и со всем войском своим был есми за Окою рекою далеко в земли неприятельской»,—пишет хан. Он указывает, что в походах участвовало по 10, 40 и даже 70 тысяч воинов. В некоторых случаях войска возглавлял он сам, в других ими командовали Козучак (Кощак)улан, Ямурч аталык и Ахмагма улан. Хан пишет о том, что вместе с ним в походах на Русь участвует ногайский мурза Алей с 10 000 воинов и 1 000 астраханцев, присланные ханом Абдул-Рахманом. Из писем следует, что казанцы и их союзники многократно выжигали город Борсуму (очевидно Муром), опустошили и сожгли Балаханю (Балахну), Касимов, Кострому, подходили к Владимиру. Хан подчеркивает, что его воинство неоднократно проникало далеко за Оку. Не имея четкого представления о разоренных казанцами северных уездах, Сафа-Гирей написал: «И теперь тоя земля та есть пуста... до Студеного моря». Под Студеным морем хан, очевидно, имел в виду Белое море, но до него казанцы не доходили, хотя не исключено, что татарско-черемисские оряды могли проникать значительно дальше, чем это зафиксировано русскими источниками. Принципиально новые сведения содержит одно из ханских писем о Вятской земле. «И землю есми его взял — пишет хан — которую землю его взял у свою

[m] До конца XVII в. в Литве государственным языком был русский (старобелорусский)

Привод русских пленных на невольничий рынок Казани. Миниатюра из «Казанской истории» начала XVII в. Библиотека академии наук, отдел рукописей. 34. 6.64. л. 67 об.

моць, и дань ми теперь с тое земли идет, которая земля есть Нократская,[п] с тое земли предком нашим царем казанским дань хаживала». Хан пишет, что к нему «присылали старшии тое земли Нократской, хотячи... дань давати тую, которую давали предком нашим царем казанским». Очевидно, не получая помощи из центра, вятчане сами не были в состоянии противостоять казанским вторжениям и постарались заключить с Казанью сепаратный договор, соглашаясь на уплату дани и еще на какие-то требования хана. Данное известие показывает насколько еще живучи на Руси были порядки периода феодальной раздробленности, что военные успехи соседей снова возродили центробежные силы на окраинах.

Достигнув значительных успехов в опустошении Руси, Сафа-Гирей не думал останавливаться на достигнутом и не отвечал на мирные инициативы русских. «Князь великий московский, — писал он королю, — присылал до нас послов и гонцов своих, просячи и жедаючи мене, а быху з ним валки не мел и мир быху з ним принял. И я того не хотел и миру з ним не принял».

Практически во всех походах на Русь принимали участие марийцы. Они были смелыми воинами и отличными проводниками и разведчиками. Источники не всегда фиксируют их участие, но под обобщенным наименованием *казанцы* следует понимать не только татар, но и представителей иных народов ханства и, в первую очередь, марийцев. В Соловецком патерике сохранился интересный рассказ о набегах казанцев в конце 30—начале 40-х гг. XVI в. Описав причиненные татарами бедствия, автор продолжает: «...по Сухоне даже и до Устюга протече необузданное их стремление, и неизбежное воинство, черемиса же, с ними везде хождаше» (подчеркнуто нами.— А.Б.).[65] О регулярном участии марийцев в так называемой «малой войне» на границах имеется много сообщений в дипломатических документах Посольского приказа.[66] Даже когда военный успех стал склоняться в сторону России, марийцы продолжали тревожить своими набегами русские волости. Так, в одной из царских жалованных грамот от 29 июля 1551 г., выданной вятчанину Каше Мартьянову, встречается приписка, что еще в январе того же года ему уже выдавалась аналогичная грамота, «и ту де у него грамоту взяли казанская черемиса за Устюгом на Кае на реке, тогды как Каша ехал с Москвы на Вятку з Бахтеяром Зюзиным».[67]

В различных источниках имеется масса описаний разорений и бед, причиняемых казанскими вторжениями России. Воспользуемся лишь несколькими. В жалованной грамоте Нижегородскому Печорскому монастырю от 15 января 1540 г. записано, что «в Нижнем Новгороде село Высокое з деревнями все пусто — от казанские войны люди побиты, а иные в полон поиманы, а дворов нет и пашни не пашут».[68] В повести о житие царя Федора Иоановича говорится о том, что казанцы «многие пакости деюще православным христианом, брани составляюще непрестанно; по все лета воеваху и православнаго христианства кровь, яко речные быстрины, изливаиеся мнози же православнии христьяне от нечестивых побиени быша, ови же в плен отведени и различные муки претерпеша».[69]

[п] Так именовалась Вятская земля.

Наиболее полную и яркую картину последствий казанских вторжений оставил непосредственный свидетель описанных им событий, безымянный Казанский летописец. Позволим себе привести пространную выдержку из его замечательного произведения. «И кто бо тогда изрещи может беды сия за многа лета от казанцов и от поганыя черемиса православным крестьяном, паче Батыя. Батый бо единою Рускую землю прошел, яко молниина стрела, яко темная главня, попаляя и пожигая и грады разрушая, пленяще крестьянство, мечем губя. Казанцы же не так губяще Русь, всегда из земли Руския не исхождаше: овогда с царем своим, овогда же с воеводами воююще Русь, и посекающе, аки сады, руския люди и кровь их, аки воду проливающе. От наших же крестьян христовых и воевод, московских князей и боляр, против их стати и возбранити не могуще от сих свирепьства и суровства. И всем тогда беда и тоска велика в украине живущим от варвар тех, у всех руских людей от очию слезы текут, аки реки; крыющеся в пустынях леса, в горах, в теснотах горских живяху з женами и з детми, от поганых варвар тех, покидающе род и племя отечества своя, бежах во глубину Русь. Мнози гради рустии раскопаша, и травою и былием заростивша, села и деревни, многия улусы орастеша былием от варвар. Великия монастыри святые церкви осквернишa лежаще и спяще в них, блуд над пленом творяще з женами и з девицами. Святыя образы секерами раскаляюще, огню предаваху служебныя сосуды, из них же дома скверно пиюще и ядуще. Святыя образы и кресты преливаху серги и ожерелия и мониста, и наряжаху тафья на главы своя, украшахуся, а в ризах церковных себе ризы прешиваху и мнихом наругающеся, образ ангельский безчестиша: углие горящее за сапоги засыпаху и обдираху, ужем за шею оцепляху, и скакати и плясати веляще им. Младых и телеситых чернець черныя ризы снимаху и ругахуся, в срачиньския ризы облачаше. И продаваша руський плен в далныя срачины, идеже спас наш незнаем, и вытти не могуще. А иныя черница, аки простыя девица, за себя поимаше. Над мирскими девицами, предо очию отцев и матерей их, насилствующе, блудное дело творяще, и над женами предо очима мужей. Еще же и над старыми женами, кои в 40 лет или в 50 лет во вдовстве пребывающе ... Православнии же крестьяне по вся дни татары и черемисою в плен ведоми суть, а старым коим очи избодаху и уши, и уста, и нос обрезаше, и зубы искореневаху, и ланиты выломляше; овем же руце и нозе отсецаше, так пометаху по земли: тело валяшеся и после умираше. Иным же главы отсецаше и надвое рассекаху, овии же удами, за ребра и за ланиты пронизающе, повешаху, а иных на колья посаждаху около града своего, и позоры деяху и смех... Младенца незлобливая от пазух матерей своих и тех, погании кровопийцы, о камень ударя, и задавляху, и на копиях прободающе их поднимаху... Яко звери пустыннии притекше восхищающе, злато и серебро в мегновении ока поимавше. Погании же казанцы все к себе поимаху поплененную Русь и прещаху им, мужеск пол и женеск, в срачиньскую веру принуждаху прияти. Неразумнии же мнози приимаху срачиньскую веру их, нужи и страха ради и мук, и запродания боящеся, и прелстися, горе ему же! Варвари и черемиса крестьян губяху. А кои бо же не хотеху веры прияти, и тех, яко скот, овех толпами,

перевязанных, держаше на торгу, продаваху иноземцом поганым. Не смеяху бо казанцы многия руси у себя держати мужеска полу, не обусурманных, развее жен и детей малых, да не наполнятся русь в Казани, того ради запродаяху их. Велик бо плач, и скорьб, и стонание от языка поганаго».[70]

В сознании русского народа Казанское царство воспринималось как государство, причиняющее России неисчислимые бедствия. В народной исторической песне той поры имеется такой сюжет. «Добрый молодец» из Казани-города уговаривает «красну девицу» выйти за него замуж, на что

Говорит девица добру молодцу:
Ты меня да не омманывай!
...Как у вас теперь в Казань-городе
На горах, горах высокиих...
Лежат голов человечия;
...На полях, полях хлебородныих
Там не хлебушки растут пшеничные —
А растет у вас одна мертвечина;
Во лесах, лесах у вас темныих...
Воют волкушки все серые,
Да живут-ходят там разбойнички,
Дневные, ночные подорожнички;
На реках у вас да на быстрыих
Не ручьи бежат там чистые —
Быстра кровь бежит да христианская![71]

Начало Казанской войны 1545—1546 гг.

Трагическое для России десятилетие 1535—1545 гг. принесло неисчислимые бедствия русскому народу. Из-за боярских распрей и отсутствия единого руководства правительство не было в состоянии проводить действенную внешнюю политику. Трижды в 1535, 1541 и 1542 гг. оно пыталось организовать ответные походы на Казань, но всякий раз они не осуществлялись. Русские войска утратили боеспособность и не могли эффективно отражать многочисленные вторжения неприятеля. Казанский летописец писал об этом времени: «И много крови проливающе ово же казанцев, ово же наипаче руския болши. Овогда мало державнии наши побеждаху казанцев, ово же сами от них болши сугубо побеждаеми бываху...»[72]

Восточная и юго-восточная границы во второй половине 30-х гг. спешно укреплялись. Строились новые крепости и улучшалась оборонительная система старых. В Костромской земле были построены городки Буй, Жиланский и Любим. Возведены городки на Мокше и на Проне. На новое место перенесен город Темников. Значительно обновлены укрепления Устюга, Балахны, Владимира, Вологды, пермские городки.[73] Несмотря на все усилия эффект от строительства был весьма незначительным, казанцы без труда прорывались в центральные волости страны. Две попытки мирных переговоров в 1538—1539 и 1542 гг. также не увенчались успехом.

Политическая ситуация в корне изменилась в 1545 г., когда повзрослевший великий князь Иван Васильевич IV взял бразды правления государством в свои руки. Казнив нескольких бояр, он проявил свой крутой нрав и поставил преграду ослаблявшему страну боярскому самоуправству. Одним из первых самостоятельных действий четырнадцатилетнего российского правителя стала организация похода против Казани. В апреле 1545 г. по Волге, Вятке и Каме на Казань были направлены судовые рати.

В историографии прочно закрепилось мнение о том, что этот поход положил начало Казанской войне 1545—1552 гг., результатом которой стало крушение Казанского ханства и присоединение Среднего Поволжья к России. Историки в этом случае следовали за Царственной книгой, в которой повесть о падении Казани предваряется заголовком «Начало Казанской войне от царя и великого князя Ивана Васильевича».[74] Если буквально воспринять заголовок, то получается, что войну начал будто бы русский государь Иван IV. Однако, как было показано выше, широкомасштабная казанская агрессия происходила непрерывно с 1534 г. и особенно усилилась с приходом к власти в Казани Сафы-Гирея, который, не считаясь с интересами большинства населения Казанского ханства, проводил враждебную политику в отношении России. Характер казанских вторжений свидетельствует о том, что эти набеги производились с целью грабежа имущества и увода для дальнейшей продажи в рабство в восточные страны многочисленных пленных. При этом Сафа-Гирей выступал защитником независимости страны и ислама, что до поры обеспечивало ему популярность и поддержку у казанского населения. Успехи казанских войск и безнаказанность увлекли значительную часть татар и левобережных марийцев возможностью обогатиться на работорговле. Таким образом, не Иван IV начал Казанскую войну, он лишь круто изменил ее ход, перейдя от пассивной обороны к активному наступлению на ханство. Очевидно, именно это имел в виду летописец, говоря о начале войны в 1545 г. Правильнее пересмотреть хронологию Казанской войны и отнести ее начало к октябрю 1535 г.

Войска плыли налегке, никаких осадных приспособлений и пушек на судах не было, задача захватить Казань также не ставилась. В столице ханства уже успели позабыть о том времени, когда русские войска подходили к городу, поэтому атака с реки была неожиданностью для татар. Много казанцев было побито возле города и по рекам Волге, Свияге, Вятке и Каме. Однако в целом стратегический успех был незначительным, а с учетом того, что татарам удалось разбить запоздавший отряд пермичей, даже сомнительным. Тем не менее для судьбы ханства он имел самые драматические последствия. Поход русских войск был воспринят подозрительным ханом как результат предательства части казанцев, ранее находившихся к нему в оппозиции. Летопись об этом сообщает так: «И оттоле нача рознь быти во Казани: царь почал на князей неверку держати; и они поехали многие ис Казани к великому князю, а иные по иным землям».[75]

Источники не подтверждают того, что русский поход на Казань весной 1545 г. был осуществлен по сговору с казанской знатью. Однако оппо-

зиция хану существовала, и противоречия между казанцами и его крымским окружением постоянно нарастали. Удовлетворяя корыстные аппетиты крымских пришельцев, Сафа-Гирей не только устранил местных феодалов из правительства, но и стал лишать их суюргальных прав на сбор ясака. Отнятые суюргалы он передавал крымцам, что вызывало недовольство казанской знати. Еще в мае 1541 г. «Булат князь и вся земля Казанская» тайно прислали в Москву своих представителей. Они просили прислать войска и обещали убить или арестовать хана. Посланцы жаловались боярам: «...от царя ныне казанским людем вельми тяжко, у многих князей ясаки поотнимал да крымцом подавал; а земским людем великая продажа; копит казну да в Крым посылает».[76] Казанский летописец пишет о Сафа-Гирее, «что он приемляше свояземца, крымских срацын, приходяще к нему в Казань, велможам им быти устрояше, и богатяше их, и почиташе, и власть велику обидети казанцев, любяше и брежаше их паче казанцев».[77] Ногайский князь Юсуф в 1549 г. писал в Москву о Сафа-Гирее, что он «привел многих нагих и голодных людей крымцов. Да почал над казанскими людьми насильство чинити».[78] Об этом же писали в июле 1551 г. русскому царю ногайские мурзы: Сафа-Гирей «над казанскими людьми учал насильство делати. У ково отца не стало, и он отцова доходу не давал. А у ково брата болшова не станет, и он тово доходу меньшому брату не давал. А и с тобою долго завоевався жил. И тех его дел казанские люди и князи не могли терпети...»[79] Казанский поэт Мухамедьяр, живший в середине XVI в., писал:

Неверие не разрушит государство
А от гнета развалится страна,
Неверие и неверующий лишь себе вредят,
А гнет состояние страны делает невыносимым.[80]

Нежелание далее терпеть авантюристический режим крымского правительства Сафа-Гирея подтолкнуло казанских феодалов к осознанию необходимости переговоров с Россией. 29 июля 1545 г. влиятельные казанские князья Кадыш и Чюра Нарыков обратились в Москву с просьбой о присылке рати для поддержки готовящегося переворота. Войска посланы не были, но русское правительство обещало поддержать заговорщиков.[81]

Переворот произошел в начале января 1546 г., вылившись в поистине всенародное антикрымское восстание. Автор «Казанской истории» так описал произошедшее событие: «Воста в Казани в вельможах и во всем народе, и во всем люду казанском смятение великое; воздвигоша бо крамолу, все соединившися болшие с меншими, на царя своего Сапкирея и свергоша его с царьства, и выгнаша ис Казани со царицами его, и мало не убиша».[82] В ходе переворота многие крымцы были перебиты.[83]

Покинув Казань, Сафа-Гирей встретился с астраханским послом Мансырь-сеитом, вместе с которым прибыл в Астрахань. Обратившись за помощью к астраханскому хану, Сафа-Гирей вскоре ее получил и с астраханским войском пришел под Казань. Два месяца изгнанный хан пытался взять город, однако без осадной техники «единою стрелою» ничего сделать не

смог. «Землю повоева и поплени», Сафа-Гирей вынужден был уйти в Ногайскую орду к своему тестю[о] князю Юсуфу.[84]

Но и единству казанцев сразу же пришел конец, как только стал обсуждаться вопрос о кандидатуре нового хана. При этом определилось несколько позиций. По словам Казанского летописца, «ови же хотяще в Крым послати по царевича, ови же за турскаго заложитися хотят, да брежет их и пришлет им своего царя; ови же заложитися хотяще за московскаго царя, но боятся мщения от него о старом преступление; ови же старого царя, согнаннаго Сапкирея[р], из Нагаи привести его, и того бояхуся: мало его не убили».[85] Возобладало мнение в пользу повторного приглашения на ханство Шах-Али. Однако, учитывая предыдущий опыт, казанцы решили максимально ограничить его власть и русское влияние. Когда 13 июня 1546 г. Шах-Али в сопровождении касимовских татар и тысячного русского отряда во главе с князем Д. Бельским прибыл к Казани, ему разрешили оставить при себе только сотню приближенных. Князь Д. Бельский вместе с воинами был размещен на посаде и лишен возможности общения с ханом.

Второе ханствование Шах-Али Казанский летописец сравнивал с пленением, подчеркивая, что он был в Казани «не яко царь, но яко пленник, изыман и крепко брегом». Шах-Али не имел реальной власти, не мог опираться на воинский контингент и не пользовался никаким авторитетом среди казанцев. При нем противоречия между различными группами казанцев не только не прекратились, но и усилились. Казанцы не скрывали своего пренебрежения к хану и несколько раз даже порывались убить его. Лишь заступничество лидера московской партии Чюры Нарыкова спасло Шах-Али от неминуемой расправы. Проханствовав всего месяц, под угрозой заговора, Шах-Али с помощью Чюры Нарыкова бежал в Россию. Чтобы усыпить бдительность казанцев, он устроил большой праздник и напоил всех горожан вином. Наутро, перед бегством, он приказал убить 20 наиболее ненавистных ему казанских вельмож, еще 20 связать и взять с собой заложниками.

Коварная расправа, учиненная Шах-Али, и его тайное бегство настолько возмутили казанское общество, что все явные или мнимые сторонники московской партии подверглись преследованиям и казни. «И много избиша между собою неповинных»,— замечает Казанский летописец по этому поводу. Дело дошло даже до вооруженных столкновений. При попытке бегства в Россию был задержан и уничтожен тысячный отряд Чюры Нарыкова, а сам он казнен.[86]

За событиями в ханстве внимательно следили в Ногайской орде. Узнав о начавшейся междоусобице, Сафа-Гирей обратился к князю и мурзам с просьбой о выделении ему воинов. Ногайцы относились к Сафе-Гирею неоднозначно и даже помышляли убить его, однако, будучи настоящим

[о] Жена убитого Джан-Али Сююмбики, дочь князя Юсуфа, стала пятой женой Сафа-Гирея и пользовалась его наибольшим расположением.

[р] Сафа-Гирея.

авантюристом, он не скупился на обещания. «А в Казани дей тех людей много, которые нас хотят,— говорил Сафа-Гирей ногайским мурзам — только дей с мангытскою[q] силою пойду, и они дей меня возмут. А возму дей Казань, и язь дей Юсуфу князю да и вам дам **Горную сторону, да и Арскую**» (выделено нами.- А.Б.). Ногайские мурзы обдумывали сказанное, а Сафа-Гирей щедро обещал им большое денежное вознаграждение, а также взять мурзу Юнуса[r] князем в Казань. Ради достижения своей цели он даже выразил готовность признать вассальную зависимость от Ногайской орды. «По твоему дей жалованью только Казань возму. Яз дей в твоей воле учиню»,— заверял он князя Юсуфа. В залог верности своих слов Сафа-Гирей оставлял ногайцам свою семью. Наконец, ему удалось убедить князя и мурз дать ему войско.

Однако возвращение изгнанного полгода назад хана устраивало далеко не всех. Только после 8 дней осады Сафа-Гирей смог войти в город.[87] Но и после этого потребовалось еще некоторое время для подавления сопротивления. Князю Кострову удалось даже собрать отряд, с помощью которого он попытался ворваться в Казань, однако соотношение сил не было равным. Ногайцам удалось рассеять отряд Кострова.[88] Став ханом в третий раз, Сафа-Гирей решил навсегда покончить с какой-либо оппозицией своей власти. Физическому истреблению подверглись все, кто открыто не встал на его сторону. Среди погибших были князья Баубек и Кадыш и даже глава мусульманской церкви в ханстве сеит, посмевший осуждать Сафу-Гирея. Столь массовые репрессии вызвали порицание даже в союзной ему Ногайской орде. Князь Юсуф с возмущением писал Ивану IV, что Сафа-Гирей, «что было лутчих людей казанских, то всех побил».[89] Оставшиеся в живых поспешно эмигрировали в Россию и Ногайскую орду. Летописи фиксируют прибытие в Москву в сентябре 1546 г. 76 казанцев, среди которых находились князья Кулуш, Тереул, Бурнаш и братья Чюры Нарыкова.[90] В 1551 г. в Москве находилось уже более 500 казанских князей, мурз и казаков.[91] В 1552 г. численность казанских беженцев в России, с учетом членов семей и слуг, приблизилась к 10 000.[92] Казанские эмигранты были приняты на русскую службу и использовались в дальнейшем в борьбе против Казани. Сафе-Гирею удалось разгромить оппозицию, однако в канун возобновления военных действий с русскими это значительно обескровило и ослабило Казанское ханство и в то же время предоставило правительству Ивана IV дополнительные основания для вмешательства во внутренние дела страны и сотни, а может быть, тысячи опытных татарских воинов.

Добившись с помощью ногайских сабель возвращения на ханский престол, Сафа-Гирей не выполнил ни одного обещания, данного ногайским феодалам. Обманутые ногайцы из союзников превратились в противников и начали нападения на казанские пределы. Мурзе Юнусу удалось даже подойти к Казани. Авантюризм Сафы-Гирея поставил Казанское

---

[q] Имеются в виду ногайцы.

[r] Юнус был старшим сыном правителя Ногайской орды князя Юсуфа.

ханство на грань войны сразу на два фронта: на западе — с Россией и на юго-востоке — с Ногайской ордой.

Продолжение Казанской войны 1546—1551 гг. Присоединение Горной стороны к России

События, произошедшие в Казани, имели самые серьезные последствия для нетатарского населения ханства. Особенно внимательно за происходящим наблюдали жители Горной стороны. Возвращение Сафа-Гирея и разгром оппозиции неотвратимо должны были вызвать возобновление войны с Россией и новое разорение Горной стороны, которая в русско-казанских конфликтах оказывалась между «молотом и наковальней». В.Д. Димитриев допускает, что намерения Сафа-Гирея передать Горную сторону под власть ногайцев могли стать известны горным людям, что не сулило им ничего хорошего.[93] В данной ситуации народы Горной стороны не могли больше оставаться безучастными наблюдателями и послушными исполнителями безрассудных приказов казанского правителя. Необходимо было срочно действовать. О том, как происходил поиск нужного решения, рассказывается в уникальном по исторической достоверности горномарийском предании об Акпарсе, записанном в XIX в.

В предании рассказывается о том, как горномарийские старейшины и гадатели — «мужаны» сошлись для обсуждения проблемы на «великое собрание». Это были самые авторитетные и мудрые представители народа. Они хорошо понимали, что возобновившаяся война не обойдет стороной их селений и что их жилища будут сожжены, имущество разграблено, посевы вытоптаны, а все не успевшее укрыться население захвачено в плен или перебито. Предание повествует о том, что старейшины, размышляя о дальнейшей судьбе своего народа, печально опустили головы. «У некоторых показались слезы на глазах. Даже такой сильный и крепкий человек как Акпарс наклонил свою печальную голову и тоже смахнул с глаз несколько слезинок». После долгих размышлений и споров «великое собрание» решило направить в Казань и Москву разведчиков, именуемых в предании как «глаза и уши». Для этой миссии выбрали самых сообразительных, наблюдательных и надежных. Им было поручено собрать как можно больше информации о каждой из сторон и доложить затем старейшинам. «Глаза и уши» отлично справились с заданием. По их возвращении вновь было созвано «великое собрание».

Это событие , видимо, пришлось на осень 1546 г., когда в Казани как раз Сафа-Гирей жестоко расправлялся с оппозицией. Первыми выступили разведчики, прибывшие из Москвы. Они доложили следующее: «Царь московский крепко сидит на престоле, подданных слуг и войска у него много, и все почитают его за земного бога; казною богат, закон у них один и закон соблюдается». Разведчики, побывавшие в Казани, сказали следующее: «На казанском престоле сидит царь не крепко; царей в Казани часто меняют, происходят там бунты, закон у них не соблюдается... плохо там... А

главное то, что им против Москвы не устоять. Скоро опять между Москвой и Казанью начнется война».

«Великое собрание» постановило искать покровительство у России и направило для этого в Москву специальное посольство. На выбор горных марийцев не могло не повлиять массовое бегство казанских феодалов, оппозиционных режиму Сафы-Гирея. Послы должны были сообщить русскому государю ряд условий: оставить у горных марийцев прежних вождей, не трогать служителей культа и их веры, не обижать простых людей и не отдавать их под власть бояр, ясак взимать в посильных размерах и гарантировать соблюдение законности, а также не допускать насилий русских воинов над марийскими женщинами.[94]

В ноябре посольство горных людей, обходя татарские сторожевые посты, на лыжах отправилось в Москву. В различных вариантах предания состав посольства определяется по-разному. В одних называются имена Акпарса, Аказа, Ковяжа (Ковеша, Товяша) и Яныгыта (Яныгына, Яника), в других упоминание об Акпарсе отсутствует.[95] Те же имена, с добавлением еще Анчика, встречаются в чувашских исторических преданиях.[96] Бытование сюжетов о посольстве в Москву сразу в фольклоре у двух соседних народов свидетельствует о совместном принятии решения о посылке своих представителей в Москву.

Известия о посольстве горных людей в Москву зафиксированы несколькими письменными источниками. Они имеются в Никоновской и Львовской летописях, «Летописце начала царства», в «Продолжении хронографа редакции 1512 г»., в Царственной и разрядной книгах. Из них мы узнаем, что 6 и 7 декабря 1546 г. «прислали к великому князю бити челом горная черемиса Тугай с товарыщи дву черемисинов, чтобы государь пожаловал, послал рать на Казань, а они с воеводами государю служити хотят».[97] Разрядная книга добавляет, что посольство было послано горной черемисой и сотником Атачиком «с товарищи». Сразу же обращает на себя внимание созвучность имени исторического Атачика с именем персонажа чувашского фольклора Анчика. В пользу чувашского происхождения Атачика свидетельствует и раздельное упоминание о нем и о горной черемисе. Далее запись в разрядной книге раскрывает цель прибытия посольства горных людей: «...оне похотели государю и великому князю служить и великого князя воевод встретить за Василем городом и с воеводами итить х Казани».[98] Еще более проясняет характер обращения горных людей «Продолжение хронографа редакции 1512 г»., где говорится о том, что «просила горная черемиса царя Шигалея, а хотели итти х Казани и царя с Казани сослати».[99] Имеющиеся известия позволяют заключить, что на переговорах не шла речь о непосредственном вхождении Горной стороны в состав России, а именно такой вывод делали многие советские историки то ли от невнимательного чтения источников, то ли в угоду пресловутому тезису «о добровольном вхождении народов Поволжья в состав России». Правильнее будет иной вывод. Прибытие в Москву горномарийско-чувашского посольства совпало с массовым притоком туда казанских беженцев. Интересы казанских эмигрантов и горных людей полностью совпадали. И те, и

другие рассчитывали при поддержке русских войск свергнуть правивший в Казани авантюристическо-террористический режим Сафы-Гирея и посадить на ханский престол московского ставленника Шах-Али. Успешная реализация задуманного привела бы к возобновлению российского протектората над Казанским ханством, неизбежно сняла бы напряженность между странами и создала благоприятные условия для длительного мира и взаимовыгодного экономического сотрудничества, т.е. дала бы народам Горной стороны то, чего они больше всего желали. Следовательно, на переговорах в Москве в декабре 1546 г. речь шла о военном союзе и установлении вассальной зависимости Казанского ханства от России, но ни в коем случае не о вхождении в состав России.

Из последующих событий становится ясно, что в Москве не сразу оценили выгоды от союза с горными людьми.[5] Очевидно, русское правительство не спешило проникнуться доверием к казанским подданным, ранее воевавшим против России. Вероятно, этим можно объяснить тот факт, что предложение горных людей, несмотря на всю очевидную выгоду, полностью русским правительством принято не было.

В феврале 1547 г. Суру перешло русское войско. Однако оно не было большим и перед ним поставили ограниченную задачу: «...казанских мест воевати луговые стороны, а к городу ходити не велели...» Не был допущен к участию в походе и Шах-Али. Не исключено, что в Москве справедливо опасались коварной ловушки со стороны Сафа-Гирея. После разгрома оппозиции он с помощью черемис мог попытаться заманить русские войска в засаду и уничтожить. Этим он смог бы устранить своего постоянного конкурента в борьбе за казанский престол, а Россия и оппозиция лишились бы легитимного повода для вмешательства в казанские дела. Очевидно, поход начала 1547 г. был лишь разведывательным. Русское войско продвинулось только до р. Свияга, не дойдя до Казани 30 верст. В соответствии с указанием, воеводы не разоряли селений горных людей, а наносили удары по Луговой стороне. Как и было обещано, русские нигде на Горной стороне не встретили противодействия. Более того, отряды горных людей, в соответствии с договоренностью, хотели даже присоединиться к русским: «Черемиса горныя стороны пришла было многая к воеводам», однако «разведав то, что своево[1] царя Шигалея нет, и оне поворотилися назад, а иную черемису воеводы у себя оставили и к Москве привели».[100] Воеводы взяли с собой 100 черемис, несомненно, в качестве заложников, но не как пленных.

Таким образом, можно заключить. Горные люди искренне хотели при-

---

[5] Горные люди могли вести переговоры с приказными дьяками и боярами, сам же Иван IV в это время совершал поездку по монастырям и возвратился в Москву только 12 декабря и уже 13-го был занят обсуждением предстоящего венчания на царство и собственной свадьбы. О встрече царя с марийцами и чувашами источники ничего не сообщают.

[1] В некоторых списках хронографа вместо слова *своево* написано *с воеводами,* отчего смысл несколько меняется. Ср.: Шмидт С.О. Продолжение хронографа редакции 1512 года // ИА. Т. 7. М., 1951. С. 291; ПСРЛ. Т. XX II, Ч. 1. С. 526.

соединиться к русским войскам, но поняв, что они не собираются предпринимать серьезных действий против Казани, сразу же потеряли всякий интерес и не приняли участия в походе, ибо Москва не выполнила условий договоренности, а открытая поддержка русских войск вызвала бы сразу же после их ухода жестокие репрессии со стороны Казани. В то же время русским не было оказано никакого сопротивления. Население Горной стороны оказалось в сложном противоречивом положении.

Известный чувашский исследователь В.Д. Димитриев, анализируя события, связанные с присоединением Чувашии к России, пришел к выводу, что в 1546 г. на Горной стороне будто бы произошло восстание и «после 1546-1547 гг. по лето 1551 г. Чувашия, по существу, не подчинялась казанскому хану, но и не входила еще в состав русского государства».[101] Однако факты не позволяют согласиться с уважаемым ученым. Вплоть до лета 1551 г. Горная сторона оставалась в составе Казанского ханства, и сколько-нибудь крупного восстания там произойти не могло. Во-первых, нет известий о карательных мерах Казани против населения Горной стороны, которые должны были последовать в случае восстания. Лишь в 1552 г., после того как факт перехода Горной стороны в подданство России стал очевидным, казанские отряды начали совершать нападения на горных людей, имевшие целью «отводити их от государя».[102] Во-вторых, в течение всего периода с 1546 по 1551 г. татарские отряды могли свободно передвигаться по Горной стороне. Так, в марте 1549 г. казанский князь Мамазер, «а с ним казанских людей 140 человек» прошли через Горную сторону в набег «на Муромские места».[103] В случае отделения Горной стороны от ханства беспрепятственное продвижение небольшого татарского отряда на столь значительное расстояние стало бы невозможным. В-третьих, подчинение Горной стороны ханству подтверждается казанской грамотой, направленной в том же 1549 г. в Крым. В ней горные люди упоминаются в составе Казанского ханства.[104] В-четвертых, Казанский летописец определенно заявляет, что вплоть до лета 1551 г. в Казани ничего не знали о переходе горных людей в русское подданство.[105] В-пятых, тем, что Горная сторона продолжала считаться частью Казанского ханства, объясняются военные акции там русских войск. Во время зимнего похода 1547/48 гг. они «казанские места многие по горной стороне и по луговой и во Арской дорозе и до Камы воевали и полону много имали». Эти же места подверглись атакам русских войск в январе — феврале 1550 г.[106] В условиях войны с Казанью русское командование вынуждено было считаться с тем, что Горная сторона формально оставалась в подчинении у казанского хана, а население платило в его пользу ясак. Очевидно, воеводы посчитали необходимым для обеспечения безопасности своего тыла нанести по Горной стороне превентивные удары, впрочем, совершенно излишние. Сопротивления русские воины со стороны горных людей не встречали никакого: «...никто же супротивися им, ни вопреки глаголя».[107] С 1547 г. население Горной стороны, видимо, находилось перед выбором и занимало выжидательную нейтральную позицию, формально сохраняло покорность казанскому хану, и в то же время уклонялось от участия в войне против русских.

На окончательное определение политической ориентации народов Горной стороны повлиял, несомненно, удачный для России ход войны. В сентябре 1548 г. русские пресекли попытку татар опустошить костромские места; в марте следующего года отразили набег татар на Муром, а в декабре разгромили союзных казанцам ногайцев, напавших на Мещеру и рязанские места, после чего военная инициатива полностью перешла к России. Этому благоприятствовала неожиданная смерть Сафа-Гирея в начале марта 1549 г., наступившая в результате несчастного случая. Взрослые сыновья Сафа-Гирея Мубарек и Булюк находились в Крыму, в Казани были двухлетний сын Сююмбики Утямыш-Гирей и взрослый сын от русской пленницы. Ни тот ни другой, по политическим соображениям, не подходили на роль казанского хана. Приглашать одного из царевичей в Крым направили специальное посольство, однако по дороге его перехватили казаки. Ханом вынуждены были провозгласить младенца Утямыш-Гирея.

Ослаблением ханской власти и начавшимся брожением в Казани воспользовался русский царь, понявший, что наступил удобный момент для нанесения удара по ханству. Однако зимний поход 1549/50 гг. не принес победы. Правительство в Казани возглавил крымский улан Кощак (Косчак, Козыджак), который сумел организовать оборону города. Обнаруженное в одном из турецких архивов письмо, датированное 1550 г. и направленное султану принимавшим участие в обороне Казани астраханцем Шерифи, свидетельствует о значительных потерях как среди казанцев, особенно страдавших от русской артиллерии, так и о неисчислимых потерях среди русских. По его словам, «два войска, утонув в железе, одинаково дрались и воевали один против другого... Это было такое сражение — будто судный день, мир заполнился звуками кинжалов, в городе Казани кровь текла рекой». Победа досталась казанцам. «Грешные неверные, погибнув таким образом, на двух равнинах крепости лежали пищей для собак, куском для волков и гиен. Не было места, куда можно было бы ступить ногой»,— пишет Шерифи.[108] Не благоприятствовала русским теплая зима и очень сказывалась оторванность от баз. Во время отступления Иван IV на Горной стороне в устье Свияги присмотрел удобное место для строительства крепости. В Москве для обсуждения плана новой кампании приглашались татарские эмигранты, заслушивалось мнение Шах-Али.

В течение зимы 1550/51 гг. в угличских лесах под руководством талантливого инженера дьяка И.Г. Выродкова был заготовлен необходимый для возведения крепости материал. Предполагалось срубленные заранее крепостные стены и дома разобрать и на судах спустить Волгой до нужного места, где без проволочек возвести крепость под носом у противника. Для прикрытия строительных работ было сформировано несколько войсковых групп. Одной командовал князь П. Серебряный. Размещенная на ладьях рать должна была неожиданно для противника занять место будущего строительства, а затем атаковать Казань и тем самым связать силы ханства. С юга от возможного нападения крымцев и ногайцев строительство должна была прикрывать выдвинутая в степи группировка Д.И. Хил-

кова. Вятку и Каму брали под контроль вятчане во главе с Б. Зузиным. Переправы на Волге поручалось занять казакам.

Наступление началось 16 мая 1551 г. и развивалось успешно. Уже к вечеру следующего дня русские вышли к Круглой горе на Свияге, а утром 18 мая, под прикрытием густого тумана, незаметно приблизились к Казани и удачно атаковали посад. Появление П. Серебряного под городом было полной неожиданностью для татар. «А на посад пришел безвестно и божиею милостью побил многих людей; и живых поимали, и полону русского много отполонили, а князей и мурз великых болши ста побили, и многых мелких людей и жен и робят побили»,— повествует летописец.[109]

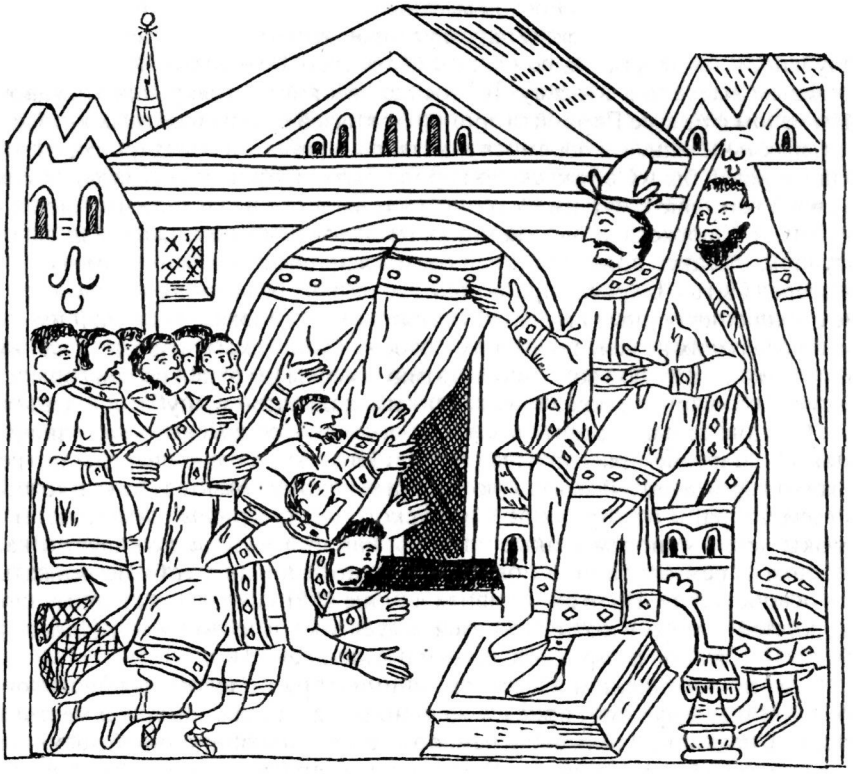
Подверглись атакам и различные улусы ханства, в том числе и Горная сторона. Казанский летописец сообщает, что русские воеводы «распустиша воя по улусом казанским воевати, и пленити горния черемиса и нижния».[110] Этим была обеспечена возможность прибывшим 24 мая строителям беспрепятственно заниматься своим делом. Заготовленного материала не хватило, и пришлось рубить лес на месте. Уже через четыре недели после начала работ были возведены крепостные стены, а к 30 июля завершено строительство города, названного Ивангородом на Свияге. Однако название не закрепилось, и город стали именовать по реке Свияжском.

Столь неожиданное и быстрое возведение русской крепости вблизи центра Казанского ханства произвело ошеломляющее впечатление на современников. В Казани долго не могли поверить в этот факт, полагая, что русские поставили лишь гуляй-город. «Егда же истину уведаша казанцы, что поставлен бысть великий град, и почаша тужити и тосковати»,— говорит Казанский летописец.[111] В то же время небывало высоко поднялся дух русского воинства: «И от сего прияша вся воя руская известно дерзновение на враги своя казанцы и на всю черемису их».[112]

Возведение на Свияге русской крепости с многочисленным гарнизоном и начало нового опустошения Горной стороны русскими войсками окончательно склонили настроения основной массы местного населения в пользу России. Этому благоприятствовало и то, что татарские феодалы, жившие на Горной стороне, поспешили убежать в Казань и не могли оказывать влияние на колеблющуюся часть населения. «Горние же люди, видев то, что город царя православного стал в их земле, и почаша ко царю[и] и воеводам приезжати, и бити челом, чтобы их государь пожаловал гнев свой отдал; а велел бы им быти у Свияжского города, и воевати их не велел».[113] Казанский летописец добавляет, что «старейши ны и сотники горния черемисы» пришли с челобитьем на третий день после начала строительства, т. е. 26 мая.[114] В Степенной книге сообщается, что жившие в окрестностях строящегося города «горнии люди начаша присягати и град делати помагаху, хлеб же и мед и скот и всякую потребу во град привожаху».[115]

Сообщение об удачных действиях русских войск, возведении новой

[и] В данном случае речь идет о Шах-Али, формально возглавлявшем воинскую группировку, занимавшуюся строительством Свияжска. Очевидно, нахождение Шах-Али в составе войск сыграло не последнюю роль в решении горных людей принять русское подданство.



Челобитье горных людей служилому хану Шах-Али и русским воеводам о принятии их в российское подданство в июне 1551 г. Миниатюра из «Истории о Казанском царстве» первой половины XVII в. Российская государственная библиотека, отдел рукописей. Ф. 173, № 98. л. 98.

крепости и челобитье горных людей («а горние люди государю хотят служити»), было направлено в Москву с касимовским князем Шабасом Шамовым и боярином И.Ф. Шишкиным. Вскоре горные люди от «всее Горнее стороны» снова били челом боярам и Шах-Али, прося разрешения на поездку их делегации в Москву. При очевидной неизбежности включения Горной стороны в состав России местные старейшины посчитали необходимым обговорить с русским царем условия этого акта. Разрешение было получено, и их делегация во главе с Магметом Бозубовым и Ахкубеком Тогаевым выехала в Москву. В Москве «Магмет с товарыщи государю били челом ото всее Горние стороны, от князей и мурз и сотных князей и десятных и чювашей и черемися и казаков, чтобы им государь гнев свой отдал, а велел бы у Свияжьского города быти; и правду государю на том по своей вере дают, что им от государя и их детем неотступным быти и к Казани от Свияжскаго города никак не отложитися; и пожаловал бы их государь, в ясакех полегчил и дал бы им жаловалную свою грамоту, как им вперед быть». Царское правительство на этот раз верно оценило значение обращения горных людей. «Государь их пожаловал, гнев свой им отдал и воевати их не велел и взял их к своему Свияжскому городу; и дал им грамоту жаловалную з золотою печатию, а ясакы им отдал на три годы; да Магмета с таварыщи пожаловал великым жалованием, шубами и деньгами». Следовательно, делегаты смогли получить от русского царя значительно больше, чем рассчитывали. Но и Иван IV, в свою очередь, потребовал от горных людей «государю царю и великому князю служить и хотети во всем добра, и от города от Свияжского неотступным быти, и дани и оброкы черным людем всякые платить, как их государь пожалует и как прежним царем платили, а полону им руского никак у собя не держать, весь освобожати». На этих условиях в июне 1551 г. «воеводы горных людей, князей и мурз и сотных князей и десятных и чювашу и черемису и мордву и можаров и тарханов, привели к правде».[116]

Судя по летописным известиям, инициаторами челобитья были горные марийцы и чуваши, присягу же принимали также мордва и местные татары. Среди последних было немало тех, кто оппозиционно относился к правившему в Казани режиму. В одном из чувашских преданий рассказывается, что еще в декабре 1546 г. во время переговоров в Москве сотник Анчик уверял русских бояр в том, что «и татары будут рады русским, потому что и между ними есть много недовольных ханом за то, что его слуги, богатыри-воины, разбойничают над всеми».[117]

Однако в Москве имели богатый и разнообразный опыт взаимоотношений с народами Среднего Поволжья и опасались коварного предательства. Необходимо было принять меры к укреплению новых подданных за русским государем. Решено было испытать горных людей на верность. Им было заявлено: «Правду есте государю учинили, пойдите же, покажите свою правду государю, воюйте его недруга». Горные марийцы и чуваши вооружились и под наблюдением русских атаковали Казань. С военной точки зрения операция была неудачна. Когда отряд подошел к городу, «вышли к ним все казанские люди крымцы и казанцы; да с ними билися крепко, и

от обоих падоша. Казанцы ж вывезли на них из города пушки, и пищали, да учали на них стреляти; и горние люди чуваша и черемиса дрогнули и побежали; и убили у них казанцы человек со сто, а с пятьдесят живых поимали».[118] Однако поход продемонстрировал искренность народов Горной стороны в принятии российского подданства.

Следующей мерой, призванной закрепить население Горной стороны за Россией, стало одаривание или подкуп местной знати. Летопись об этом повествует так: «Горние же люди ездили ко государю во все лето человек по пяти сот и по шти сот; а государь их пожаловал великим жалованием, кормил и поил у себя за столом. Князей и мурз и сотных казаков жаловал шубами с бархаты; а иным чуваше и черемисе камчаты и отласныя; а молодым однорядки, и сукна, и шубы бельи; а всех государь пожаловал доспехи, и коньми, и деньгами». Такая небывалая царская щедрость вызвала всеобщее удивление среди московского люда. Даже летописец не удержался от восклицания: «А государево жалование к ним не оскудевает, но паче государь прибавливает: многое множество роздаваше, паче же своих воинов жалуючи. В прежних бо летописцех таковых расходов не пишет, каково государь жалование к своим, и ко всем приходящим показует». Умело проведенная работа русского правительства очень скоро принесла свои первые результаты. Горные люди «прямить почали; и служити правдою и на Луговую сторону ходити воевати, и языков добывати».[119]

Возвращаясь к вопросу о характере присоединения Горной стороны к России, следует отметить, что оно произошло хотя и мирно, но отнюдь не добровольно, а вынужденно. Челобитье горных людей с просьбой о принятии их в подданство последовало лишь после введения значительного контингента русских войск и начала строительства Свияжской крепости. На вынужденный и одновременно сложный характер присоединения народов Горной стороны указывает и А.М. Курбский, подчеркивая, что горные люди «хотяще и не хотяще, покоришася» русскому царю.[120] Аналогичным образом можно истолковать и слова русских дипломатов на начавшихся вскоре мирных переговорах в Казани, где они заявляли, что Горную сторону государь «божиим милосердием да саблею взял до их челобития».[121] Тем не менее завоевания Горной стороны все же не было, активные действия русских лишь ускорили наметившийся процесс мирного вхождения народов Горной стороны в состав России. Присоединение Горной стороны к Российскому государству предопределило дальнейшую судьбу Казанского ханства и положило начало вхождению всего Поволжья и Приуралья в состав России.

* * *

[1] ПСРЛ. Т. XIII. С. 5, 15; *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 6. М.-Л., 1966. С. 103, 108—109, 115, 117.

[2] *Татищев В.Н* Указ. соч. Т. 6, С. 122.

[3] Сб.РИО. Т. 95. С. 678.

[4] КИ. С. 65.

[5] ПСРЛ Т XXII, Ч 1 С 518, *Герберштейн С* Записки о Московии М , 1988 С 173, 175 *Кунцевич Г З* История о Казанском царстве или Казанский летописец СПб , 1905 С 602, ДРВ Т 18 М , 1791 С 84

[6] *Кунцевич Г З* Указ соч С 601—602

[7] Документы по истории Удмуртии Ижевск, 1958 С 349—350

[8] *Кунцевич Г З* Указ соч С 602

[9] ПСРЛ Т VI С 264, Т VIII С 270, *Татищев В Н* Указ соч Т 6 С 124

[10] ПСРЛ Т VI С 264, 281, Т VIII С 270, Т XIII С 43—44, Т XXII, Ч 1 С 538, *Герберштейн С* Указ соч С 176

[11] *Герберштеин С* Указ соч С 176

[12] *Греков И Б* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв М , 1963 С 247

[13] *Карамзин Н М* История государства Российского Кн 2, Т 7 М , 1988 С 79

[14] *Герберштейн С* Указ соч С 177—178, *Татищев В Н* Указ соч Т 6 С 124, КИ С 67—68

[15] *Карамзин Н М* Указ соч Кн 2, Т 7 С 81

[16] ПСРЛ Т VI С 264, Т VIII С 270, Т XIII С 44, РК 1475—1605 гг Т 1, Ч 2 М , 1977 С 189-191, *Татищев В Н* Указ соч Т 6 С 124, КИ С 68, *Шмидт С О* Продолжение хронографа редакции 1512 года // ИА Т 7 М , 1951 С 282

[17] *Герберштейн С* Указ соч С 179, КИ С 68

[18] *Герберштейн С* Указ соч С 164

[19] Сб РИО Т 35 С 753—754

[20] КИ С 44, 77, 97

[21] *Воскресенский Г* Историческое описание памятника, сооруженного в воспоминание убиенных при взятии Казани воинов на Зилантовой горе Казань, 1833 С 57—60

[22] *Татищев В Н* Указ соч Т 6 С 126

[23] ПСРЛ Т III СПб , 1841 С 199, Т IV С 16, Т VIII С 273, Т XIII С 47, Т XXI С 605, Т XXII, Ч 1 С 538, Т XXVI С 314, РК 1475—1605 гг Т 1, Ч 2 С 197-199, 215, *Татищев В Н* Указ соч Т 6 С 127—128

[24] ПСРЛ Т XIII С 53-56, *Татищев В Н* Указ соч Т 6 С 128—130

[25] ПСРЛ Т XXVIII С 162, РК 1475—1605 гг Т 1, Ч 2 С 230, Летопись Солигаличскаго Воскресенскаго монастыря // Древности Тр археографической комиссии Московского археологического общества Т 3 М , 1913 С 303, *Апушкин В* Рукописный сборник первой четверти XIX века, составленный солигаличским обывателем Ф И Нащокиным и помещенная в нем летопись Солигаличскаго Воскресенскаго монастыря // Костромская старина Вып 5 Кострома, 1901 С 502-505

[26] ПСРЛ Т XIII С 56—57, КИ С 71, *Татищев В Н* Указ соч Т 6 С 130—131

[27] ПДРВ Ч 7 С 267

[28] ИА Т 5 М -Л , 1950 С 13

[29] *Алишев С Х* Казань и Москва Межгосударственные отношения в XV—XVI вв Казань, 1995 С 72

[30] ПСРЛ Т XIII С 70-72, 81-82, 96-97, Т XXVIII С 162, Т XXIX С 12, 18, *Татищев В Н* Указ соч Т 6 С 136-137, 140, *Шмидт С О* Продолжение хронографа, С 285

[31] РГАДА Ф 123 Крымские дела Кн 7 л 69 об —70

[32] Документы по истории Удмуртии XV—XVII вв Ижевск, 1958 С 350

[33] *Кунцевич Г З* Указ соч С 603

[34] РК 1475—1605 гг Т 1, Ч 2 С 264

[35] *Шмидт С О* Продолжение хронографа, С 286

[36] Сб РИО Т 59 СПб , 1887 С 40

[37] ПСРЛ Т XIII С 88, 100, 106, Т XX, Ч 2 С 436, Т XXVIII С 62, Т XXIX С 23, КИ С 72, Сб РИО Т 59 С 40, *Татищев В Н* Указ соч Т 6 С 144

[38] ПСРЛ Т XIII С 100—101, 425, Т XXIX С 20

[39] ПСРЛ Т XXVIII С 62

[40] ПСРЛ Т VIII С 7, 291, Т XIII С 89, 106-107, Т XX, Ч 2 С 436, Т XXIX С 24, ЦК С 59

[41] ПСРЛ Т VIII С 291-292, Т XIII С 90, Т XX, Ч 2 С 440, Т XXIX С 27, РК 1475—1605 гг Т 1, Ч 2 С 270, ДРВ Ч 17 М , 1791 С 114

[42] ПСРЛ Т XIII С 116, Т XX, Ч 2 С 441—442, Т XXVI С 317, 322, Т XXIX С 28

[43] *Шмидт С О* Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545—1549 гг) // Тр Московского государственного историко-архивного института Т 6 М , 1954 С 231

[44] ДРВ Ч 18 М , 1791 С 85

[45] ПСРЛ Т IV С 302

[46] *Кунцевич Г З* Указ соч С 603

[47] Там же С 308-309, *Лопарев Х* Житие препадобнаго Стефана Комельского // Памятники древней письменности Т 85 СПб , 1892 С 16, *Шмидт С О* Предпосылки, С 230

[48] ПСРЛ Т XXIV С 318, 324

[49] РГАДА Ф 123 Крымские дела Кн 8 л 643

[50] ПСРЛ Т XIII С 129

[51] ДРВ Ч 17 С 123-124

[52] Послания Ивана Грозного М -Л , 1951 С 47, 316

[53] Сказания князя Курбского Ч 1 СПб , 1833 С 8

[54] РК 1475—1605 гг Т 1, Ч 2 С 281, *Кунцевич Г З* Указ соч С 311, 326, 603

[55] ПСРЛ Т XXII, Ч 1 С 524, РК 1475—1605 гг Т 1, Ч 2 С 284, *Шмидт С О* Продолжение хронографа, С 288

[56] ПСРЛ Т XIV М , 1965 С 135, Т XX, Ч 2 С 455-456, Т XXII, Ч 1 С 38—39, ДРВ Т 17 С 126-127, РК 1475—1605 гг Т 1, Ч 2 С 290, РГАДА Ф 281 Грамоты Коллегии Экономии № 7738

[57] ПСРЛ Т XXVII С 142, ПСРЛ Т XXIX С 130, Российская государственная библиотека Отдел рукописей Ф 236 Попова А Н (Музейный), № 6 (2399), Хронограф XVII в л 387

[58] ПСРЛ Т XXII, Ч 1 С 521, *Шмидт С О* Продолжение хронографа, С 289

[59] *Титов А А* Летопись Великоустюжская по Брагинскому списку XIII—XX вв М , 1903 С 5, *Спицин А А* Свод летописных известий о Вятском крае // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1884 г Вятка, 1883 С 35

[60] ПСРЛ Т XXII, Ч 1 С 525, *Шмидт С О* Продолжение хронографа, С 289

[61] *Кунцевич Г З* Указ соч С 311

[62] Сб РИО Т 59 С 239

[63] ПСРЛ Т XXII, Ч 1 С 525, *Шмидт С О* Продолжение хронографа, С 290

[64] Послание царя казанского // Эхо веков 1997, № 1/2 С 26—38

[65] *Кунцевич Г З* Указ соч С 310

[66] Сб РИО Т 59 С 26, 39—40, 54, 116—117, 136—137

[67] *Верещагин А С* Замечательные, но забытые, вятчане // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1895 г Вятка, 1894 С 295—297

[68] РГАДА Ф 281 Грамоты Коллегии Экономии № 7949

[69] ПСРЛ Т XIV С 3

[70] КИ С 75—77

[71] Исторические песни Баллады М , 1986 С 105—106

[72] КИ С 75

[73] РГАДА Ф 1260 Васильчиковы Оп 1, д № 603, ПСРЛ Т XIII С 85, 88—90, 109—111, 113—115, ДРВ Ч 17 С 113—114, ЦК С 61—62, *Кунцевич Г З* Указ соч С 309, 326, 603

[74] ПСРЛ Т XIII С 445

[75] Там же С 147, 445—446, Т XXIX С 46, ЦК С 117—118

[76] ПСРЛ Т XIII С 99, Т XXIX С 135, *Татищев В Н* Указ соч Т 6 С 148, ЦК С 78

[77] КИ С 78

[78] ПДРВ Ч 8 СПб , 1793 С 142

[79] Там же С 271

[80] *Абилов Ш Ш* Идеи социальной утопии в наследии татарских мыслителей периода средневековья // Из истории татарской общественной мысли Казань, 1979 С 60

[81] ПСРЛ Т XIII С 446

[82] КИ С 78

[83] ПСРЛ Т XIII С 148, 447, Т XXIX С 47, ЦК С 120

[84] ПДРВ Ч 8 С 271—272

[85] КИ С 78

[86] КИ С 80—82

[87] ПДРВ Ч 8 С 143, 271—272

[88] Там же С 163

[89] Там же С 144

[90] ПСРЛ Т XIII С 148, 449—450, Т XX, Ч 2 С 467—468, Т XXIX С 49

[91] ПСРЛ Т XIII С 163, 465 Т XXXIV С 398, ЦК С 164

[92] КИ С 83

[93] *Димитриев В Д* Чувашия в эпоху феодализма (XVI- начало XIX в) Чебоксары 1986 С 34

[94] *Аиплатов Г Н* Навеки с тобой, Россия О присоединении Марийского края к Русскому государству Йошкар-Ола, 1967 С 88-90

[95] *Четкарев К А* Марийское предание об Акпарсе Из истории покорения Казани Иваном Грозным // УЗ МарНИИ Вып 7 Иошкар Ола, 1955 С 50

[96] *Димитриев В Д* Чувашские исторические предания Ч 1 Чебоксары, 1983 С 61—63

[97] ПСРЛ Т XIII С 150, 450, Т XX, Ч 2 С 468, Т XXIX С 49, ЦК С 126

[98] РК 1475—1605 гг Т 1, Ч 2 С 330

[99] ПСРЛ Т XXII, Ч 1 С 526

[100] Там же

[101] *Димитриев В Д* Добровольное вхождение Чувашии в состав Русского государства // 425-летие добровольного вхождения Чувашии в состав России Тр ЧувНИИ Вып 71 Чебоксары, 1977 С 83

[102] ПСРЛ Т XIII С 177, 476, Т XXIX С 73, ЦК С 201—202

[103] ПСРЛ Т XX, Ч 2 С 529

[104] *Тихомиров М Н* Россия в XVI в М , 1962 С 489

[105] КИ С 92

[106] ПСРЛ Т XIII С 155-156, 457-458, Т XX, Ч 2 С 473-474, 528, 531, Т XXII, Ч 1 С 527—528, Т XXIX С 55, ЦК С 145—148, РК 1475—1605 гг Т 1, Ч 2 С 348—350, *Шмидт С О* Продолжение хронографа, С 293—294

[107] ПСРЛ Т XXI С 641

[108] *Шерифи Х* Зафер наме -и Вилайет -и Казан // Эхо веков 1995, май С 92

[109] ПСРЛ Т XIII С 164, 465

[110] КИ С 87

[111] КИ С 92

[112] КИ С 88

[113] ПСРЛ Т XIII С 164, 466, Т XXIX С 61—62, ЦК С 170

[114] КИ С 88

[115] ПСРЛ Т XXI С 641

[116] ПСРЛ Т XIII С 164—165, 466

[117] *Димитриев В Д* Чувашские исторические предания Ч 1 С 62

[118] ПСРЛ Т XIII С 165, 466, Т XXIX С 62, ЦК С 174

[119] ПСРЛ Т XIII С 165—166, 466—467, Т XXIX С 63, ЦК С 174—175

[120] Сказания, С 19

[121] ПСРЛ Т XIII С 167, 468

Глава 5 О причинах присоединения Среднего Поволжья к России

Если обратиться к источникам, то мы обнаружим, что, как светские феодалы — царь Иван IV, князь А М Курбский, дворянин И С Пересветов, так и церковные — митрополиты Даниил и Макарий, архиепископ Феодосий, царский духовник Сильвестр и Максим Грек — неоднократно *выступали с призывами о необходимости борьбы с Казанским царством* [1] Обоснованием при этом выступало намерение избавить страну от казанских набегов, освободить томящихся в плену русских пленников и содействовать распространению христианства Однако нас вряд ли удовлетворит такое объяснение Поэтому есть смысл специально остановиться на этой важной проблеме

Отечественной исторической наукой, начиная с XVIII в , названо несколько причин, объясняющих присоединение Среднего Поволжья к Российскому государству

— церковь преследовала цель распространения православия среди мусульман и язычников, вдохновляла русское воинство на своего рода «крестовые походы»,

— Казанское ханство препятствовало продвижению русской народной колонизации на восток, на Урал и в Сибирь, что сдерживало экономическое развитие страны,

— набирающий силу класс служилых людей — дворян остро нуждался в земле Заинтересованное в их службе правительство, однако, не располагало достаточным фондом поместных земель внутри государства, поэтому дворянство через своего представителя И С Пересветова настоятельно потребовало произвести завоевание Казанского ханства, отобрать земли у местного населения, передать их дворянам и решить таким образом аграрный вопрос,

— русское купечество было крайне заинтересовано в возможности свободного плавания по Волге для торговли со странами Востока,

— Русское государство испытывало острый дефицит финансовых средств, а следовательно, было заинтересовано в новых налогоплательщиках, которые могли бы существенно пополнить царскую казну,

— необходимость обороны страны от частых татарских вторжений и устранение угрозы турецко-крымского завоевания Поволжья

Попробуем дать краткий анализ перечисленных пунктов

Утверждение о том, что Среднее Поволжье было завоевано с целью распространения православия, уже давно отвергнуто отечественной наукой как несостоятельное Церковь лишь идеологически обосновывала и поддерживала завоевательную политику царизма Обращает на себя внимание и то, что никакого массового крещения населения Среднего Повол-

жья после его включения в состав России не произошло. Вплоть до XVIII века марийцы, чуваши, удмурты и мордва исповедовали свои языческие религии, а татары, в массе своей, остаются мусульманами и по сей день.

Остальные, приведенные выше причины, объясняющие завоевание Среднего Поволжья, продолжают встречаться в исторической литературе. Однако утверждение о том, что Казанское ханство якобы мешало распространению русской колонизации на восток, не находит подтверждения. Еще в XIII в., когда Золотая орда перекрыла путь по Волге, основной поток русской колонизации устремился на Север и далее на Урал. И после присоединения Среднего Поволжья этот путь долгое время оставался более привычным и безопасным. Не вникая в суть вопроса, многие историки в своих работах повторяют ничем не подкрепленное утверждение о спонтанной народной колонизации края, якобы начавшейся сразу же после завоевания. По их мнению, русские крестьяне, кто в одиночку, кто семьями и даже целыми деревнями переселялись в Среднее Поволжье, где имелись плодородные земли и феодальный гнет не был еще сильным. Но даже беглое знакомство с источниками рисует перед нами совершенно обратную картину. Приграничная с ханством полоса в десятки и даже сотни километров по линии Мещера — Муром — Нижний Новгород — Унжа — Вятка — Пермь была настолько опустошена вследствие частых казанских вторжений, что потребовались долгие годы для их повторного освоения. Из-за нестабильной политической обстановки крестьяне не спешили перебираться в завоеванный край. Для обеспечения своих новых поместий и вотчин русские феодалы вынуждены были принудительно переселять в Среднее Поволжье крестьян из центральных областей России, зазывать переселенцев предоставлением льгот. Так, русские крестьяне Благовещенского монастыря из Курмышского уезда в марте 1607 г. в челобитной грамоте патриарху писали, что «созывали де их первые власти на пустошь на Плотинской Враг на льготу, ... потому что де место на *украине, близко черемисы*» (курсив наш.—А.Б.).[2] Даже освобожденные русские полоняники в массе своей не остались в крае, а предпочли возвратиться на родину. Никоновская летопись и Царственная книга указывают, что только через Свияжск в Россию проследовало 60 000 русских полоняников.[3] У Казанского летописца это число превышает 100 000 человек.[4] Даже с учетом возможного преувеличения ясно, что произошел массовый исход русского населения, которое могло бы заселить Среднее Поволжье и стать опорой новой власти. Только в XVII в. русское крестьянство начало постепенно осваивать Среднее Поволжье. Поэтому о широкой стихийной крестьянской колонизации региона в первые десятилетия после присоединения говорить не приходится,[5] а это заставляет усомниться в том, что присоединение Среднего Поволжья к России могло быть вызвано потребностями русской колонизации.

Среди причин, объясняющих присоединение Среднего Поволжья к России, в историографии на одно из центральных мест обычно выдвигается тезис о заинтересованности помещиков в наделении их завоеванными землями. Действительно, мелкие и средние служилые люди в середине XVI

столетия остро нуждались в земле. Из-за скудости фонда поместных земель их наделяли порой в 1/3, 1/4 и даже 1/5 поместных окладов, испомещали на плохие непашенные земли, иногда не заселенные крестьянами, некоторые служилые люди были вовсе беспоместными. Такое положение не устраивало ни самих дворян, ни заинтересованное в их службе государство[6]. Однако достаточно ли этого для утверждения, что правительство хотело разрешить аграрный вопрос за счет завоевания чужих земель?

Обычно призывы дворянина И.С. Пересветова покорить Казанское царство трактуют как выражение интересов служилых людей в испомещении на землях Поволжья. Однако никакими научными аргументами это принципиально важное положение никогда не подкреплялось и воспринималось как не требующая доказательства аксиома, которая логично вписывалась в стройную историческую схему, предложенную еще в 20-е годы марксистским историком М.Н. Покровским.[7] Вслед за ним ученые единодушно стали толковать призывы Пересветова о завоевании Казанского царства как выражение пожеланий русского дворянства в приобретении в поместья поволжских земель. Однако это не более как домыслы.

Родившийся в Литве И.С. Пересветов был профессиональным воином и большую часть своей жизни провел на военной службе в различных центрально-европейских странах. При этом он никогда не был связан с поместьями, не любил заниматься хозяйством и за службу предпочитал получать денежное жалованье. В России же, куда он прибыл в 1538/39 гг., основная часть жалованья выдавалась в форме испомещения. Не привыкший к такой оплате ратного труда, И.С. Пересветов запустил хозяйство в своем поместье и вскоре обеднел. Стремясь выйти из тяжелого материального положения, он в 1549 г. подал на имя царя челобитные, содержащие развернутую программу реформ. Пересветов выступал за сильную царскую власть, опирающуюся на постоянное дворянское войско, получающее регулярное денежное и натуральное жалованье.[8] Призывал он завоевать и «подрайскую землицу» в Казанском царстве. Однако, по-нашему мнению, не предполагал раздачи ее в поместную собственность. Завоевание Казанского царства необходимо было произвести лишь в интересах государственной казны, которая стала бы единственным источником получения жалованья для служилых людей. «Ни в одном из своих произведений он прямо не связывает службу «воинника» с владением теми или иными земельными угодьями, ибо этот порядок службы резко противоречил всем взглядам публициста».[9] В случае полной реализации проекта И.С. Пересветова само существование поместной системы становилось излишним. В интересах казны вся земля неизбежно должна была перейти в полную государственную собственность. Поэтому И.С. Пересветов не мог выступать и не выступал с призывом о распределении земель Среднего Поволжья в поместное владение. В его челобитных не содержится никаких указаний на это. Более того, взгляды И.С. Пересветова диаметрально расходились с пожеланиями самого дворянства, для которого вопрос о земельном обеспечении являлся наиглавнейшим, поэтому вряд ли он в полной мере может быть назван выразителем их интересов. К тому же со-

мнительно, что челобитные неродовитого мелкого служилого человека, каковым являлся И.С. Пересветов, вообще могли лечь в основу программы реформ царя Ивана IV.

И сами дворяне, несмотря на восторженные отзывы о богатстве казанских земель, явно не имели желания приобрести поместья в Поволжье. Они с большой неохотой отправлялись на службу в Казань. Еще во время борьбы с Казанским ханством служилые люди не проявляли большого желания участвовать в походах, т.к. они всегда были тяжелы, часто заканчивались неудачами и большими потерями, не всегда представлялась возможность для обогащения за счет военных трофеев. Воинам приходилось пробираться через глухие, с многочисленными водными преградами, леса, часто испытывать бескормицу и сражаться с искусными татарскими и черемисскими воинами, неожиданно нападавшими из засад. По этим причинам очень распространено было дезертирство или, как тогда его называли, «неты». Например, летом 1552 г. новгородские дети боярские отказывались от участия в решающем походе на Казань.[10] Всего же тогда в войска не явилось более 15 тыс. воинов. Даже воеводы, ставившиеся во главе войск, воспринимали назначение как опалу. В своем первом послании А.М. Курбскому Иван Грозный с горечью и, видимо, не без основания восклицал: «Бывали ли такие походы на Казанскую землю, когда бы вы ходили не по принуждению? Но всегда словно в тяжкий путь отправлялись!».[11] Нежелание служилых людей участвовать в казанских походах нашло отражение даже в исторических песнях. В одной из них речь идет о том, как православный царь собирается в поход на Казань и при этом

Не один-то православный царь собирается,
Берет, доброго молодца, и меня с собой.
А мне, доброму молодцу, ехать не хотелося,
Хотелося в Москве пожить,
В Москве пожить, при дворце служить,
При дворце служить государевом.[12]

Борьба с Казанью была объективно необходима, но непопулярна среди служилых людей. Аналогичное отношение к службе в Поволжье сохранялось и впоследствии, что поставило правительство перед проблемой обеспечения гарнизонов личным составом. Основу воинского контингента там составляли служилые люди по прибору — стрельцы, пушкари, сторожа, городовые казаки и т.п. Определялись на службу также пленные и иностранные наемники. В то время как из служилых людей по отечеству в Поволжье направлялись преимущественно молодые, только начинающие служить, дети боярские и ссыльные. Многие несли службу в соответствии со своеобразной системой «годования», когда дворяне посылались в Поволжье на определенный срок (обычно на год), при этом половина поместного оклада назначалась им в «верховских» городах, т.е. в центральных русских уездах, другая же — в Поволжье. По окончании службы дворяне-«годовальщики» покидали край и возвращали поволжские поместья казне.[13]

При такой системе службы состав дворянства в Казанском крае постоянно менялся, закреплялись лишь единицы. Для помещиков, усвоивших традиции и нормы вотчинного землевладения, получение даже части земельного оклада в спокойных центральных уездах было более привлекательно, нежели полного, но необеспеченного крестьянами на беспокойных окраинах. Писцовые книги свидетельствуют, что во второй половине 60-х гг. XVI в. в Свияжском уезде было испомещено только 34 русских служилых человека, а в Казанском 199.[14] И те были по большей части ссыльными и в 1566/67 гг. по царской амнистии вернулись в центральную Россию.[15] В дальнейшем, вплоть до «Смутного времени» начала XVII в., массовых переселений в Казанский край не проводилось, сюда лишь спорадически направлялись небольшие группы русских дворян.[16] При численности дворянского корпуса в более чем 30 тыс. человек масштабы испомещения в Поволжье выглядят весьма скромно. Сомнения относительно заинтересованности русского дворянства в поволжских землях высказал в одной из своих работ, опубликованной уже после его смерти, известный отечественный исследователь С.Б. Веселовский.[17]

Анализ правительственной аграрной политики также заставляет усомниться в истинности утверждения о том, что планировалось разрешить аграрный вопрос наделением дворян землями в Поволжье. В течение всей второй половины XVI в. правительство пыталось выйти из положения путем перераспределения земель внутри самого класса феодалов.

Первоначально наделение служилых людей землёй осуществлялось из резерва казны, и лишь затем правительство вынуждено было сделать попытку секуляризации церковных владений. Однако проходивший в январе — феврале 1551 г. Стоглавый собор, на котором решался этот вопрос, отклонил правительственный проект секуляризации и подтвердил незыблемость церковно-монастырского землевладения.[18] Это вызвало открытое недовольство Ивана IV. Многие из участников собора были сняты со своих должностей, а в мае 1551 г. вышел указ о конфискации всех земель, переданных церкви Боярской думой после смерти Василия III, а также земель, незаконно захваченных монастырями. Впредь приобретение монастырями вотчинных земель разрешалось только с согласия самого царя.[19]

Однако раздачей в поместья казённых земель и несущественным ограничением церковно-монастырского землевладения радикально решить проблему не удалось. Во второй половине XVI в., в условиях тяжёлой Ливонской войны, потребность в служилых людях возросла и проблема, связанная с необходимостью испомещения вновь поверстанных, снова обострилась.

Пытаясь изыскать дополнительные земельные резервы, правительство в 50-е гг. осуществило полную ревизию всех наличных земель. Конфискованные в ходе переписи земельные излишки пошли в поместную раздачу.[20] В последующие годы было предпринято ещё несколько шагов с целью разрешения аграрного вопроса. Однако попытки на компромиссной основе найти пути удовлетворения требований дворянства в перераспределении земельной собственности оказались тщетны. Это поставило прави-

тельство перед необходимостью наступления на земельные богатства феодальной аристократии. 15 января 1562 г. был издан указ, запрещавший служилым князьям продажу, обмен и отдачу «в приданное» своих вотчинных земель. В случае его нарушения отчуждаемая земля переходила в казну. Переписи на государево имя подлежали выморочные владения вотчинников, не оставивших письменного завещания. Выморочными считались и те вотчины, где отсутствовали прямые наследники мужского пола.[21]

Земельные перетасовки опричной поры привели к значительному усилению процесса мобилизации земель, т.е. переходу их из рук в руки. К концу века позиции дворянства в целом укрепились, однако проблема с земельным обеспечением так и не была разрешена.[22]

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что после присоединения Поволжья никакого «массового сгона поволжского населения со своих земель» не происходило. Напротив, правительство было заинтересовано в сохранении производственной базы за местными крестьянами и служилым сословием. Поэтому после присоединения сохранилась непрерывность землевладельческих отношений. Даже в XVIII в. русской администрацией признавалась правомочность грамот, выданных еще казанскими ханами.[23] В фонд раздачи перешли лишь собственные владения хана и оппозиционной части татарских феодалов; наделы нескольких сотен бывших русских полоняников, оставшихся в крае после присоединения; земли, ставшие бесхозными в результате переселения или гибели владельцев и «дикое поле» — никому не принадлежавшие из-за опасной близости кочевников земли на юге. В течение всей второй половины XVI и даже в XVII в. фонд свободных земель в Среднем Поволжье был настолько велик, что землей наделялись не только русские переселенцы, но и местные крестьяне и служилые люди.[24]

В исторической же литературе больше обращается внимание на исключительные мероприятия правительства по выселению нерусского населения из прилегающих к городам и речным переправам местностей, осуществляемые единственно в целях безопасности, и самовольные, а значит, незаконные попытки некоторых русских феодалов «округлить» свои владения за счет земель местных жителей. Однако коренное поволжское население и по сей день в массе своей проживает на прародительских землях. С прекращением междоусобиц и размещением в Поволжье русских гарнизонов и строительством сети крепостей и засечных черт появилась возможность освоить плодородные степные и лесостепные земли на юге и юго-востоке региона, куда первыми устремились представители поволжского населения.[25] И эти переселения были связаны не столько с необходимостью избавления от эксплуатации феодального государства, сколько с тем, что крестьян манила перспектива освоения новых плодородных земель. Как следствие, некоторые народы, например, чуваши и татары, даже расширили территорию своего расселения.[26] Конечно, при этом не нужно упускать из виду, что часть переселенцев была представлена беженцами из охваченных восстаниями волостей, где действовали карательные царские отряды, жестоко расправлявшиеся с непокорным населением.

Таким образом, знакомство с историческими фактами позволяет убедиться в том, что расхожее утверждение о заинтересованности русского дворянства и правительства в землях Среднего Поволжья является не более как мифом.[27]

Тезис о том, что русское купечество было заинтересовано в возможности свободного использования волжского торгового пути, также нуждается в уточнении. Россия XVI в. являлась боярско-дворянским государством, поэтому интересы купечества не имели на политику правительства заметного влияния и в случае необходимости с легкостью игнорировались. Более того, торговая деятельность вызывала презрительное отношение у представителей господствующего класса. Следует учесть и то, что в первой половине XVI в., т.е. накануне присоединения Поволжья, Волга не являлась основной торговой артерией, связывающей Россию со странами Востока. Главным торговым партнером России в восточной торговле была Турция, поэтому основные торговые пути проходили по Днепру, Дону и через степи Северного Причерноморья. Существенно и то, что в течение всего XVI в. реэкспорт западноевропейских товаров не был внушительным по своему объему, а торговое значение Астрахани оставалось невелико.[28] Дважды побывавший в 1558—1563 гг. в Поволжье, на Каспийском море и в Средней Азии англичанин А. Дженкинсон в своем отчете торговой компании сделал пессимистичный вывод о том, что «и не стоит надеяться, что торговля здесь будет стоить того, чтобы ее продолжать..., нет никакой надежды на то, чтобы завести здесь выгодную торговлю, стоящую дальнейших усилий... Малое количество судов на Каспийском море, недостаток рынков и гаваней, бедность жителей и замерзание моря сводят тамошнюю торговлю на нет».[29] Лишь после ухудшения отношений с Турцией и Крымским ханством и свертывания, в связи с Ливонской войной, торговых операций на западе значение волжского торгового пути заметно возросло. Но даже и тогда им воспользовались в первую очередь вовсе не русские купцы, а английские, очень своевременно, в 1553 г., проникшие в Россию через Баренцево и Белое моря и получившие от Ивана IV исключительные права на транзитную торговлю через Россию по Волге со странами Востока и различные таможенные льготы. Русское купечество оказалось обделено.

Но и в этом случае торговля по Волге не смогла компенсировать потери от смены партнеров. На приоритетность для русской торговли южного и западного направлений указывает дипломатическая переписка с Ногайской ордой. Вынужденный покупать лояльность ногайских мурз русский царь регулярно посылал им богатые подарки. Сокращение торгового оборота в 60—70-е гг. привело к уменьшению посылаемых подарков, что вызвало недовольство ногайских феодалов и, в конечном счете, ослабило влияние России на ногайцев. Причину уменьшения царского жалованья русские дипломаты объясняли ногайскому князю Тинахмату тем, что из-за войны «литовская и крымская дороги ныне затворилися, и гости с товарами теми дорогами не ходят. Ежели бог даст те дороги отворятся, то государь к нему и больше того пошлет».[30] Как видно из приведенного

заявления, царь и его окружение даже в перспективе не предполагали, что волжская торговля будет иметь первостепенное или хотя бы просто существенное значение. Поэтому вряд ли стоит переоценивать роль влияния торговых кругов на политику российского правительства, тем более нет оснований для утверждений о том, что завоевание Поволжья было осуществлено будто бы в их интересах.

Не находит подтверждения и тезис о завоевании с целью обретения новых налогоплательщиков. Фискальная политика российского правительства была весьма гибкой и прагматичной, учитывающей как политические интересы страны, так и экономические возможности податного населения. Факты показывают, что поволжские ясачные крестьяне длительное время вообще не платили налогов. Жители Горной стороны, например, в награду за верность присяге в 1551 и в 1556 гг. освобождались на три года от ясака.[31] Для крестьян Левобережья нормы ясака первоначально были снижены до уровня начала XVI в., а после подавления восстания 1552—1557 гг. налоговые льготы были предоставлены уже всему ясачному крестьянству Поволжья. Об этом свидетельствует заявление русского посла в Польше В.М. Желнинского, который осенью 1565 г. на вопрос о казанских делах отвечал, что «ясачные люди были на лготе, что были воеваны, а ныне лготы отсидели».[32] Широко практиковалось трехлетнее освобождение от налогов за принятие православия.[33]

Таким образом, детальное знакомство с причинами присоединения Среднего Поволжья к России наводит на мысль о том, что русское правительство не преследовало целей получения каких-либо видимых экономических выгод от этого акта. Напротив, освоение присоединенных территорий потребовало громадных материальных и людских издержек. В труднейших условиях Ливонской войны Россия вынуждена была держать в неспокойном Поволжье многочисленные гарнизоны, строить крепости и засечные черты и регулярно одаривать местную знать для сохранения ее лояльности. Поволжье длительное время было убыточно для российской казны. Поэтому разгадка причин присоединения Среднего Поволжья лежит скорее всего в области политики.

В начале XVI в. Россия превратилась в единое сильное государство. Граничившие с ним татарские ханства и орды, хотя и являлись беспокойными соседями, все-таки по отдельности смертельной опасности для России не представляли. Однако русским было еще хорошо памятно ордынское иго, поэтому в России серьезно опасались возможности объединения разрозненных татарских орд и ханств в единое государство. Такие попытки неоднократно предпринимались многими амбициозными татарскими правителями. Лишь после длительной междоусобной борьбы стало очевидно, что воссоздание некогда могучего государства на прежней основе невозможно, слишком сильны были внутренние противоречия.

В это время Османская империя превратилась в одну из сильнейших держав мира, и русское правительство, располагавшее отлично налаженной разведкой, с тревогой узнавало о внешнеполитических планах столь могущественного и опасного южного соседа. Известно, что турки прово-

дили большую агентурную и дипломатическую работу среди мусульманских народов Восточной Европы с целью создания антирусской коалиции, подталкивали своих вассалов — крымских татар к нападению на Россию, настойчиво пытались распространить турецкое влияние на Поволжье. Источники часто отмечают присутствие турецких янычар, пушкарей и советников в составе войск крымских ханов при вторжении их в русские земли.[34] Особенно усилилась активность Крыма и Турции после прихода к власти в Казани в 1521 г. крымской династии Гиреев. Уже в 1524 г. была предпринята попытка объявить турецкий протекторат над Казанским ханством[a]. Хотя в дальнейшем Турция больше не настаивала на своем требовании, обеспокоенное российское руководство стало внимательно следить за крымско-турецкой политикой в Поволжье. Когда в 1549—1551 гг. успехи русских стали очевидными и приняли для Стамбула и Бахчисарая неблагоприятный оборот, султан и хан очень встревожились и предприняли активные меры по противодействию. Крымский хронист XVI века Дженаби оставил запись о том, что крымский хан Сахиб-Гирей направил в Стамбул своего посла. «Неверные, велел он сказать там, овладели Казанью;[b] нам и его величеству султану следует избавить правоверных от этого бедствия; пришлите к нам двоюродного моего брата Даулет-Гирея, сына Мубарек-султана, сына Менгли-Гирей хана для того чтобы мы могли отправить его к Казани с многочисленным войском, ее высвободить из рук неверных, а его посадить там ханом».[35] С целью побудить султана оказать помощь Казани в 1550 г. прислал в Стамбул письмо астраханец Шерифи. «Казань..., находясь вдалеке от исламских вилайетов, границами соприкасается с государствами неверных... Ей неоткуда ждать помощи и поддержки, кроме покровительства господа миров и помощи ангелов»,— писал он.[36] Используя многочисленные выдержки из корана, стихи восточных поэтов и свои собственные и поговорки, Шерифи страстно призывает к священной борьбе с неверными — газавату. Идеальным борцом за веру он считает умершего Сафа-Гирей хана, который, по его образному выражению, «заложив основы здания вражды и разрезав нить дружбы между ними,[c] открыв ворота противоречий и заперев ворота связей..., оседлав коней священной войны и распространив исламскую веру, пристегнув к поясу блестящую, убивающую неверных благословенную саблю..., взяв счастливых воинов ислама,... пойдя к ним (к русским.—А.Б.), их убив, уничтожив, приводили бесчисленных пленных и несметные богатства».[37]

В 1549—1552 гг. крымско-турецкие посольства во главе с Ахметом Чаушем[d], Хозяшем и Тагызекщем как минимум четыре раза посетили Астрахань и Ногайскую орду, пытаясь сколотить антирусский союз мусуль-

---

[a] Дело ограничилось формальным заявлением турецкого посла Скиндера, которое сходу было отклонено русским правительством.

[b] Очевидно, подразумевается поставление на ханский престол вассального касимовского хана Шах-Али в 1551 г.

[c] Между Москвой и Казанью.

[d] Чауш переводится как посол.

манских государств. По замыслу султана и крымского хана Османская империя должна была выступить в качестве координатора, а также оказывать помощь, основную же тяжесть борьбы необходимо было взять на себя Ногайской орде и Крымскому ханству. Казанский летописец так передает обращение турецкого посла к ногайскому князю и мурзам: «О силныя нагаи многия, станите, меня послушав, содинитеся с казанцы во едино сердце, в поможение за Казань на московскаго царя и великаго князя, и паче же за веру нашу древную и великую, яко близ его живуща; и не давайтеся во обиду, мощни бо есте противитися ему. Слышу всегда про вас, аще хощете противитися: зело бо востает на веру нашу и хощет до конца потребити ю».[38]

Исчерпывающую информацию о ходе переговоров турок и крымцев с ногайцами и астраханцами собрали русские посланники в орду и ханство. Летом 1551 г. посол Петр Тургенев сообщал о том, что «от царя, государь, от турсково посол пришол к Юсуфу князю Чаушем зовут... да от царя, государь, от крымсково посол пришол к Юсуфу князю, да к Исмаилю посол же пришел, сказывают, государь с тем пришли, что крымской царь хочет на твои государевы украйны своих людей многих послать воевать, а нагаи бы Юсуф князь и Исмаил послали с ними на твои царевы украйны». Через своих информаторов из среды ногайцев Тургенев подробно узнавал о содержании переговоров. Ему даже удалось заполучить само султанское послание. Приведу из него лишь небольшой отрывок. Перечислив беды, которые причиняют успехи русского царя мусульманам, султан продолжал: «И мы дей смолились все бусурмане, и станем от нево боронитца за один. Ведь дей ведаете, что ныне на Крыме мой посажен царь, как ему велю так делает. Из Астарахани присылали жо ко мне царя просить. И яз часа того посылаю царя на Астарахань... Да и козаки ко мне присылали же царя просить. И яз ис Крыма однолично царя посылаю. И ты б Исмаил мирза дружбу мне свою учинил великую, чтобы еси поберег Казани, людей своих послал на помочь Казани, до куды яз царя пришлю».[39] В апреле 1552 г. из Астрахани поступило известие от посланника Севастьяна, в котором сообщалось о том, что «из Царягорода[e] и ис Крыма в Астарахань при нас послы пришли турского салтана посол Агметага,[f] да крымсково Хозяш...»[40] В мае 1552 г. служилые татары «Чюра Каипов с товарищами» доносили русскому царю о прибытии этих послов уже к ногаям. Семен Тутаев сообщал, что «при них из Крыма пришли в Нагайскую землю послы к Юсуфу князю и ко всем нагайским мурзам 30 человек с тем чтоб со царем [крымским] соединились на царя и великого князя Ивана Васильевича и людей бы от себя войною посылали, с которыми крымской царь и своих людей послать намерен». О крымском посольстве к ногаям весной 1552 г. говорил и служилый татарин Тягриул Шийдяков: «А присылал их, сказывают, ис Крыма царь с тем чтоб они шли воевати на царя и великого князя украйну, а он воевати готов же». Другой служилый татарин Исень

[e] Так в России именовали Стамбул.

[f] Ахмед Чауш.

Келдишев добавил, что и сами ногайцы направили в Крым посольство.[41] Выслушав крымских и турецких послов, многие ногайские мурзы поспешили сами проинформировать русских. Мурза Исмаил писал Ивану IV: «Пришол дей ко мне от турского посол о том, чтобы я с крымским царем стал на царя и великого князя за один, и Казани бы помогал». По словам Исмаила турецкий посол убеждал его в том, чтобы Турции «и Крыму и Казани и Асторахани, и нашим бы нагаем всем содиначитися, да твою землю воевати...» В июле 1551 г. Исмаил писал: «Султан Хан Дюкер посла прислал. Крымской царь прислал же человека чтобы нам всем за один Москва воевать». В октябре того же года Исмаил снова сообщал о прибытии турецкого, крымского и астраханского посольств.[42] Мурза Касай писал Ивану IV: «Хандыкерь[g] да крымской царь к нам послов своих прислали, чтоб нам троим содиначився Русь воевати».[43] О предложении войти Ногайской орде в антирусский союз неоднократно сообщал в Москву даже враждебно настроенный к России князь Юсуф. Еще в октябре 1549 г. он писал царю Ивану: «Счастливово Хандыкерев посол к нашим счастливым дверем пришел, а посол твой то своима очима видел. Счастливой Хандыкерь приказал ко мне свое слово о дружбе и о братстве. От начальных дней со счастливым Хандыкерем ссылка нам не бывала. Счастливой Хандыкерь в своей грамоте так писал к нам: Юсуф дей, князь князем князь еси, яз дей другу твоему друг, а недругу дей твоему недруг буду. И яз посла своего к счастливово Хандыкеревым дверем послал. А твои люди, в головах боярин твой, то видели. И ты, московской государь, по тому и разумей.»[44] В последних словах князя звучала неприкрытая угроза.

Таким образом, многочисленные источники совершенно определенно указывают на то, что угроза образования антирусского мусульманского союза была очевидной. К союзу уже присоединилось Астраханское ханство. Готов был принять крымско-турецкое предложение о антирусском союзе и ногайский князь Юсуф. Весной 1552 г. из Астрахани сообщали, что «Юсуф князь послал к [И]смаил мирзе: яз де перекочюю за Волгу, а возму с собою Такбилди царевича астраханскоко, да поедем воевать на Русь».[45] Лишь промосковская позиция нескольких влиятельных ногайских мурз, особенно Исмаила, крымско-ногайские противоречия, а также дипломатические усилия России не позволили реализоваться планам турецкого султана и крымского хана. Без многотысячного ногайского войска союз состояться не мог, т.к. Турция не имела в ближайшем будущем из-за войны с Ираном и на Балканах реальной возможности использовать значительные силы против России, Астраханское ханство располагало весьма скромным воинским потенциалом, а одному Крыму было не под силу тягаться с таким государством как Россия. Неудача по созданию союза не остановила Крым и Турцию, аналогичные попытки предпринимались неоднократно в 50—60-е гг. XVI в.

Определенную угрозу представляла возможность подключения к антирусскому союзу Польско-Литовского государства. Источники фиксиру-

[g] Так ногайцы именовали турецкого султана.

ют известия о переговорах казанцев с литовцами еще в 20—40-е гг. В 1538 г. в Москве располагали достоверной информацией о пребывании в Казани литовского посольства. Известия о литовско-казанских контактах встречаются и в дипломатических документах под 1542 г.[46] Подтверждают существование таких связей и уже упомянутые письма хана Сафа-Гирея польско-литовскому королю Сигизмунду I. Послания свидетельствуют о тесных казанско-литовских контактах и о координации действий во внешнеполитической сфере. Из писем следует, что Сафа-Гирей впервые заключил соглашение с королем еще тогда, когда был царевичем и проживал в Крыму. Он признавал политическое старшинство польско-литовского короля и обязывался оказывать ему военную помощь против Московского государства: «... в долгу приречья слова своего хочу [ис]полнять: приятелю вашей милости приятелем быти, а неприятелю вашей милости неприязнья хочу саблею своею доводити». Д.А. Мустафина совершенно справедливо полагает, «что подобные обязательства могли быть приняты лишь в ответ на содействие восшествию Сафа-Гирея на казанский престол в 1524 г.» Хан еще пишет о прибытии к нему королевского посольства во главе с литовским татарином Афендеем. Чтобы наглядно продемонстрировать свои успехи, Сафа-Гирей, отправляясь в очередной поход на русские земли, «взялом з собою весь полок того посланца... толмача Афендя, абы он тую послугу нашу видел и перед вашой милостью отцем моим поведал»,—пишет хан королю. В другом своем письме хан просит прислать ему 1 000 золотых для уплаты ногайским и астраханским воинам, чтобы они и в дальнейшем охотно приходили на помощь Казани. Для получения этих денег хан специально направил к королю своего казначея Богуша.[47]

Самостоятельную агрессивную политику в отношении Русского государства проводило Крымское ханство. Крымские татары регулярно опустошали юг России вплоть до Оки и даже подходили к самой Москве. В 1521 г. крымские Гиреи захватили власть в Казани. Если до того военные столкновения Москвы и Казани не были частыми, то после этого они уже практически не прекращались. В годы малолетства великого князя Ивана IV бояре были больше заняты враждой друг с другом, чем обороной страны, поэтому Россия не могла отвечать адекватно на вторжения неприятеля. После 1530 г. 15 лет не предпринималось ответных походов на Казань. Чувствуя свою безнаказанность, возглавляемые крымцами казанские отряды не встречали должного отпора, почти беспрепятственно разоряли русские деревни, села и города, достигли даже таких отдаленных мест как Пермь, Устюг, р. Сухона, Галич, Вологда, Муром, Владимир, проникали на окраины Московской области. В случае образования антирусской мусульманской коалиции неизбежно возникала серьезная угроза самому существованию Российского государства.

Многочисленные документы свидетельствуют о том, что центральной проблемой в восточной политике России как в середине, так и во второй половине XVI в. оставался вопрос о государственной безопасности. Попытки решить его дипломатическим путем, через установление вассальной зависимости сопредельных территорий желаемого результата не дали,

Россия вынуждена была осуществить присоединение Поволжья и Приуралья. Оборонительный характер этого акта очень точно отражен в письме Ивана Грозного крымскому хану Девлет-Гирею, написанном в 1572 г., в котором он на настойчивые требования отдать Казань и Астрахань отвечал: «Ныне видим против себя одну саблю, Крым; а если отдадим хану завоеванное нами, то Казань будет вторая сабля, Астрахань третья, ногаи четвертая».[48]

В то же время было бы слишком упрощенно толкование восточной политики России XVI в. лишь в контексте «оборонческой» теории. В середине XVI в. Россия превратилась в единое сильное государство, в котором стала складываться новая имперская идеология. Молодому государю Ивану IV и его окружению было присуще новое политическое самосознание с более широким, чем у предшественников, кругозором. Не случайно именно в середине века проводятся реформы, великий князь принимает титул царя. Тогда же Россия впервые переходит к крупномасштабным завоеваниям за пределами восточнославянского мира. Оценка внешней политики России середины XVI в. как «империалистической» экспансионистской характерна для многих западноевропейских и американских историков. А. Каппелер полагает, например, что она была продолжением экспансионистской политики Москвы по собиранию русских земель, и сложившееся у российского руководства имперское сознание лишь усилилось в ходе борьбы за наследство Золотой орды.[49] Как борьбу за наследство Золотой орды определяют восточную политику России в XVI в. многие другие зарубежные историки.[50] Близкая точка зрения и у некоторых отечественных исследователей. Так, М.М. Кром полностью отрицает «военный фактор». Регулярные набеги татар на Россию и увод многих тысяч пленных в рабство, по его мнению, будто бы не могли оказать существенного влияния на политику русского правительства, ведь «оккупировать Россию, подчинить ее они не пытались; о возврате ко временам ига и речи не было»,— пишет историк. Он полагает, что внешняя политика Москвы была экспансионистской, «помещичье государство было запрограммировано на постоянное расширение: внешняя экспансия была оборотной стороной экстенсивного экономического развития». Удивляет утверждение М.М. Крома о том, что во всех «случаях инициатива начала военных действий принадлежала России».[51]

По-нашему мнению, нет смысла отрицать складывание имперского сознания у руководства России. Уже с 1554 г. Россия начинает активную завоевательную политику на северо-западе (сначала война со Швецией 1554—1557 гг., затем с 1558 г. двадцатипятилетняя Ливонская война). Для правильного понимания внешней политики России XVI в. важно уяснить следующее. Особенность российской истории заключается в том, что Россия одновременно наступала и оборонялась — проводила экспансию в отношении сопредельных территорий и отражала постоянную внешнюю агрессию многочисленных противников на западе, юге и востоке. Развитие имперского экспансионизма в России, таким образом, шло параллельно с борьбой по отражению внешней агрессии, которая порой не выходила за

рамки инцидентов на границах, а порой угрожала самому существованию российской государственности (татарские набеги 1521, 1542, 1571, 1572, 1591, 1592 гг.). Даже в XVII—XVIII вв., когда Россия превратилась в мощную империю, ее границы подвергались постоянным вторжениям иноземцев, преимущественно крымских татар. Учитывая это обстоятельство, при характеристике внешней политики России всегда следует обращать внимание на конкретно-историческую обстановку и выявлять какой фактор превалировал в ней — оборонительный или экспансионистский

В отношении внешней политики России второй половины XVI в. можно определенно сказать следующее. Основным ее направлением являлось западное, где русское правительство ставило откровенно экспансионистскую цель закрепиться в Прибалтике. В то же время на юге и востоке Россия вела лишь оборонительные войны. Неудача на основном внешнеполитическом направлении — поражение в Ливонской войне, и впечатляющий успех на второстепенном — завоевание Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, объясняется несоразмерностью противодействия, с которым столкнулась Россия. Если на западе русским пришлось воевать с мощным союзом Литвы, Польши, Ливонии и Швеции, то на востоке России противостояли относительно слабые государственные системы, раздираемые внутренними противоречиями, так и не сумевшими, несмотря на общность религии и близость интересов, объединиться в сильную антирусскую коалицию. Татарские ханства погубило отсутствие единства и преобладание узких меркантильных интересов у феодальной верхушки над государственными .

* * *

[1] Сочинения И Пересветова М -Л , 1956 С 167, 208, 233—234, Сказания князя Курбского Ч 1 СПб , 1833 С 13—14, ААЭ СПб , 1836 Т 1 С 172, *Будовниц И У* Русская публицистика XVI в М -Л , 1947 С 200, *Алишев С Х* Казань и Москва Межгосударственные отношения в XV—XVI вв Казань, 1995 С 90

[2] Акты нижегородских монастырей, Печерского и Благовещенского // Нижегородские губернские ведомости 1848, № 13 С 51

[3] ПСРЛ Т XIII С 169—170, 470

[4] КИ С 96—97

[5] *Kappeler A* Russlands erste Nationalitaten Das Zarenreih und die Volker der Mittleren Wolga vom 16 bis 19 Jh Koln — Wien, 1982 S 114

[6] *Веселовский С Б* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси Т 1, Ч 1 М -Л , 1947 С 312, *Зимин А А* Россия на рубеже XV—XVI столетий Очерки социально-политической истории М , 1982 С 34—37, *Кобрин В Б* Власть и собственность в средневековой России М , 1985

[7] *Покровский М Н* Избранные произведения Кн 1 М , 1966 С 90—291, 294—297, Кн 3 М , 1967 С 55

[8] *Зимин А А* И С Пересветов и его современники Очерки по истории общественно-политической мысли середины XVI века М , 1958 С 362

[9] *Там же* С 359—362, Сочинения И Пересветова С 155, 175, 359

[10] ПСРЛ Т XIII С 191, 488

[11] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским Л , 1979 С 146

[12] Исторические песни Баллады М , 1986 С 95

[13] *Липаков Е В* Роль казанской ссылки 1565 г в формировании дворянства и светского феодального землевладения в Казанском крае // Спорные вопросы отечественной истории Ч 1 М , 1990 С 159

[14] ПКС С X, 105, ПКК 1565-1568 гг С 55, 179—181

[15] О том, что на службу в Казань, Астрахань и Сибирь направляют в первую очередь опальных, сообщает и английский дипломат Джилс Флетчер, посетивший Россию в 1588 г См *Флетчер Д* О государстве Русском // Проезжая по Московии (Россия XVI—XVII веков глазами дипломатов) М , 1991 С 50

[16] *Липаков Е В* Дворянство Казанского края в конце XVI — первой половине XVII вв Формирование Состав Служба Автореф к и н Казань, 1989 С 8—9

[17] *Веселовский С Б* Исследования по истории опричнины М , 1963 С 149—153

[18] *Зимин А А* Реформы Ивана Грозного М , 1960 С 385

[19] *Скрынников Р Г* Иван Грозный М , 1983 С 40

[20] *Смирнов И И* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века М -Л , 1958 С 423-440

[21] *Зимин А А* Реформы, С 469—470, 477

[22] *Кобрин В Б* Указ соч С 159—160

[23] *Kappeler A* Russlands erste Nationalitaten S 106

[24] ПСРЛ Т XIII С 281—283, Т XX, Ч 2 С 582—583, Т XXIX С 256, ПКС С 65—106, Документы по истории Казанского края Казань, 1990 С 49—50, *Двоеносова Г* Татарское дворянство Казанской губернии (вторая половина XVI — XVII вв) // Эхо веков 1997, № 1/2 С 39—53, На слабую заселенность земель по Волге и Каме неоднократно указывал Г И Перетяткович См *Перетяткович Г И* Поволжье в XVII—начале XVIII в Очерки из истории колонизации края Одесса, 1882 С 252

[25] *Алишев С Х* Исторические судьбы народов Среднего Поволжья XVI—начало XIX в М , 1990 С 96—101, 108, *Кузеев Р Г* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала Этногенетический взгляд на историю М , 1992 С 104

[26] См *Димитриев В Д* Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX в) Чебоксары, 1986 С 294-325

[27] Подробнее см *Бахтин А Г* Роль аграрного вопроса в восточной политике России в середине XVI века // МАВ 1998, Вып 8 С 10-30

[28] *Фехнер М В* Торговля Русского государства со странами Востока М , 1952 С 53, 81, 137

[29] Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке Л , 1937 С 169, 172, 184, 188

[30] ПДРВ Ч 11 СПб , 1801 С 138—139

[31] ПСРЛ Т XIII С 150, 266, 450, Т XX, Ч 2 С 468, 569, Т XXIX С 49, ЦК С 126

[32] Сб РИО Т 71 СПб , 1892 С 323

[33] Документы по истории Удмуртии XV—XVII вв Ижевск, 1958 С 353-354

[34] РГАДА Ф 123 Крымские дела Кн 6 л 339, Кн 7 л 20 об , ПСРЛ Т XIII С 81, 100—113, 137—139, 189, Т XXIX С 12, 26, 40—41, 135—136 , ЦК С 230, Сказания, С 64

[35] *Вельяминов-Зернов В В* Исследование о касимовских царях и царевичах Ч 1 СПб , 1863 С 374—375

[36] *Шерифи Х* Зафер наме -и Вилайет -и Казан // Эхо веков 1995, май С 87

[37] Там же С 87—89

[38] КИ С 103

[39] ПДРВ Ч 8 СПб , 1793 С 255—256, 260, 266

[40] Там же С 327—328

[41] ПДРВ Ч 9 СПб , 1793 С 30—32, 44, 48, 54

[42] ПДРВ Ч 8 С 227—228, 268, 281, 295

[43] ПДРВ Ч 9 С 44

[44] ПДРВ Ч 8 С 175, 304

[45] Там же С 327

[46] Сб РИО Т 59 С 138, 179

[47] Послание царя казанского // Эхо веков 1997, № 1/2 С 26—38

[48] *Карамзин Н М* История государства Российского Кн 3, Т 9 М , 1989 С 124

[49] *Каппелер А* Россия — многонациональная империя Возникновение История Распад М , 1996 С 28, *Kappeler A* Russlands erste Nationalitaten S 50, 78-83

[50] *Smolitsch I* Zur Geschichte der russischen Ostpolitik des 15 und 16 Jahrhunderts // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas 1941, № 6 S 55—84, *Keenan E* Moscovy and Kazan Some Introductory Remarks on the Patterns of Steppe Diplomacy // Slavic Review 1967, № 26 S 548—558, *Pritsak O* Moscow, the Golgen Horde, and the Kazan Khanate from a Polycultural Point of View // Там же S 577—583

[51] *Кром М М* Когда отзвонил вечевой колокол // Родина 1995, № 6 С 35—39

Глава 6. Окончание Казанской войны. Присоединение луговых марийцев к России

Попытка мирного присоединения Казанского ханства к России. Возобновление военных действий

Успешные действия русских войск во время кампании 1551 г. наглядно продемонстрировали, что правительство крымского улана Кощака и царицы Сююмбики не в состоянии обеспечить безопасность страны, вследствие чего противоречия между казанцами и крымцами заметно обострились « . начаша рознити казанцы с крымцы» Дошло до того, что «чуваша арская» пришла «з боем на крымцов, о чем де не биют челом государю» Мятежников удалось рассеять, однако казанцы больше не хотели им подчиняться Среди них началось брожение, многие князья и мурзы выехали на службу к русскому государю.[1] Потеряв всякую надежду удержаться в Казани и справедливо опасаясь переворота, 300 крымцев во главе с уланом Кощаком, бросив свои семьи и слуг, попытались покинуть страну, однако при переправе через Вятку они были перехвачены русской заставой, частью перебиты, а частью взяты в плен и отправлены в Москву и там впоследствии казнены.

Бегство из Казани крымцев создало условия для начала переговоров. Чтобы избежать продолжения войны при неблагоприятных обстоятельствах, казанцы вынуждены были пойти на существенные уступки. Русские дипломаты настояли на том, чтобы трехлетний хан Утямыш-Гирей и его мать — регентша Сююмбики, были смещены и депортированы в Россию. Ханом уже в третий раз объявили русского ставленника Шах-Али. По условиям договора казанцы обязывались выдать также всех оставшихся в ханстве крымцев и освободить русских пленных. Неожиданным для казанцев стало объявление Горной стороны российской территорией, что вызвало особое неудовольствие. Условия мирного договора, продиктованные российской стороной, были весьма жесткими Казанская знать, а под ее давлением и сам хан Шах-Али стали настоятельно требовать возвращения отторгнутой территории· «И они все стали о Горней стороне говорить, что тово им учинити не мощно, что земля разделить». На что бояре «по государеву приказу отмолвили, что тому делу инако не быть, что государю бог дал, то ся ему не поступить».[2] Так и не добившись никаких уступок, казанцы с большой неохотой вынуждены были принять условия мирного договора. Летописец замечает, что «к правде пошли все люди казанскые, по сту человек и по двесте и по триста, а не вдруг».[3] В сентябре 1551 г. казанская знать вновь возвратилась к этому вопросу, попытавшись склонить русское правительство к компромиссу Соглашаясь признать переход Горной стороны под власть русского государя, они попросили,

чтобы он хотя бы «придал ясаков з Горние стороны».[4] Однако и на этот раз последовал решительный отказ. Иван IV рассчитывал не только оставить за Россией стратегически важный плацдарм, позволявший держать под контролем все Поволжье, но и ослабить этим Казанское ханство экономически, лишив его основных поступлений ясака. Это неизбежно усилило бы зависимость ханства от России. Казанским послам было категорично заявлено, что государю с «Горние стороны х Казани ни одной денги не отдавывати...»[5]

Неуступчивость российского правительства заметно ухудшила межгосударственные отношения. Марионеточный правитель Шах-Али не мог достойно представлять интересы казанцев и поэтому быстро утратил и без того низкий авторитет. Неустойчивостью положения Шах-Али поспешили воспользоваться сторонники восточной партии, начавшие активную работу, направленную против русского присутствия и неугодного хана. Его распоряжения саботировались, казанцы не торопились освобождать русских пленных, многие князья, мурзы и уланы выехали в Ногайскую орду, где подбивали ногайцев к нападениям на Россию. В самой Казани полным ходом шла подготовка к государственному перевороту. Через свою агентуру Шах-Али был в курсе происходящего, но сколько-нибудь существенно повлиять на ситуацию не мог. Пытаясь упредить своих недругов, Шах-Али перешел к репрессиям, действуя при этом по привычному для него коварному сценарию. Пригласив своих противников на пир, он приказал их перебить: «...кои были в ызбе, царевы князи порезали их, а многых на цареве дворе побили стрелцы великого князя, а иных велел стрелцом по подворием побить...» Всего было убито 70 князей, мурз и уланов. Однако избиение знати лишь накалило атмосферу, после чего падение режима Шах-Али стало неизбежным. В декабре 1551 г. он с отчаянием говорил русским боярам: «Прожить де мне в Казани не мощно, загрубил есми казанцом добре».[6] 6 марта 1552 г. он вынужден был тайно покинуть Казань.

Промосковски настроенная часть казанской знати не желала возобновления войны. Еще в январе князьями Муралеем (Нур Али), Костровым и Алемердином азеем было сделано предложение русскому правительству о принятии Казанского ханства в подданство России с направлением к ним наместником русского боярина. При этом Казань должна была сохранять определенную автономию. Непосредственное включение Казанского ханства в состав России не укладывалось в планы правительства, выгоднее было иметь под рукой послушного вассала. Принятие же ханства в состав России влекло значительные материальные издержки и отодвигало русские границы к кочевьям беспокойных восточных орд. Однако в сложной политической ситуации правительство Ивана IV не устояло перед искушением и согласилось на предложение казанцев. В качестве наместника в Казань был назначен князь С.И. Микулинский.

Известие о смещении ненавистного Шах-Али и присоединении к России было встречено значительной частью казанцев со сдержанным одобрением. Из Казани сообщали, «что вся земля Казаньская государеву жалованию ради, правду дают, и к бояром едут лутчие люди». В то же время

событие было настолько неординарным, что вызвало противоречивую неоднозначную реакцию. Выражая согласие подчиниться России, казанцы ожидали предстоящие перемены со смутной тревогой. Этим поспешили воспользоваться противники России. Когда 9 марта 1552 г. русский наместник приблизился к Казани, от его свиты отделились татарские князья Ислам, Кебяк и мурза Алекей Нарыков. Они прискакали в город, закрыли ворота и объявили, что русские будто бы хотят перебить всех татар. Расправы, учиненные русским ставленником Шах-Али, были свежи в памяти и поэтому шитая белыми нитками провокация удалась как нельзя лучше. Казанцы взялись за оружие, желая отстоять независимость своего государства.[7] С.И. Микулинскому было заявлено, что «Казань бо царьство волное и держат царя по воли своей, брегущаго людей своих, а злаго отсылают или убивают».[8] Источники свидетельствуют, что у русских не имелось никаких планов о проведении репрессий против населения Казани. Русские пытались разрешить недоразумение и поэтому долго не предпринимали никаких силовых действий в отношении Казани. Сторонники же войны среди казанцев, напротив, действовали решительно и враждебно, опасаясь возможного примирения. Летопись сообщает, что они «в Нагаи послали царя просити, а на Горную сторону стали войною приходити и отводити их от государя. Горние люди одну их посылку побили, дву князей Шахчюру, и Шамая мурзу. И к воеводам изымав привели и воеводы горных пожаловали, а изменников казнили».[9] Однако нападения казанцев продолжались, а русские не имели возможности предпринимать ответные меры. Среди воинов свияжского гарнизона вспыхнула эпидемия: «...пришла немочь великая на государевы люди цынга, и язвами многие померли; и иные мрут, и больны лежат, дети боярские, и стрельцы и казаки».[10]

Население Горной стороны подчинилось России хотя и мирно, но вынужденно, поэтому относилось к своему новому положению неоднозначно. Когда русское военное присутствие на Горной стороне ослабло, часть населения под влиянием казанской пропаганды подняла восстание против русских. По мнению академика М.Н. Тихомирова, «главная роль в этом восстании горных людей принадлежала татарам»[11]. Следует добавить, что в восстании, видимо, приняла участие и какая-то часть чуваш, живших по Цивили. Однако повсеместного вовлечения населения в восстание не произошло.

После прибытия в Казань астраханского царевича Едигер-Магмета Касимовича с отрядом ногайских воинов и объявления его ханом возобновление войны стало неизбежным.

В апреле в Москве состоялось совещание царя Ивана IV с боярами «о своем походе х Казани», на котором было решено предпринять поход немедленно, не дожидаясь зимы. 16 июня многочисленная русская рать во главе с царем выступила в поход на Казань. Крымский хан Девлет-Гирей сделал все, чтобы сорвать его. Татарская конница, усиленная турецкими янычарами и артиллерией, появилась под Тулой. Однако русские войска не успели еще далеко уйти и смогли без труда отразить нападение и выну-

дить крымцев покинуть русские пределы.[12] После чего войска беспрепятственно, несколькими группами, продолжили движение в направлении Казани. 4 августа они достигли Суры, где царя встретили свияжские воеводы с известием о том, что с помощью присланных подкреплений удалось подавить восстание на Горной стороне. Среди встречавших присутствовали «горние люди Янтуду мырза, да Бузкей да Кудабердей с товарыщи». Они не участвовали в восстании, но опасались, что царь в наказание отдаст приказ о разорении Горной стороны. Однако «горных людей государь ести звал да удоволив их и словом пожаловал, вины им отдал и отпустил в Свиазской город, а велел на реках мосты мостить и тесные места чистити по дорозе». Несколькими днями позже царя встретили уже те, кто участвовал в восстании. Они «били челом о своем отступлении» и оправдывались тем, что «страхом от государя отступили, что их воевали казанцы». И этих посланцев «государь пожаловал», простил и пригласил к себе за стол. Отпуская же, царь указал «им готовым быти с собою, государем, на Казань». Горные люди выразили желание служить русскому царю.[13] Проходившие по Горной стороне русские войска всюду встречали радушный прием. Местные жители расширяли и расчищали дороги и «на всех реках мосты мостили». Участник похода князь А.М. Курбский позднее вспоминал, что встречавшие их чуваши и черемисы «радующеся цареву пришествию». Испытывавшим потребность в продовольствии русским воинам они продавали хлеб и скот. «Черемисский же хлеб сладостнейший, паче драгоценных калачей, обретеся»,—восхищался даже спустя много лет князь[14]. Но только поставкой продовольствия и ремонтом дорог и мостов не ограничилась помощь местного населения, 4000 воинов из горных марийцев, чуваш и, возможно, мордвы и татар влились в один из полков войска Ивана IV.[15]

Соединившись под Свияжском, русские рати переправились через Волгу и 23 августа приступили к осаде Казани. Некоторые летописи указывают на то, что численность задействованных в Среднем Поволжье русских войск равнялась 150 000. Вероятно, эти данные завышены,[a] но не вызывает сомнения, что русские превосходили своего противника по численности в 2-2,5 раза. Казанские войска были разделены на три группировки. Самая внушительная защищала столицу ханства. По свидетельству Курбского, она насчитывала 30 000 воинов.[16] Казанский летописец указывает, что эта группировка равнялась 40 000 воинов, и добавляет, что в городе была проведена тотальная мобилизация всего мужского населения, включая больных и немощных, вооружена даже часть женщин, и насильно мобилизовано около 5000 находящихся в тот момент в Казани восточных купцов. Это дало еще 10 000 защитников.[17]

Вторая группировка из 20-30 тыс. воинов, возглавляемая князем Япанчей, Шунак мурзой и арским князем Евушем, прикрывала дорогу на Арск и, находясь в непосредственной близости от Казани, должна была наносить удары по осаждающим войскам со стороны Арского поля. Закрепи-

[a] Очевидно, имеются в виду все силы, задействованные русскими в Среднем Поволжье, включая свияжский гарнизон, тыловые службы и отряды горных людей.

лось мнение, что эта группировка состояла из татар, удмуртов и 2700 ногайцев, пришедших на помощь ханству. Но одна из летописей добавляет, что в этом войске были еще черемисы и чуваши.[18] Под черемисами в данном случае могли подразумеваться как марийцы, так и удмурты, а под чувашами — позднебулгарское население, т.е. татарское крестьянское ополчение. О присутствии черемис в составе этой группировки сообщает и Казанский летописец[19]. Основные же силы марийского ополчения действовали самостоятельно со стороны Галицкой дороги. На Волге находилась их ладейная флотилия. Численность марийских отрядов не могла быть меньше нескольких тысяч человек.

Таким образом, к началу битвы за Казань русские располагали приблизительно двукратным превосходством, но не трех-, четырех- и даже пятикратным, как нередко можно прочитать в отдельных изданиях.

Взаимодействуя друг с другом, все три казанские группировки с первых же дней битвы за Казань стали наносить ощутимый урон русским войскам. По условному сигналу с минарета городской мечети казанцы предпринимали вылазку, а из лесов одновременно нападали марийцы и татары. «От частого наезжания черемисского» особенно сильно страдали обозы и тылы русских войск. Даже много лет спустя участник событий А.М. Курбский восклицал: «А горче всех было, от их наезжания, тем христианским полком, яже стояли на Арском поле, яко и нам, с Галицкия дороги, яже суть от луговыя черемисы».[20] Аналогичным образом о партизанских нападениях черемис отзывается и Казанский летописец: «Но злее предних градцких, созади выезжая из острогов лесных, стужаше полком руским черемиса наезжая на станы, возмущающи в нощи и в день, убивающи от вои, и хватающи живых, и стада конская отгоняющи».[21] Особенно значительное нападение произошло 28 августа: «...приидоша с лесу многие люди казанцы на Арьское поле и нападоша внезапу на передовой полк...»[22]

Русские воеводы на своем горьком опыте знали, насколько катастрофичными для всей кампании могут стать регулярные нападения на тылы осаждающих Казань войск. «И в печали бысть о том царь князь великий, и воеводы его все».[23] На совещании воевод было принято решение о проведении операций против нападавшего с тыла противника. 30 августа воеводы А.Б. Горбатый и П.С. Серебряный притворным отступлением выманили казанцев из леса, затем отсекли их от опушки и, окружив, разгромили. Бегущих преследовали 15 верст до речки Килири. У В.Н. Татищева записано, что в результате боя в плен попало 140 человек. В летописях и разрядных книгах указывается на 340, 440, 740, а Курбский называет максимальное число — около 1000.[24]

Однако уцелевшие казанские воины собрались на укрепленной Высокой Горе, недалеко от Казани, перегруппировались и возобновили нападения на русских. Потребовалось проведение против них еще одной операции. 6 сентября группа войск во главе с воеводами А.Б. Горбатым, А.М. Курбским, С.И. Микулинским и др. начала наступление на Высокую Гору. Русским частям были приданы все служилые татары, мордва и отряды горных людей. Последние выступали в качестве проводников и

разведчиков. Оказанная ими помощь несомненно сыграла свою роль в обеспечении успеха. Укрепления на Высокой Горе были взяты после ожесточенного, но скоротечного боя. На третий день наступления русские без боя заняли Арск. «И повоевали Арскую сторону всю, многих людей побили, а жены их и дети в полон поимали и многое множество христианьского полону свободили».[25]

В ходе операции пострадали и некоторые территории, населенные марийцами. Русские сожгли несколько марийских острогов «и воевод черемиских 5 взяша живых, а с ними 500 добрых черемисинов приведоша, и жены их и дети плениша».[26] Казанский летописец так описывает победоносный поход русских войск по казанской земле: «И наполни всю казанскую землю воями своими, конники и пешцы, и покрышася ратью поля и горы и подолия, и разлетешася аки птица по всей земли той, и воеваху, и пленяху Казанскую землю и область всюде, невозбранно ходяще на вся страны около Казани и до конец ея. И быша убиения человеческая велика, и кровми полияся варварьская земля; блата и дебри, и езера и реки намостишася черемискими костми».[27] За 10 дней войсками было взято 30 больших и малых острогов, общее число пленных достигло 5000 человек, захвачена богатая добыча: «...всякого их рухла и скота взяша без числа...»[28] А.М. Курбский также пишет о большом количестве взятого хлеба, скота и мехов.[29]

Казалось бы, победоносный поход должен был положить конец партизанским действиям в тылу русских войск, тем не менее уже через четыре дня после завершения операции[b], как сообщает Курбский, «собралося черемисы луговыя немало, и ударили на ниши станы задние, с Галицкие дороги, и немало стад коней наших отгромили» Посланная вслед за ними погоня настигла марийцев «и овых избиша, других живых поимаша».[30] Только после этого «черемиса преста выезжяти из лесов».[31]

Успехи русских войск по разгрому арской группировки и отрядов марийцев значительно осложнили положение осажденных, они вынуждены были отказаться от вылазок. Положение еще более ухудшилось после получения известия о том, что ни ногайцы, ни башкиры не собираются прийти к ним на помощь. Часть казанцев стала склоняться к мысли о капитуляции, некоторые перебежали в русский стан.

Иван IV посчитал, что наступил удобный момент для переговоров и попытался склонить татар к сдаче города. Для ведения переговоров к крепостным стенам 7 раз направлялись перешедший на русскую сторону казанский мурза Камай и горные люди. В доспехах простого воина, чтобы не быть узнанным, присутствовал даже сам царь.[32] К стенам неоднократно подводили группами пленников, которых набралось к тому времени уже 7000, чтобы они уговаривали казанцев сложить оружие.[33] Однако никакие уговоры не помогли, большинство казанцев было полно решимости сражаться до последнего. Парламентерам осажденные гордо заявили: «...все помрем или отсидимся».[34]

---

[b] Видимо, 20 сентября

Вступление царя Ивана IV в Казань 3 октября 1552 г. Возведение церквей и запись указов об устройстве новых земель. Миниатюра из «Казанской истории» начала XVII в. Библиотека академии наук, отдел рукописей. 34. 6. 64. л. 182 об.

Раздосадованный стойкостью защитников Казани царь Иван приказал предать пленников казни на виду у осажденных. По словам Казанского летописца, он приказал «инех около града на колия посади, а инех стремглав за едину ногу повешати, а инех за выя, инех же оружием убивати на устрашение казанцем, да видевше злогоркую тое смерть своих и убояться, град здадут ему и смирятся». Часть пленных привязали перед русскими укреплениями с тем, чтобы они умоляли защитников города сдаться. Их расстреляли сами же казанцы из луков. По сообщению Казанского летописца, пленные черемисы будто бы «умирающи кленяху казанцев: «Дабы и вам по нас та же горкая смерть прияти и женам вашим и детем».[35] Однако показательная суровая расправа с пленными не побудила казанцев к сдаче. Последняя попытка убедить их капитулировать была предпринята 1 октября, накануне решительного штурма, но и она ничего не дала.

К этому времени защитники Казани были в значительной степени обескровлены, укрепления сильно разрушены, из-за отсутствия хорошей воды начались болезни, и лишь отчаяние придавало решимость сражаться до последнего. На 2 октября был назначен решительный штурм, который должен был последовать сразу же после подрыва подкопов. По диспозиции значительные силы были выделены в резерв и на прикрытие со стороны леса. На Арской и Чувашской дорогах вместе с воеводой И.Ф. Мстиславским были поставлены Шах-Али с татарами и горные люди.[36] Следовательно, горные марийцы, чуваши, мордва и татары непосредственного участия в последнем штурме Казани не принимали.

После ожесточенного штурма столица Казанского ханства была взята. Защитники неистово сопротивлялись, и почти все героически погибли в неравном бою. Лишь небольшой группе удалось прорваться сквозь русские полки и уйти в лес, некоторые попали в плен. В живых по приказу Ивана IV оставляли лишь женщин и детей.

«Казанское взятие» в исторических преданиях и легендах

Своеобразно отразилось участие народов Среднего Поволжья во взятии Казани в русском, марийском, мордовском и чувашском фольклоре. В сказаниях, преданиях и песнях в большом количестве встречаются сюжеты о помощи русским войскам при их движении к Казани. Русским доставляли не только хлеб и скот, но и яблоки и другие припасы, давали одежду и холст. В фольклоре подчеркивается, что все это нередко передавалось русским воинам бесплатно, ибо население было радо тому, что русские наконец-то избавят их от алчных татарских мурз. В преданиях говорится, что по распоряжению Ивана Грозного местным жителям выдавались грамоты с обязательством оплатить впоследствии поставки продуктов. Некий гостеприимный Пидуш три дня кормил остановившийся в его деревне отряд, забивая ежедневно по 5-6 коров. Марийцы и чуваши строили дороги и наводили мосты через реки. При форсировании Волги они снабдили русских воинов плотами.[37]

В преданиях много внимания уделяется рассказам о проводниках из

местных жителей. Это не удивляет, т.к. изрезанная реками и покрытая сплошными густыми лесами местность затрудняла действия войск. Еще исследователь XVIII в. Г.Ф. Миллер записал предания о помощи русским со стороны мордовцев во время движения войск на Казань. В них проводниками выступают пчеловод Калейка и братья Кожендей и Ерзя, а также девушка Саманька. Среди проводников упоминаются и братья Ризадей, Ардатка, Кужандей и Тотарша. В чувашском фольклоре говорится о проводниках Сарые и мурзе Камае.[38] Весьма примечательна русская песня о некоем Рознеге Черемисянине, который был долго связан с русскими и поэтому провел их войска «через темны леса до Казани славного города».[39]

Предания рассказывают о том, что население края встречало русских в целом с гостеприимством и даже радостью, во всем стремилось им помочь, подчеркивается, что русские не могли обойтись без помощи местного населения, и сами обращались за содействием.[40] Однако даже в фольклоре зафиксировалось неоднозначное отношение населения края к происходившим событиям, имевшее место недоверие и даже враждебность. В одном чувашском предании старейшина Анчик призывал народ собирать припасы для русских войск, но некоторые из опасения поспешили укрыться в лесу.[41] Жители одной мордовской деревеньки, согласно фольклорному рассказу, будто бы даже предполагали устроить покушение на самого Ивана Грозного. Их замысел расстроила девушка, успевшая предупредить царя о грозящей опасности. За раскрытие их планов односельчане впоследствии расправились с нею.[42]

Имеются в фольклоре сюжеты и о непосредственном участии представителей поволжских народов в боях за Казань. В марийском фольклоре указывается на то, что во время похода на Казань Иван Грозный будто бы на три дня останавливался в родном селении горномарийского вождя Акпарса. Все это время царь и его приближенные охотились, пировали и вели переговоры с марийской старшиной. Между горными марийцами и русским царем было заключено соглашение, по которому марийцы обязались платить ясак деньгами, медом и звериными шкурками и выставить в поддержку русским войскам несколько тысяч вооруженных мужчин для похода на Казань[43]. Кроме Акпарса в походе против Казани участвовали марийские вожди Сяр и Акрям.[44]

О многих предводителях, вставших на сторону русского царя, рассказывается в чувашском фольклоре. Это и князь Шептах с его многочисленной дружиной, и Байдеряк Барзаев, и многие другие, отправившиеся на войну кто пешим, кто конным.[45] В фольклоре говорится об участии населения края в сражениях против ханских войск. Когда русские не смогли захватить татарскую крепость в Малом Сундыре и собрались уже отступить, чуваши и марийцы будто бы догнали уходящие войска и, обещая помощь, упросили царя вернуться.[46] У чувашского краеведа XIX в. С.М. Михайлова имеется запись легенды о том, как некий марийский старейшина, обидевшись на татарского вельможу, управлявшего Малосундырской крепостью, отправился в Нижний Новгород якобы за товаром.

Прибыв же туда, поспешил к русскому царю и пообещал ему помочь захватить татарскую крепость. Спрятав в возах под товаром бочки с порохом и сотню русских воинов, марийский старейшина под вечер въехал в крепость и уговорил татар отложить таможенный досмотр поклажи до утра. Ночью он развязал свои возы, и русские воины, перерезав стражу, с помощью пороха разрушили крепость и перебили почти весь гарнизон.[47]

Согласно фольклорным рассказам, в боях под Казанью отличились братья Улите и Акат, Пидубай, Пайдул, Ишутка, Илтемес, Уразгильдей и его семеро сыновей, Пичура, десятник Патырша, Актупаш, Аютка Саваткин и многие другие. Некоторые из участников похода на Казань, например, Салтан, сложили голову. Иван Грозный остался доволен помощью чуваш и марийцев и очень хвалил их за меткую стрельбу из луков.[48]

В горномарийском, чувашском и мордовском фольклоре основная заслуга в осуществлении знаменитых подкопов под казанские стены приписывается представителям поволжского населения. Инициаторами подкопов выступают марийцы Акпарс, Йыланда, Акпатыр, Тотар, мордовская девушка-воительница Саманька, чуваши Толбай и Урга. У русских имеются свои фольклорные герои, среди которых упоминается даже Ермак. В большинстве преданий сюжет, связанный с организацией подкопа, на удивление схож. Иван Грозный до тех пор не может взять Казань, пока одному из вождей поволжских народов не приходит идея о возможности осуществления подкопа под крепостные стены. Эта мысль понравилась Ивану Грозному. Однако для проведения работ необходимо было узнать точное расстояние до крепостных стен. Решить эту задачу вызвался Акпарс (по другим преданиям, Тотар, Толбай, Урга). Исполняя на гуслях грустную мелодию, он, считая шаги, медленно пошел к городу. В одном из преданий говорится, что он будто бы пел на татарском языке песню о падении булгарского города Биляра. Зачарованные чудесной музыкой, татарские воины прекратили стрельбу и позволили хитрому гусляру подойти к самой стене, высчитать расстояние и затем вернуться невредимым в свой лагерь. Имеется предание, в котором мариец Акпатыр измерял расстояние до казанских стен с помощью плети, в другом варианте вместо гусляра выступает сурначей.[49] По преданию об Акпарсе, подкоп осуществлялся марийцами. Когда он был уже готов, туда вкатили бочки с порохом и поставили на них свечу. Однако произошла заминка. В шатре Ивана Грозного успела прогореть контрольная свеча, а взрыва не последовало. Вспыльчивый царь заподозрил измену и стал грозить Акпарсу казнью. Царю объясняли, что под землей свеча горит медленно, тем не менее тот продолжал грозить казнью до тех пор, пока чудовищный взрыв не уничтожил часть крепостной стены. В предании об Йыланде отмечено, что царь не утерпел и отрубил герою голову. После взрыва, по фольклору, марийские воины участвовали в заключительном штурме Казани.[50]

Завершаются предания триумфом победителей, описанием роскошного пира, во время которого Иван Грозный награждает своих верных помощников из числа горных марийцев, чуваш и мордвы. Вожди поволжских народов как равные сидят среди русских воевод. Сам царь приказывает

слугам поднести иноземного вина в золотой чаше Акпарсу и дарит затем ее марийскому вождю. Кроме того, ему были пожалованы сабля и превосходный жеребец с дорогим седлом.[51] Мурзе Камаю царь подарил «бахрому с золотыми кистями для украшения горницы и серебряную вызолоченную чашу». Серебряные чаши получили все остальные участники пира.[52] Основной же формой награждения стало земельное пожалованье. Получили земли марийский вождь Акпарс, чуваши Пидуш, Байдеряк Барзаев, Урга, Улите, Акат, Пайдул, Ишутка и многие другие.[53] Пользуясь случаем, марийцы просили Ивана Грозного не притеснять народ, не отдавать их под гнет помещиков, не облагать большими налогами и разрешить им свободно курить вино для домашнего употребления. На это царем была выдана жалованная грамота, которая затем будто бы очень долго хранилась у марийцев.[54]

Характерно, что идеальные фольклорные герои обычно бескорыстны и отказываются от царских наград, но в то же время последовательно отстаивают интересы своего народа, личное достоинство и свободу. Так, Акпарс не принимает у царя в награду предложенные ему деньги.[55] Примечателен и ответ Рознеги Черемисянина на предложение царя Ивана Грозного стать его приближенным. «Батюшка православный царь,— ответил он, — хорошо жить у самого царя, еще лучше во сыром бору у нотья. Близ царя — близ смерти, а в сыром бору — я сам большой».[56]

Обращает внимание близость содержания преданий к свидетельствам письменных источников. Поволжские жители действительно снабжали русские войска продовольствием, приводили в порядок дороги и мосты, тысячи горномарийских, чувашских, мордовских и татарских воинов приняли участие в походе на Казань. Есть в источниках и указание на то, что горные люди служили проводниками. Находит письменное подтверждение и фольклорный рассказ о торжественном победном пире после взятия Казани, во время которого Иван IV одаривал своих новых подданных. Документально подтверждается пожалованье горным людям значительных земельных владений.

В то же время, если обратиться к центральному сюжету преданий — осуществлению подкопа под казанские стены,— то следует признать, что здесь присутствует более вымысла, чем правды. Не стоит забывать, что исторический фольклор передавался в устной традиции и был зафиксирован лишь в XVIII—XX вв. По этой причине предания часто утрачивали правдивость и точность передачи событий, истина и вымысел неразрывно переплелись между собой. Следует учитывать, что фольклор является образцом духовной культуры народа, и поэтому события изображаются в самом благоприятном для данного этноса свете. При этом неизбежна переоценка действительной роли как самих народов, так и их предводителей. Именно так и произошло при описании истории с подкопами под казанские стены. В действительности взрыв крепостных стен с помощью минных подкопов являлся новейшим достижением военно-технической мысли средневековой Европы. Сам проект и руководство работами были осуществлены иностранными военными инженерами, приглашенными на

русскую службу. По Казанскому летописцу, это были «хитрецы фряги».[57] В летописях руководитель по строительству минных подкопов упоминается даже по имени как «немчин»[c] Размысл.[58] Сами подземные работы осуществлялись в строгой тайне даже от собственного войска. В курсе были только воеводы. Непосредственно рытьем подземных ходов занималась специально отобранная команда из русских людей, которые находились под усиленной охраной воинов царского полка и не могли с кем-либо сноситься. Принятие строгих мер секретности было оправдано, т.к. осуществление минных подкопов являлось сложным и трудоемким делом, и всякая утечка информации могла привести к неудаче. Из летописей известно, что казанцы знали о строительстве подкопов и пытались их обнаружить. Поэтому минные работы могли быть доверены ограниченному кругу очень надежных русских людей. Иван IV никак не мог в столь ответственном деле положиться на своих союзников. По сообщению Казанского летописца, даже среди воинов царского полка нашелся предатель — некий калужский дворянин Юрий Булгаков, который, послав в город стрелу с письмом, попытался передать осажденным сведения о подрывных работах.[59]

Совершенно по-иному можно воспринять фольклорный рассказ об измерении расстояния до городских стен. Несомненно, что без этого осуществление подкопов было бы невозможно. Известно, что в ходе осады 7 раз возобновлялись переговоры, в которых участвовали главным образом перешедшие на сторону русского царя татары и горные люди. Не исключено, что как раз ими и было осуществлено измерение расстояния до крепостных стен. В этом случае фольклорный рассказ может иметь под собой вполне реальную основу.

Организация управления Казанским краем

В первые же дни после взятия Казани, возможно, уже 3 октября, состоялся «совет» с целью организации системы управления завоеванным краем и выработки политической линии в отношении коренного населения. На нем присутствовали царь, воеводы и священнослужители. Если первый вопрос решили единодушно, то при определении курса в отношении народов Поволжья обнаружились принципиальные расхождения. Большая часть воевод, по определению А.М. Курбского «все мудрые и разумные», и сам князь советовали царю задержаться в Казани до весны для того, чтобы он «до конца выгубил бы воинство бусурманское и царство оное себе покорил и усмирил землю на веки».[60] Жестокий террор в отношении завоеванных народов преследовал цель подавления воли к сопротивлению и был традиционен для средневековой Азии и Европы.

---

[c] «Фрягами» на Руси именовали итальянцев, «немчинами» же называли не только жителей германских земель, но и вообще западноевропейцев. По преданиям, инженером, руководившим минными работами под Казанью, являлся англичанин Бутлер, предок знаменитого русского химика XIX в. А.М. Бутлерова. См.: Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1990. С. 150.

Крайние радикальные настроения были присущи значительной части русского воинства. Еще в 1549 г. дворянин И.С. Пересветов в своих челобитных рекомендовал царю после завоевания Казанского царства немедленно крестить все население, а на тех, кто не подчинится, «воинники удалые послати на улусы казанские, да велети жещи и людей сечи и пленити».[61]

Противоположная точка зрения была у братьев царицы Анастасии Данилы и Никиты Романовичей Захарьиных, еще нескольких воевод и священников. Они предлагали воздержаться от военных акций в отношении местного населения, вывести основные силы русских войск в Россию и решать все вопросы мирным путем на переговорах с местным населением. Вопреки мнению большинства, царь принял вторую точку зрения. По улусам ко всем черным людям были разосланы «жаловалные грамоты опасные, чтобы шли ко государю, не бояся ничего; а хто лихо чинил, тем бог мстил; а их государь пожалует». «И прислали ко государю арьские люди бити челом казаков Шемая да Кубиша з грамотою, чтобы государь их черных людей пожаловал, гнев свой отдал и велел ясаки имати, как и прежние цари, и прислал бы к ним сына бояръского, хто бы им сказал царево жаловалное слово, а их собрал, понеже они со страху разбежалися, и они бы, учиня государю правду, дав шерть, поехали ко государю». Вскоре «с Луговой стороны также черемиса приехала ко государю бити челом, и государь их пожаловал». По приказу царя по улусам были направлены сын боярский Никита Казаринов и татарский мурза Камай. 10 октября они возвратились в Казань вместе со многими арскими людьми. Одновременно и «луговые люди из Як и изо многих мест к государю приехали». Состоялись переговоры, на которых представители местного населения просили, «чтобы им государь милость показал, а они всею землею государю бьют челом и ясаки дают».[62]

В исторической литературе прочно закрепилось мнение, что после включения Среднего Поволжья в состав России резко возросли налоги, что якобы и послужило основной причиной вспыхнувшего вскоре восстания. Тем не менее внимательное прочтение источников позволяет сделать прямо противоположный вывод. Еще до начала переговоров Иван IV в своих грамотах черным людям указывал платить ясак в размерах «якоже и прежним казаньским царем». Но вникнув в суть вопроса, он должен был обнаружить, что при различных ханах размеры ясака не оставались неизменными. В последний период существования ханства, когда власть в стране находилась в руках алчных до богатства крымцев, ясак значительно вырос. Устанавливая ясак, Иван IV следовал нормам средневекового права, по которым уплата налогов, наряду с принесением присяги, являлась основной формой признания подданства (нахождения под данью). В этом случае уплата ясака имела не столько экономическое значение, сколько политическое, фиксировавшее подчинение края России. Поэтому в ущерб интересам казны Иван IV приказал взимать ясак в размерах, существовавших в конце XV—начале XVI вв. при московском вассале хане Мухаммед-Эмине, т.е. произошло сокращение норм ясака. Отменялось и суюргаль-

ное право, население впредь обязывалось платить «прямые ясаки» непосредственно в пользу феодального государства.[63]

В соответствии со сложившейся в ханстве традицией решался и вопрос о землевладении — верховным собственником всей земли становился царь. Непосредственно же владение землей сохранялась за крестьянскими общинами и местными феодалами при условии их лояльности к новому режиму. После падения Казани не последовало ни раздачи земель русским, ни закрепощения коренных жителей за русскими феодалами. Местные крестьяне впоследствии по-своему объясняли, почему они не были закрепощены русскими боярами и дворянами. В одном чувашском предании рассказывается о том, что Иван Грозный, проезжая по Горной стороне, очень удивлялся хорошей обработке полей, отсутствию сорняков на них, высоким урожаям хлебов. Бояре, жадно взирая на колосящиеся нивы, будто бы просили царя закрепить за ними чувашских крестьян, на что царь Иван им отвечал: «Нет уж! Пусть будут царёвы люди».[64]

В горномарийском предании об Акпарсе говорится, что за помощь в борьбе с Казанью он «не взял от царя в награду денег, а просил не притеснять марийский народ, не давать под гнёт помещикам и не облагать большими налогами».[65] Не исключено, что подобные обращения к русскому царю могли иметь место, ибо в Казанском ханстве были неплохо осведомлены о зависимом положении тяглого населения в России.

В ознаменование наступившего мира был устроен пир, на котором присутствовали как русские воины и их союзники из числа поволжских жителей, так и прибывшие на переговоры представители луговых марийцев, татар и удмуртов. После пира царь приказал «дасть им семена земныя, и коня, и волы на орание, инем же и одеяние дасть и сребриц понемногу» и «отпусти их по местом своим жити без боязни, наказав воеводам, да закажют воем своим не обидети их ничим же».[66]

В течение нескольких дней после взятия Казани была осуществлена большая работа по налаживанию системы управления краем. Не ломая традиционные принципы управления, сложившиеся в Среднем Поволжье, Иван IV пошел по пути создания системы воеводского управления с полным отказом от изживших себя в центре страны принципов кормления. Предполагалось управлять краем с помощью лояльной национальной знати, но под строгим контролем со стороны русских чиновников. За местной знатью, признавшей новый режим, сохранялась власть на местах, они допускались к работе судебных органов, выполнению ряда административных функций, несению полицейской и военной службы.[67] В Казани были оставлены на воеводстве А.Б. Горбатый, В.С. Серебряный, А.Д. Басманов и с ними 7050 детей боярских, стрельцов и казаков. Гарнизон Свияжска определили меньше по численности ввиду лояльности населения Горной стороны.[68]

Уже 11 октября Иван IV по Волге отплыл в Москву. Вслед за ним потянулось отягощенное добычей и полоном войско. Осенняя распутица сильно испортила дороги, и обратный путь был долог и труден. Только в начале ноября войска добрались до Нижнего Новгорода и были распущены по

домам. Спустя несколько недель в Среднем Поволжье началось восстание за освобождение Казанского государства.

* * *

[1] ПСРЛ. Т. XIII. С. 166; Т. XXIX. С. 63; ЦК. С. 175; *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 6. М.-Л., 1966. С. 175.

[2] ПСРЛ. Т. XIII. С. 167, 468—469.

[3] Там же. С. 169.

[4] Там же. С. 171.

[5] Там же. С. 172, 472.

[6] Там же. С. 172—173, 472.

[7] Там же. С. 173-176, 473—476.

[8] КИ. С. 111.

[9] ПСРЛ. Т. XIII. С. 177; Т. XXIX. С. 73; ЦК. С. 201—202.

[10] ПСРЛ. Т. XIII. С. 178, 477; Т. XXIX. С. 73—74; ЦК. С. 205—206.

[11] *Тихомиров М.Н.* Российское государство XV - XVII веков. М., 1973. С. 113.

[12] ПСРЛ. Т. XIII. С. 187—191.

[13] Там же. С. 200, 496.

[14] Сказания князя Курбского. Ч. 1. СПб., 1833. С. 18—19.

[15] ПСРЛ. Т. XIII. С. 200.

[16] Сказания, С. 24.

[17] КИ. С. 133, 135.

[18] ПСРЛ. Т. VI. С. 307.

[19] *КИ. С. 131-133.*

[20] Сказания, С. 24, 27.

[21] КИ. С. 131.

[22] ПСРЛ. Т. XIII. С. 207, 504.

[23] КИ. С. 131.

[24] ПСРЛ. Т. VI. С. 307; Т. XIII. С. 208—209, 505; РК. 1475—1605 гг. Т. 1, Ч. 3. М., 1978. С. 425; *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. 6. С. 210; Сказания, С. 28—30.

[25] ПСРЛ. Т. XIII. С. 211, 507; Т. XXIX. С. 187; *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. 6. С. 211.

[26] КИ. С. 132.

[27] КИ. С. 127.

[28] КИ. С. 132.

[29] Сказания, С. 31—32.

[30] Там же. С. 32.

[31] КИ. С. 132.

[32] ПСРЛ. Т. XIII. С. 214, 509; *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. 6. С. 214; КИ. С. 145.

[33] КИ. С. 133.

[34] ПСРЛ. Т. XIII. С. 214, 509.

[35] КИ. С. 135; Сказания, С. 30.

[36] ПСРЛ. Т. XIII. С. 214—215, 510; *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. 6. С. 214.

[37] *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. Чебоксары, Ч. 1. 1983. С. 68, 71, 74—75, 78—79, 91.

[38] *Четкарев К.А.* Марийское предание об Акпарсе. Из истории покорения Казани Иваном Грозным // УЗ МарНИИ. Вып. 7. Йошкар-Ола, 1955. С. 56; *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. Ч. 1. С. 62, 74, 91; Нижегородские предания и легенды. Горький, 1971. С. 75—76, 230.

[39] *Ширяева П.Г.* Новые фольклорные материалы о марийско-русских взаимоотношениях в период присоединения Поволжья к Руси // Марийская литература, искусство и народное творчество. Йошкар-Ола, 1966. С. 154.

[40] *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. Ч. 1. С. 75—76; Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания. Йошкар-Ола, 1991. С. 165.

[41] *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. Ч. 1. С. 68.

[42] Нижегородские предания, С. 128.

[43] *Четкарев К.А.* Указ. соч. С. 57—58; *Айплатов Г.Н.* Навеки с тобой, Россия. О присоединении Марийского края к Русскому государству. Йошкар-Ола, 1967. С. 90—91.

[44] Марийский фольклор. С. 251—253.

[45] *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. Ч. 1. С. 75—76.

[46] Нижегородские предания. С. 90—91.

[47] *Михайлов С.М.* Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары, 1972. С. 25—37, 43—44.

[48] *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. Ч. 1. С. 82, 84—86.

[49] Там же. С. 82—83; Марийский фольклор. С. 256—259.

[50] Там же. С. 247-250; *Айплатов Г.Н.* Навеки, С. 91-96; *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. Ч. 1. С. 81—82; *Четкарев К.А.* Указ. соч. С. 60—61.

[51] *Айплатов Г.Н.* Навеки, С. 96.

[52] *Четкарев К.А.* Указ. соч. С. 68; *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. Ч. 1. С. 77, 85.

[53] Там же. С. 74—76, 78, 82, 84—85.

[54] *Айплатов Г.Н.* Навеки, С. 96; *Четкарев К.А.* Указ. соч. С. 68.

[55] Там же. С. 67.

[56] *Ширяева П.Г.* Указ. соч. С. 155.

[57] КИ. С. 140.

[58] ПСРЛ. Т. XIII. С. 209, 215, 505—506, 511.

[59] КИ. С. 141.

[60] Сказания, С. 47.

[61] Соч. Пересветова. С. 182, 208, 245.

[62] ПСРЛ. Т. XIII С. 221, 515—516; Т. XX, Ч. 2. С. 532; Т. XXIX. С. 110; ЦК. С. 315.

[63] ПСРЛ. Т. XIII. С. 222, 516.

[64] *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. Ч. 1. С. 90.

[65] *Четкарёв К.А.* Указ. соч. С. 67; *Айплатов Г.Н.* Навеки, С. 89, 96.

[66] ПСРЛ. Т. XIX. С. 169; КИ. С. 161.

[67] *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI—XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982. С. 11—28.

[68] ПСРЛ. Т. VI. С. 314; РК. 1475—1605 гг. Т. 1, Ч. 3. С. 443.

Глава 7. Первая Черемисская война 1552—1557 гг.

Причины восстания

Первое сообщение о восстании в Среднем Поволжье, получившем уже у современников наименование «черемисская война», поступило в Москву 20 декабря 1552 г. от васильсурского воеводы. В нем говорилось, «что на Волге побили гонцов и гостей и боярьских людей з запасы луговые люди, да и горние с ними были».[1] По приказу царя свияжский воевода Б.И. Салтыков-Морозов произвел расследование происшествия. Сохранявшее лояльность местное население помогло арестовать соучастников нападений из числа соплеменников. Таковых оказалось 74 человека. Часть из них повесили на месте, остальных казнили аналогичным образом возле Свияжска. Имущество казненных было конфисковано и передано «истцам».[2] На том, кто такие были «истцы», следует остановиться особо. Дело в том, что в некоторых исторических работах встречается ошибочное истолкование данного термина, и делаются неверные выводы. Под «истцами» обычно подразумеваются те люди, которые помогли отыскать и арестовать участников нападений. Будто бы им в награду за услугу было передано конфискованное имущество. За этим обычно следует вывод о целенаправленной политике царизма по натравливанию одной части поволжского населения против другой по принципу «разделяй и властвуй».[3] Однако термин «истец» как для XVI, так и для XX в. остается неизменным и означает лицо, предъявляющее судебный иск в связи с нанесением ему какого-либо ущерба. Разбойные нападения луговых марийцев и примкнувших к ним горных людей были квалифицированы царской администрацией не как политическое, а как уголовное деяние. Адекватно совершенному, в полном соответствии с нормами средневекового уголовного права, была и кара. Виновных казнили, а их имущество передали пострадавшим. Однако с учетом последующих событий нападения на Волге следует рассматривать как начало национально-освободительного восстания, проявившегося первоначально в форме обычного для населения Среднего Поволжья грабежа.

О второй вспышке восстания сообщил прибывший из Казани в Москву Никита Казаринов. Он доложил, что некие «Тугаевы дети с товарищи», собрав на Арской стороне отряд единомышленников, «хотели лихо чинити», однако направленный против них отряд во главе с мурзой Камаем и им, Никитой Казариновым, разгромил мятежников. Захваченных в бою 38 пленных повесили возле Казани.[4] Исходя из сообщения, это выступление носило скорее всего политический характер. Число его участников невелико, и поэтому оно больше напоминает мятеж оппозиционных та-

тарских феодалов, который не был поддержан народными массами, и по этой причине царской администрации без труда удалось его подавить.

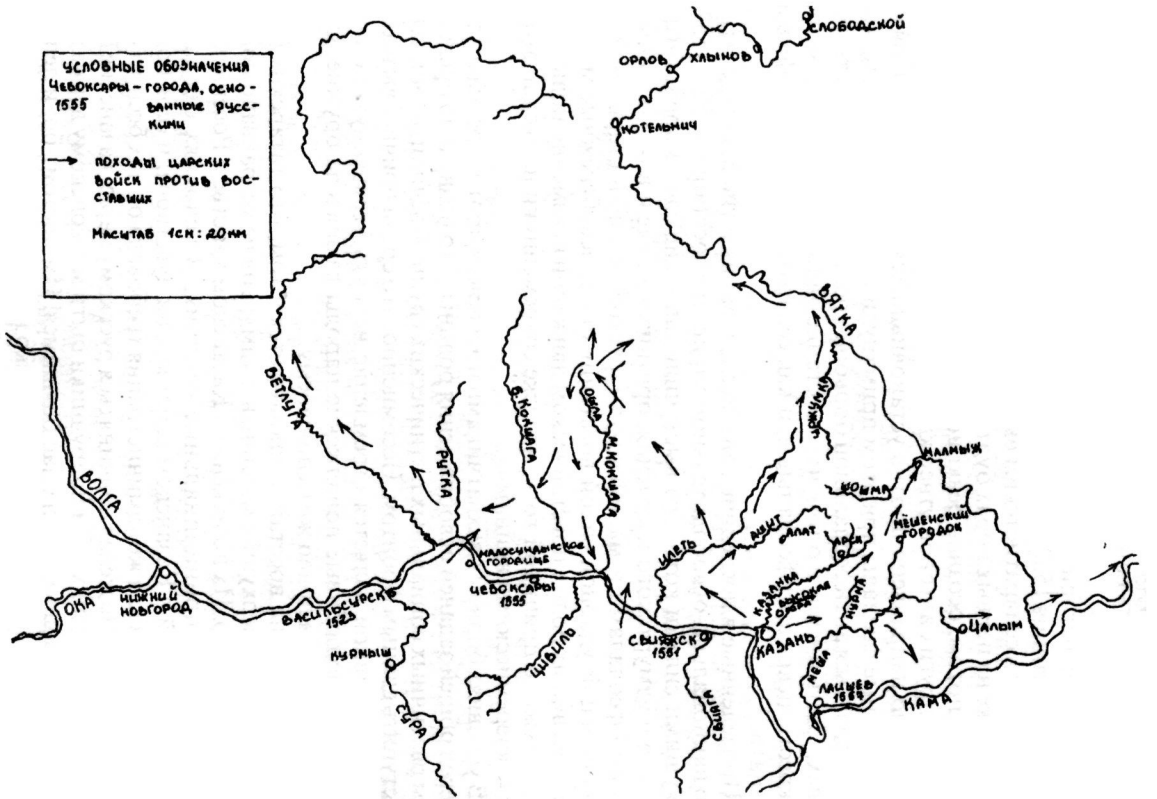
Тот же Казаринов сообщил, что сразу же после наведения порядка начался сбор ясака с населения Арской и Побережной сторон и завершил свой доклад известием, что «дети боярские ясаки собрали сполна, и привезли к воеводам, а на Луговую послали же».[5] Это известие позволяет высчитать, когда началось восстание. Если сложить время, затраченное на путь от Казани до Москвы (приблизительно две недели), и время, которое понадобилось на подавление мятежа «Тугаевых детей» и сбор ясака, то начало восстания следует отнести к концу ноября или даже ранее. В историографии начало восстания обычно относят к декабрю.

Н. Казаринов отбыл в Москву еще до возвращения сборщиков ясака с Луговой стороны и поэтому не знал, что обстановка в крае резко изменилась в худшую сторону. Луговые марийцы отказались от уплаты ясака и убили сборщиков Мисюрю Лихорева и Ивана Скуратова. Расправа с русскими чиновниками послужила сигналом к восстанию. Не исключено, что она положила конец имевшимся сомнениям среди марийцев.

Взявшись за оружие, марийцы перешли к активным действиям, вторгнувшись на Арскую и Побережную стороны. Местное население сразу же присоединилось к восстанию. Русское командование недооценило опасность и выслало против восставших лишь два отряда стрельцов и казаков численностью в 1000 человек, которые действовали к тому же несогласованно. Двигавшиеся по разным дорогам русские отряды были окружены превосходящими силами повстанцев и уничтожены. На поле боя осталось 800 погибших.[6] Успех повстанцев был ошеломляющим. Поставив под свой контроль все левобережье, они блокировали Казань, вынудив русских сесть в осаду. Казанский летописец записал, что восставшие «хотящи град свой восприяти, не дающе гражаном русином на дела своя из града исходити».[7] Положение усугублялось вспыхнувшей в Казани эпидемией, повлекшей случаи смертельного исхода.[8] Однако восставшие не имели для взятия хорошо укрепленных городов ни умения, ни соответствующего вооружения и техники. Противостояние обещало затянуться.

То, что целью восставших было возрождение Казанского государства, ясно из первых же их действий. Не имея возможности отбить Казань, они в 70 верстах от нее, на реке Мёша основали временную столицу. К ногайцам были отправлены послы с просьбой о помощи и направлении к ним какого-либо царевича на ханство или мурзы на княжение.

Развивая достигнутый успех, повстанцы уже в феврале 1553 г. перенесли боевые действия на Горную сторону. Возглавляемое татарскими феодалами Усеин сеитом и Сарыем богатырем марийско-татарское войско появилось в окрестностях Свияжска. Против них был направлен отряд Б.И. Салтыкова-Морозова, состоявший из детей боярских и горных людей. Однако он не подготовился к операции должным образом, не была учтена многоснежная зима. Увязших в снегах и выбившихся из сил воинов неожиданно окружили повстанцы, легко передвигавшиеся на лыжах. Царский отряд был разбит наголову. В ходе боя погибло 86 русских, 170 гор-



Марийский край в 1552—1557 гг.

ных людей, 200 человек попали в плен. В руках восставших оказался и сам воевода Б.И. Салтыков-Морозов. Это поражение сковало действия русских на Горной стороне и позволило повстанцам взять в осаду Свияжск, Васильсурск и начать нападения на муромскую, нижегородскую и вятскую земли.[9]

В советской историографии сложилось три точки зрения в отношении характера восстания 1552—1557 гг. Сторонники первой полагают, что восстание являлось сепаратистским выступлением казанских феодалов. Крестьянство же на первых порах будто бы слепо следовало за своими вождями и лишь потом, осознав реакционный характер восстания, отошло от него.[10] Ряд других авторов утверждает, что восстание являлось крестьянским и было направлено против установившихся феодальных порядков. Национальные феодалы при этом примкнули к восставшим с тем, чтобы воспользоваться антифеодальной борьбой крестьян в своекорыстных интересах.[11] Есть мнение и о том, что восстание одновременно развивалось и как крестьянское антифеодальное, и как сепаратистский мятеж феодальной знати.[12]

Проведенные в последние годы исследования позволяют сделать вывод о национально-освободительном характере восстания 1552—1557 гг., движущими силами которого выступили широкие слои марийского, татарского и удмуртского населения, организованные и возглавленные татарскими феодалами и марийско-удмуртской родовой старшиной. При этом основной ударной силой восстания стали левобережные марийцы. Впоследствии их роль в повстанческом движении неизменно повышалась. Это послужило причиной того, что уже современники называли эти восстания «черемисскими войнами».

В условиях борьбы с захватчиками имевшиеся противоречия отступили перед общей задачей освобождения родины. Это позволило представителям различных социальных и этнических групп объединить свои усилия и выступить единым фронтом. Несомненно, что среди причин, вызвавших восстание, главной является стремление вернуть утраченную независимость. Свободолюбивые поволжские народы взялись за оружие, чтобы отстоять свободу и право жить по-своему.

Вторая причина восстания заключается в том, что татарских феодалов и племенную верхушку марийцев и удмуртов не устраивало подчинение русскому царю. Их положение в Казанском ханстве и Российском государстве имело принципиальные отличия. В условиях феодальной анархии, царившей в Казанском ханстве, они чувствовали себя более самостоятельно, царская же администрация требовала от них беспрекословного подчинения. Не желая подчиняться русскому царю, казанские феодалы говорили: «Мы ли хотим подручники быти московскому держателю и его князем и воеводам, всегда нас боящимся! Им достоит бо; и лепо есть нам итти владети и дани у них взимати, яко и прежде; оне бо царем нашим присягали и дани давали, и мы есмя тем изначала господие и оне раби наши; и како смеют или могут наши раби нам, господам своим, противитися, многажды им побежденным от нас бывшим? Мы бо искони облада-

ни не быхом никем же, кроме царя нашего, но и служаще ему волны есмя в себе: камо хощем, тамо идем, и ту живем и волею своею служим; и в велицей неволе жити не обыкохом, яко же на Москве у него живут людие, велики скорби терпяще от него...»[13]

Определенное влияние на развитие восстания оказали мусульманская и языческая религии. Хотя Иван IV и декларировал невмешательство в вероисповедание местного населения, разрушение мечетей, возведение на их месте православных храмов и истребление мусульманского духовенства не могло не вызвать у него серьезных опасений за будущее ислама и язычества. Лишенное своего привилегированного положения, мусульманское духовенство призвало к священной войне — джихаду против неверных. Не отличающийся кротостью ислам стал движущей национально-политической силой. Священный коран вдохновлял мусульман на борьбу с гяурами. Война с ними являлась одной из основных заповедей мусульманина.[14] Со страниц корана прямо призывалось убивать неверных: «Убивайте их, где ни застигнете их; изгоняйте их, откуда вас они изгнали...» Коран ободрял мусульман при неудаче: «Не унывайте, не печальтесь: если вы верующие, то будете выше неверных. Если вы потерпели поражение, то они еще прежде потерпели такое же поражение.» Неудачи на войне, согласно корану, были ниспосланы аллахом для испытания верующих: «Так мы с переворотами дней изменяем события между людьми, для того, чтобы богу узнать тех, которые веруют...», аллах «обратил вас в бегство, чтобы испытать вас.» В священной борьбе с неверными мусульманам обещалась божья помощь: «Мы бросим страх в сердца неверных... Огонь будет жилищем их... воюйте с друзьями сатаны; коварство сатаны слабо,... если будет в вас двадцать человек стойких, они победят двести; если будет в вас сто, они победят тысячу неверных,... воюйте с ними: бог накажет их руками вашими, и посрамит их, даст вам победу над ними... Истинно, бог защитит верующих; бог не любит вероломнаго, неверного.» В коране даже давались конкретные рекомендации в отношении тактики войны с неверными: «...убивайте многобожников, где ни найдете их; старайтесь захватить их, осаждайте их, делайте вокруг их засады на всяком месте, где можно подстеречь их... Когда встретитесь с неверными, то ссекать с них головы дотоле, покуда не сделаете совершеннаго им поражения!» «Будьте неутомимы, не зовите их к примирению; вы будете выше их; с вами бог и он не оставит без награды ваших подвигов». Погибшие во время джихада сразу попадали в рай: «Тех, которые убиты на пути божием, не считайте мертвыми; нет, они живы, они пред господом своим, получили удел свой,... ревностно воюющие на пути божием, жертвуя своим имуществом и своею жизнию,— на самой высокой степени достоинства пред богом: они блаженны.»[15] На Востоке было распространено мнение, что мусульманская страна не может окончательно перейти в руки неверных.[16] Вслед за муллами призвали к войне с христианами языческие марийские и удмуртские карты.

Определенное влияние в разжигании восстания в Среднем Поволжье оказала деятельность ногайской, астраханской, крымской и турецкой аген-

туры. Ногайский князь Юсуф не скрывал своего недовольства успехами русских, а крымский хан, как мы видели выше, при поддержке турецкого султана, еще до падения Казани предпринимал усилия по установлению своего влияния в Поволжье.

Широко распространенное в исторической литературе мнение о том, что основной причиной восстания якобы стал социальный, национальный и культурный гнет, при научном анализе не нашло подтверждения. Ни один источник не содержит доказательств этого. Шаблонные повторения утверждений о будто бы имевшемся гнете опираются на два отрывка из «Царственной книги.» В первом говорится о том, что отъезжавший в декабре 1552 г. на моление в Троице-Сергиев монастырь Иван IV приказал боярам «без себя о казанском деле промышляти да и о кормлениях сидети; они же от великаго такого подвига и труда утомишася и малого подвига и труда не стерпеша докончати и возжелеша богатества и начаша о кормлениях седети, а казанское строение поотложиша»[17]. В другом месте летописец сетует: «И за нашу разность и неединомышление, инде же явися и превъзношение и гордыя слова: понеже бог милосердие свое показал над Казанью, и в вас явилися гордые слова и высокия и на богатство уклонихомся, а бога о сем не благодарихом, и почали о себе мудри быти и храбри, а строения ни о чем не смышляху, но токмо в гордости своей хваляхомся».[18] Ошибка в рассуждении заключается в неверном истолковании выражения «о кормлениях сидети». Процитированные отрывки из «Царственной книги» отнюдь не свидетельствуют о беззастенчивом выколачивании «кормов» из населения Среднего Поволжья. Во-первых, жители Левобережья должны были платить «прямые ясаки» непосредственно в пользу феодального государства, а не «кормленникам». Население же Правобережья вообще было освобождено от ясака на три года. Во-вторых, воеводская система управления, введенная в Среднем Поволжье, предусматривала полную отмену изживших себя кормлений.[19] В-третьих, приведенные выше летописные отрывки свидетельствуют лишь о том, что покидавший Москву царь дал Боярской думе распоряжение приступить к созданию особого органа управления Казанским краем (будущего приказа Казанского дворца) и оказанием помощи оставленным в Среднем Поволжье гарнизонам. Однако, по словам летописца, этого-то бояре как раз и не сделали, занятые более важным для них делом—распределением кормлений, еще сохранявшихся в центре страны. Вот о каком уклонении на богатство сетует летописец. Следует учесть и то, что содержащиеся в тексте «Царственной книги» нападки на боярство были внесены в виде приписок на полях лично Иваном Грозным или по его прямому распоряжению. Подобным образом царь пытался возложить вину за многие собственные просчеты на своих противников из бояр.[20] В-четвертых, после взятия Казани не была произведена раздача земель в поместное и вотчинное владение, что также не давало администрации условий для сколько-нибудь серьезного притеснения местного населения. Не было необходимости и в проведении реквизиций продовольствия и фуража на нужды гарнизонов, ибо, как сообщает А.М. Курбский, в Казани «запасов было всяких множество с русския зем-

ли галиями напривожено». По словам князя, даже все войско, участвовавшее в походе на Казань, могло бы кормиться этими припасами до весны.[21] Кроме того, по сообщению Казанского летописца, еще во время операций на Арской стороне русские в селениях татар, удмуртов и марийцев «всякого их рухла и скота взяша без числа».[22] Захваченного скота было так много, что он продавался по бросовым ценам и даже дарился тем же марийцам, татарам и удмуртам во время мирных переговоров.[23]

Сбор ясака явился не причиной восстания, как можно было бы подумать, а поводом. Как уже говорилось выше, нормы ясака были даже несколько сокращены. Уплата ясака была привычна для населения и означала фактическое подчинение новой власти. Желавшие сохранить независимость в первую очередь должны были отказаться от его уплаты. Как раз это и было сделано левобережными марийцами.

Опровергают антифеодальный характер восстания и сами сроки его начала. Как уже говорилось, восстание вспыхнуло в ноябре 1552 г., вскоре после вывода русских войск из Среднего Поволжья. За несколько недель не могло установиться никакого феодального угнетения, тем более в национальной и культурной сферах. Социальные возмущения всегда вызревают постепенно и долго и никогда не возникают неожиданно и быстро. Следовательно, восстание 1552—1557 гг., известное еще и как Первая Черемисская война, являлось национально-освободительным движением.

Борьба за свободу и независимость

Успешное развитие восстания создало реальную угрозу потери всех русских приобретений в Среднем Поволжье. В правящих кругах России дискутировался вопрос о целесообразности оставления войск в Казани и Свияжске. Возобладало неверие в возможность удержания Среднего Поволжья в составе России. А.М. Курбский пишет, что многие советовали царю: «...да покинет место казанское и град, и воинство христианское сведет оттуда».[24] Князь Семен Ростовский во время тайных переговоров с литовским послом заверял его: «...а Казани царю и великому князю не здержать, ужжо ее покинет».[25]

Несмотря на отчаянное положение, реставрации Казанского ханства не произошло. На наш взгляд, этому помешала стойкость русских гарнизонов Казани и Свияжска, выдержавших многомесячную осаду и, самое главное, лояльность населения Горной стороны. М.Г. Худяков, А.Х Халиков, С.Х. Алишев, К.Р. Синицына и другие, не опираясь на факты, утверждают, что население Горной стороны будто бы примкнуло к восстанию.[26] Однако на деле горные люди сохранили лояльность и даже оказывали сопротивление проникшим на Горную сторону повстанцам. Жизнь под властью русского царя показалась им более привлекательной, чем в составе Казанского ханства. Население получило трехгодичное освобождение от ясака и надежду на политическую стабильность, защиту и законность. Негативные стороны царизма еще не успели проявиться, а с безграничным произволом татарских феодалов и бесконечными разори-

тельными войнами между Москвой и Казанью горные люди были очень хорошо знакомы и не желали возврата к старому. О том, что на Горной стороне не было восстания, подтверждает и отсутствие там карательных операций царских войск. В то же время в источниках содержится немало известий об участии горных людей в боевых действиях против повстанцев. Имеются такие сюжеты и в фольклоре.[27] Можно согласиться с мнением Г.Н. Айплатова о том, что восстание 1552—1557 гг. в Среднем Поволжье являлось гражданской войной.[28]

Лишь только вскрылись реки, правительство перешло к решительным действиям против восставших. Весной 1553 г. на Вятку, Каму и Волгу были посланы ладейная рать Д.Ф. Адашева и казаки, которые должны были занять переправы и локализовать восстание. Это сковало действия повстанцев и затруднило их связь с Ногайской ордой. В течение лета заставы уничтожили немало «казанских и ногайских людей, а живых в Казань к воеводам прислали во все лето 240 человек».[29]

Восстанием в Среднем Поволжье поспешили воспользоваться в Стамбуле и Бахчисарае. В Астраханское ханство и Ногайскую орду было направлено очередное крымское посольство с целью вовлечения этих стран в антирусский союз мусульманских государств. Предполагалось объединенными силами произвести вторжение в Россию. Соглашение было почти достигнуто. Ногайский князь Юсуф собрал 120 000 воинов. Астраханский хан вызвался переправить их через Волгу и придать отряд в 500 человек. У арестованных русских послов Юсуф выспрашивал: «...мочно ли ему Ока перелезчи под Москвою прокормитца». Однако возникшие между мурзами разногласия и дипломатические усилия России сорвали планы крымского хана и турецкого султана.[30]

Тем временем русским правительством была собрана рать для подавления восстания. 6 декабря 1553 г. она выступила из Нижнего Новгорода. Войско возглавляли лучшие полководцы А.М. Курбский, И.В. Шереметев, П.И. Морозов, С.И. Микулинский и др. Уже на месте к войску присоединились отряды лояльных горных марийцев, чуваш, мордвы и татар.[31] В последующих операциях против восставших участие горных людей и служилых татар постоянно возрастало.

Наступление против повстанцев началось в январе 1554 г. из Казани. 30-тысячному российскому войску противостояло 15 000 восставших. По свидетельству А.М. Курбского, войскам пришлось выдержать около 20 ожесточенных сражений. Во всех битвах повстанцы потерпели поражение. Карателям благоприятствовала морозная малоснежная зима, облегчавшая передвижение через леса, болота и реки.[32] В ходе 10-дневного наступления русские заняли Высокую Гору, Арск, Мёшинский городок и вышли к рекам Нурме, Уржумке и далее продолжили наступление по Каме, Вятке и Илети. Летописи сообщают, что каратели «воевали и жгли во всех местах».[33]

За скупыми летописными строками скрываются трагические страницы истории народов Поволжья. Лишь фольклор помогает немного приоткрыть завесу времени. Весьма интересна марийская былина о гибели Мал-

мыжа. В ней рассказывается о том, как войска Ивана Грозного неудержимыми потоками надвигались на черемис, предавая огню их деревни и села. Дым пожарищ застилал небо, а жители спешили укрыться в лесах. Отважный марийский князь Болтуш (Полдыш) сумел одержать победу над русами и захватить много трофеев. Однако вскоре пришло новое, еще большее русское войско, и черемисы вынуждены были отступить к укрепленному городищу Малмыжу. На племенном совете «порешили все: биться до последней капли крови». Долго осаждали русские непокорный Малмыж, обстреливая его из пушек и предпринимая штурмы. Защитники мужественно сопротивлялись, надеясь на помощь. Обращаясь к буйным ветрам, осажденные просили отнести «крики о помощи всем родственным народам», поведать, что «за родные леса и за веру в Кереметя умирают отважные люди!» Так и не дождавшись помощи, черемисы решились на прорыв. Ранним утром они вышли из крепости, но прорваться сквозь русские полки смогли лишь немногие. В сражении погиб и сам Болтуш. «И остался от Малмыжа, могучего и славного, только пепел».[34]

В результате месячной карательной операции было уничтожено «больше десяти тысящей воинства бусурманского», убит марийский вождь Алека Черемисянин, 6 военных предводителей захвачено в плен. Кроме того, «в полон взяли робят и женок татарского полону осмь (8) тысячь».[35] Военные неудачи раскололи повстанцев. Татары и удмурты предпочли прекратить дальнейшее сопротивление. Их предводители Усеин сеит, Таокмыш Шихзяда и Сарый богатырь пришли к воеводам и «за всю Арскую сторону и Побережную добили челом, что им государю дань давать и от Казани неотступным быти и до своего живота; и на том воеводам правду дали», после чего «многие люди у воевод были и правду давали, арские и побережные, все без выбора».[36] 25 марта 1554 г. русские войска возвратились «во отечество со пресветлою победою и со множайшими корыстями».[37]

Несмотря на очевидный успех карательной акции, окончательно подавить восстание не удалось. Марийцы не сложили оружие. Их силы не были подорваны, т.к. населенные ими территории почти не подверглись вторжению карателей. Докладывая о действиях войск, воеводы указали, что «не была война вверх по Волге по Кокшагам и по Руткам».[38] Вызвали недовольство царя и излишние жестокости, допущенные воеводами в ходе подавления восстания. Позднее, в своем письме А.М. Курбскому, Иван Грозный упрекал его: «Когда мы послали тебя, в нашу вотчину, в Казань, привести к повиновению непослушных, ты, вместо виноватых, привел к нам невинных, обвинив их в измене, а тем, против кого ты был послан, не причинил никакого вреда»[39]. Однако упреки грозного царя не во всем справедливы. Войска во время зимней кампании 1553/54 гг. не имели возможности для разгрома восставших марийцев. Во-первых, в ходе месячной наступательной операции войска понесли потери и устали, а марийские отряды, отступившие в свои леса, сохранили силы. Во-вторых, наступление против повстанцев велось по трем расходящимся направлениям, что исключало возможность взаимодействия. В-третьих, с приближением весны, с неизбежными оттепелями, действовать в незнакомых марийских ле-

сах было бы затруднительно. Воеводы благоразумно решили не рисковать.

Хотя восстание и не было полностью подавлено, наметился его спад. Еще А.М. Курбский подметил, что «оттуды начала усмирятися и покорятися казанская земля».[40] Тем не менее восстание продолжалось, и его центр окончательно сместился на Луговую сторону. Марийцы стали основной движущей силой восстания, а их вожди возглавили сопротивление. Признанным лидером повстанцев стал сотенный князь Мамич-Бердей, проявивший себя как талантливый организатор, политик и военный предводитель. Ему удалось объединить всех левобережных марийцев в союз, который смог мобилизовать, по свидетельству А.М. Курбского, 20 000 «зело кровопийственных воинов».[41]

Весной 1554 г. администрация, воспользовавшись некоторым затишьем, предприняла попытку переговоров, пытаясь склонить восставших к прекращению сопротивления и размену пленными. Однако переговоры завершились безрезультатно.

Внешнеполитическая обстановка благоприятствовала России. Из-за внутренних неурядиц крымский хан Девлет-Гирей не имел возможности для активных действий против России. В Ногайской орде противоречия между мурзами — сторонниками московской и восточной ориентации — достигли такого накала, что вылились в продолжительную кровопролитную междоусобную войну. Пользуясь тем, что наиболее могущественные противники были нейтрализованы, царь послал по Волге 30-тысячное войско, которое без труда 2 июля заняло Астрахань, свергло неугодного хана Ямгурчея и посадило на его место своего вассала Дервиш-Али.[42]

Летом 1554 г. была предпринята попытка нанести поражение левобережным марийцам. Против них послали только что присягнувших татар и удмуртов. Однако эксперимент не удался, «казанцы солгали, царю государю изменили, на изменников не пошли, сложася с ними». В этих событиях примечательно то, что на сторону восставших перешли только татарские феодалы и казаки, крестьянство же отказалось участвовать в мятеже. За что мятежники «тех арьских людей черных, которые государю прямы были, побили многих».[43] По сути произошел мятеж татарских феодалов, который не поддержало крестьянство. Это и предопределило его поражение. Осенью против восставших было направлено войско, состоявшее преимущественно из лояльных правительству татар под руководством князей Еналея Чигасова и Еналея Моматова. Однако на этот раз ему были приданы значительные по численности отряды стрельцов. Не имевшие поддержки населения, восставшие быстро потерпели поражение. Сами «арские люди и побережные переимали многых татар, которые не прямили государю, да иных сами побивали, а иных к воеводам приводили да сами резали их и побивали перед воеводами». За осень 1554 г. было уничтожено 1560 князей, мурз, сотенных князей и лучших казаков, после чего «все укрепилися у государя и ясакы все сполна поплатили». Это избиение нанесло невосполнимый урон классу татарских феодалов, от которого он уже не смог оправиться. Осенью 1554 г. гражданская война в Поволжье

приобрела законченную форму, в нее втянулись различные социальные и этнические группы. Однако операции против восставших и на этот раз не затронули марийцев. Из Казани сообщали, что «Мамич-Бердей с товарищи в город не пошли и воруют по-старому на Волге, приходя на суды».[44]

В сентябре в Москве был составлен разряд нового зимнего похода «в Казанские места черемисы воевать на Луговую сторону в Кокшагу». Наряду с русскими в походе приняли участие служилые татары и мордва.[45] В январе 1555 г. каратели вторглись в глубь марийских земель. Придя «в волость в Ошлу», воеводы направили в различные стороны три войсковые группы. На этот поход, несомненно, возлагались большие надежды. Летописец даже подробно перечислил все марийские волости, подвергшиеся разорению. Так, он пишет, что «была война в волостях в Шумурше, да в Хозякове да в Ошли да в Мазарех в обоих, да в дву волостех во Оршах, в Малой да в Большой, да в Биште да в Кукшуле, в Сороках Куншах, да Василукове белаке да Мамич-Бердеевы волости да Килееву волость да Кикину волость да Кухтуял Кокшах, в Большой да в Малой, и волость Сызал да Дмаши да Монам да Кемерчи да Улыязы. И в тех во всех волостех от воевод война была, и многих людей поимали и побили». Воеводу И.П. Хирона-Яковлева «отпущали по государеву наказу в Ветлугу и в Руткы». На Ветлуге, воспользовавшись отрывом сторожевого полка В.И. Токмакова-Ноздреватого от основных сил, восставшие предприняли нападение, однако воевода сумел разбить их.

Две недели русские войска опустошали марийские земли, но и на этот раз марийцам удалось сохранить свои силы. Уже в феврале того же года они предприняли ответное нападение на Арскую сторону. Они намеревались поднять на восстание татар и удмуртов, однако те укрылись вместе с русскими стрельцами в острогах и «от них отбилися». Попытки захватить остроги также не имели успеха, меткая пищальная стрельба вырвала из рядов марийцев немало воинов. Озлобленные неудачей, «луговые воевали села татарские и пошли на Луговую». Отступить их заставил и успешно проведенный рейд Федора Баскакова, который во главе отряда лыжников из 700 горных людей неожиданно проник в глубокий тыл повстанцев. «Повоевав, людей побили и в полон поимали и животину побили и пришли дал бог здорово».[46]

Весной и летом 1555 г. активных боевых действий не велось, но марийцы продолжали нападать на коммуникации. Русский посланник в Литве Совлук Турпеев сообщал, что «лесные люди на дорога приходя розбивали, и тех сыскав казанские воеводы казнили».[47]

Тем временем Мамич-Бердей настойчиво искал союзников как в Поволжье, так и за его пределами. От ногайцев ему удалось добиться направления к восставшим царевича Ахполбея, с которым прибыло 100 ногайских воинов. Впоследствии этот отряд вырос до 300 человек.[48] Приглашением царевича Мамич-Бердей, видимо, рассчитывал привлечь к восстанию татар и получить поддержку от мусульманских государств. Царевич был весьма заурядной личностью, ничего примечательного в истории края он не сделал, но все же уделим ему внимание. Дело в том, что еще в XIX в.

была допущена ошибка в идентификации личности этого человека. Вопреки зафиксированному в летописи имени Ахполбей историки почему-то стали называть царевича Али-Акрамом—братом казанской царицы Сююмбики и сыном ногайского князя Юсуфа. Впоследствии эта ошибка от многократного повторения получила широкое распространение в исторической литературе. При этом никто не обратил внимания на то, что мурза Али не был чингизидом, т.е. прямым потомком Чингиз хана и поэтому ни при каких обстоятельствах не мог быть царевичем, ни тем более ханом. Правители Ногайской орды вели свой род от князя Едигея и всегда именовались только князьями и никогда не претендовали ни на казанский, ни на астраханский престол, несмотря на то, что имели очень сильное влияние. Кроме того, приглашенный марийцами царевич Ахполбей погиб в самом начале 1556 г., а мурза Али продолжал здравствовать и позднее. В 1556—1558 гг. он активно участвовал в политической жизни орды и даже писал письма Ивану IV.[49] Много лет спустя мурза Али находился на русской службе, его имя неоднократно упоминается в официальных документах даже в 1578 г. с указанием, что он сын Юсуфа, князя ногайского.[50]

Судьба же царевича Ахполбея, как уже указывалось выше, была трагична. Степные наездники не вникли в ситуацию и не уяснили, какое место занимали марийцы в Казанском ханстве, поэтому относились к ним как к подвластному народу, занимались бесчинствами и грабежами. Однако более всего марийцев возмутило уклонение ногайцев от участия в боевых действиях. Из-за этого зимой 1555/56 гг., когда русские предприняли очередной поход против повстанцев, они не смогли удачно противостоять карателям.[51] Это переполнило чашу терпения и вызвало восстание марийцев. Они перебили всех незадачливых союзников и отрубили голову царевичу Ахполбею. Приказав водрузить ее на кол, Мамич-Бердей произнес: «Мы было взяли тебя того ради на царство, с двором твоим, да обороняеши нас; а ты и сущие с тобою не сотворил нам помощи столько, сколько волов и коров наших поел; а ныне глава твоя да царствует на высоком коле».[52]

В литературе определенного свойства обстоятельства гибели царевича обычно или замалчиваются, или искажаются.[53] А авторы школьного учебника «История Татарстана и татарского народа» З.З. Мифтахов и Д.Ш. Мухамадеева, очевидно, запамятовав, к какому жанру принадлежит их сочинение, решили, вопреки достоверным фактам, романтизировать образ царевича, используя принятый в художественной литературе авторский домысел. В разделе «Сражающийся хан» они пишут следующее: «Во время боев героически погиб последний казанский хан Али-Акрам. Он погиб в борьбе за независимость народов Казанского ханства».[54] Располагая полной информацией, читатель сам без труда может разобраться в том, насколько героически, за что и как погиб незадачливый претендент на ханский престол.

Расправа с неоправдавшими себя союзниками произошла накануне больших событий. Противникам России удалось договориться об одновременном наступлении восставших марийцев, осуществлении перевоpo-

та в Астрахани и вторжении в Россию крымских и ногайских войск. Их планам благоприятствовало и то, что Россия вступила в войну со Швецией. Начавшемуся в феврале 1556 г. наступлению предшествовала большая подготовительная работа, поэтому при появлении марийских отрядов на Арской и Побережной сторонах татарское и удмуртское население перебило стоящих гарнизонами стрельцов и присоединилось к восстанию.[55] К сожалению, дошедшие до нас источники не дают никакого объяснения причин присоединения к восстанию населения Арской и Побережной сторон. Действия татар и удмуртов тем более непонятны, если учесть, что перед этим они два года сохраняли лояльность в отношении правительства и даже воевали против луговых марийцев. Вне всякого сомнения, здесь не обошлось без деятельности марийской, ногайской и крымской агентуры. Видимо, использовались уговоры, подкуп, провокации и угрозы. Однако основная причина присоединения татар и удмуртов к восстанию нам видится в ином. За два года подчинения царской администрации крестьяне с лихвой испытали на себе все тяготы произвола и злоупотреблений чиновных и служилых людей, получивших такое широкое распространение в России, что даже возникла угроза успеху правительственного курса. Находившиеся в крае служилые люди в массе своей были сторонниками жестких карательных мер в отношении коренного населения, далекими от понимания принципов государственной национальной политики, более всего заботившиеся о своекорыстных интересах. Из-за продолжительной службы, нерегулярной и неполной выплаты жалованья многие служилые люди находились в сложном материальном положении.[56] В ходе военных действий дворяне могли восполнить недостачу за счет трофеев и продажи пленных, однако в условиях мира открыто грабить было нельзя, и многие служилые люди прибегали к разного рода вымогательствам и произволу в отношении коренного населения. Из-за недостаточной дисциплины администрация не всегда могла, а порой и не хотела пресекать самоуправство. Недовольство населения постепенно накапливалось и, наконец, вылилось в восстание, которое по своим мотивам уже можно отнести к разряду антифеодальных.

Однако общее наступление антироссийских сил потерпело полную неудачу. Ногайцы, занятые междоусобицей, не предприняли набега на русские окраины; крымское войско после большой задержки лишь приблизилось к русской границе, но, узнав о значительных силах, направленных против них, и вспыхнувшей в Крыму эпидемии, поспешило вернуться; попытка переворота в Астрахани закончилась занятием города русскими войсками и включением Астраханского ханства в состав России. Лишь марийским повстанцам удалось добиться относительного успеха. Поставив под контроль все Левобережье и блокировав Казань, Мамич-Бердей в марте 1556 г. с войском в 2000 воинов пришел на Горную сторону и стал склонять горных марийцев и чуваш к участию в восстании. Сотник Алтыш притворно изъявил согласие. Однако, когда потерявший бдительность Мамич-Бердей в окружении 200 своих сторонников прибыл на пир, их напоили и устроили резню. Мамич-Бердей был схвачен, и 21 марта сами

горные люди привезли его в Москву. Поимка руководителя повстанцев вызвала всплеск воодушевления в русской столице. На допросах прославленного марийского вождя присутствовали многие бояре, в том числе А.М. Курбский и сам царь Иван IV. О дальнейшей судьбе Мамич-Бердея ничего не известно, видимо, этот незаурядный человек, которого с полным на то основанием можно назвать национальным героем марийского народа, вскоре был казнен или замучен палачами в застенках. Что касается Алтыша и его людей, то Иван IV по достоинству оценил их услугу. Летописец сообщает, что «царь и государь горних людей пожаловал великим своим жалованьем и всяких им пошлин полегчил».[57]

Провал комбинированного наступления позволил правительству перейти к окончательному подавлению восстания. Были внесены изменения и в тактику борьбы с повстанцами. Против них стали направлять мобильные отряды, сформированные из состава гарнизонов края и лояльного поволжского населения, хорошо ориентирующиеся на местности и имевшие навыки борьбы с противником. В апреле казанский воевода П.В. Морозов предпринял поход на Побережную сторону и занял Чалымский городок, служивший центром повстанцев. В мае этот же воевода совершил поход на Арскую сторону, разгромил восставших «и все Арские места повоевал и побил многых людей и полону вывел безчисленно много». В июне каратели перенесли боевые действия за реки Ашит и Уржумку и «воевали безчисленно много и полон имали, женкы да робят, а мужиков всех побивали». Во время следующего похода правительственные войска во «многых местех воевали и побивали, и Арскую сторону и Побережную до конца в нуже учинили».[58]

К осени восставшие татары и удмурты сложили оружие, и боевые действия были перенесены на марийские земли. Рейды в глубь марийской территории нанесли повстанцам ощутимые потери. Однако теснимые со всех сторон, марийцы продолжали отчаянно сопротивляться объединенным силам могучего государства и его союзников из поволжского населения и даже предпринимали дерзкие набеги в глубь русских земель. Так, зимой 1556/57 гг. один из марийских отрядов пытался захватить Солигалич. Город взять не удалось, но Воскресенский монастырь был сожжен, а его монахи перебиты.[59] Подвергались многочисленным вторжениям нижегородские земли. В Унжеском уезде марийцами были перебиты русские крестьяне.[60]

В апреле 1557 г. марийцы предприняли последнюю отчаянную попытку перехватить инициативу. Их отряды начали вторжения на Арскую и Горную стороны, однако все они были отбиты с большим уроном для повстанцев. На Горной стороне Иосифом Ковровым, командовавшим отрядом детей боярских, стрельцов и горных людей был разгромлен отряд Ахмачека, возглавлявшего после пленения Мамич-Бердея марийских повстанцев. Сам он попал в плен.

Истощив свои материальные и людские ресурсы, марийцы вынуждены были в мае прекратить сопротивление и прислать к русским воеводам своих парламентеров. Сотники Абыз, Енебяк, Мамич-Бердеевы дети и

другие вожди били челом царю «о своих винах, чтобы государь пожаловал их, вину их отдал и учинил в холопстве, как и горных людей, и ясаки велел имати, как прежние цари имали». Вожди Казимир, Кака и Янтемир «с товарыщи» ездили в Москву для челобитья непосредственно Ивану IV. «И царь и великий князь их пожаловал, вины им отдал и грамоту жаловалную дал, как им государю вперед служити». Специально направленные по волостям чиновники привели к присяге черных людей.[61]

Подавление восстания 1552—1557 гг., вошедшее в историю как Первая Черемисская война, позволило России окончательно включить все Поволжье в свой состав. Победа далась нелегко. А.М. Курбский в своих воспоминаниях отмечал: «...толикое множество в то время погибе войска христианского, биющеся и воющеся с ними безпрестанно, иже вере неподобно».[62] Несравненно больший урон понесли народы Среднего Поволжья. Ожесточение дошло до того, что в восставших районах каратели выжигали селения, нарушали хозяйство и убивали все взрослое мужское население, а женщин и детей уводили в плен и обращали в холопов. После прекращения военных действий была проведена перепись. К сожалению ее результаты приводит только Казанский летописец: «И сосчиташа же сами себя изоставшиися казанцы и черемиса воех побитых своих во взятие казанское, и преже взятия и по взятии, татар и черемисы, во граде и в острозех, и в полон сведенных, и от глада умерших, и мразом измерзших, и всячески и везде побитых, ведомых ими и писанных, кроме неведомых и неписанных 757 270».[63] Подсчет, видимо, производился за 12 лет, с 1545 по 1557 гг. Однако приведенное число явно завышено. У Казанского летописца вообще преобладают округления и сильно завышенные числа. Но в этом случае привычного округления нет. Скорее всего, автор «Казанской истории» для того чтобы поразить воображение читателей, произвел обычное в период средневековья в среде летописцев десятикратное увеличение. Если наша догадка верна, то потери марийцев, татар и удмуртов погибшими, уведенными в плен и пропавшими без вести за период с 1545 по 1557 г. равняются 75 727 человекам. Сюда необходимо еще прибавить как минимум несколько тысяч «неведомых и неписанных». Неясно и то, включены ли в это число потери поволжских жителей, сражавшихся на стороне правительственных войск.

Прекращение Первой Черемисской войны означало окончательное вхождение Марийского края в состав России и начало нового этапа его истории.

* * *

[1] ПСРЛ. Т. XIII. С. 228, 526; XX, Ч. 2. С. 538-539; ЦК. С. 331.

[2] ПСРЛ. Т. XIII. С. 229, 526—527; XX, Ч. 2. С. 539; ЦК. С. 331—332.

[3] *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1990. С. 154; *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI—XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань, 1982. С. 16; *Алишев С.Х.* Казань и Москва: Межгосударственные отношения в XV—XVI вв. Казань, 1995. С. 146 и др.

[4] ПСРЛ. Т. XIII. С. 229, 526—527; XX, Ч. 2. С. 539; ЦК. С. 331—332.

[5] Там же.

[6] ПСРЛ Т XIII С 230, 528, XIX С 186, XX, Ч 2 С 540, КИ С 174, ЦК С 335

[7] ПСРЛ Т XIX С 186, КИ С 174

[8] *Щербатов М М* История Российская от древнейших времен Т 5, Ч 2 СПб , 1789 С 11

[9] ПСРЛ Т XIII С 230, 528, XX, Ч 2 С 540, КИ С 174, ЦК С 335-336, Сказания князя Курбского Ч 1 СПб , 1833 С 59

[10] *Тихомиров М Н* Российское государство XV—XVII веков М , 1973 С 91—115, *Наякшин К Н* К вопросу о присоединении Среднего Поволжья к России // ВИ 1951, № 9 С 108-111, *Коробов С А* Прошлое марийского народа Йошкар-Ола, 1957 С 11—14, *Айплатов Г Н* Навеки с тобой, Россия О присоединении Марийского края к Русскому государству Йошкар-Ола, 1967 С 69—84, *Димитриев В Д* История Чувашии XVIII века Чебоксары, 1959 С 129, *Дубровина Л А* Первая крестьянская война в Марийском крае // Из истории крестьянства Марийского края Йошкар-Ола, 1980 С 11—14, *Макаров Д М* Из истории мари Первобытный строй — период феодализма до конца XVII века Йошкар-Ола, 1959 С 61—72, *Ермолаев И П* Указ соч С 16—37

[11] *Бурдей Г Д* Борьба России за Среднее и Нижнее Поволжье // Преподавание истории в школе 1954, № 5 С 27—36, История СССР с древнейших времен до наших дней Т 2 М , 1966 С 175, История Татарской АССР Казань, 1968 С 107—110

[12] Очерки истории СССР Период феодализма конец XV—начало XVII в М , 1955 С 364—365, 668—669, *Шмидт С О* Восточная политика Российского государства в середине XVI в и «Казанская война» // 425-летие добровольного вхождения Чувашии в состав России Тр ЧувНИИ Вып 71 Чебоксары, 1977 С 56, *Алишев С Х* Исторические судьбы народов Среднего Поволжья XVI — начало XIX в М , 1990 С 237

[13] КИ С 89-90

[14] *Цветков П* Джихад в коране и в жизни СПб , 1912 С 14—21, Ислам Краткий справочник М , 1986 С 50

[15] Коран М , 1991 С 55, 123, 126—127, 129—131, 133, 163, 167, 339, 343-345, 347, 349—351, 353—355, 363, 373, 377, 615-623, 627, 747—749, 959—961, 965

[16] *Цветков П* Указ соч С 50

[17] ПСРЛ Т XIII С 523

[18] Там же С 528

[19] *Ермолаев И П* Указ соч С 11

[20] О приписках см *Шмидт С О* Российское государство в середине XVI столетия Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного М , 1984 С 190—216, *Альшиц Д Н* Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // Исторические записки Т 23 М , 1947 С 251—289

[21] Сказания, С 47

[22] КИ С 132

[23] Сказания, С 32, КИ С 161

[24] Сказания, С 66—67

[25] Летописец русский (Московская летопись) //Чтения в императорском Обществе истории и древностей Российских Кн 3 М , 1895 С 14

[26] *Худяков М Г* Указ соч С 155, История Татарской АССР Казань, 1980 С 41, *Алишев С Х* Казань и Москва С 147, *Синицына К Р* История Татарстана и татарского народа Ч 2 Казань, 1995 С 5

[27] *Димитриев В Д* Чувашские исторические предания Ч 1 Чебоксары, 1983 С 85, 89

[28] *Айплатов Г Н* Общественно-политическое движение и классовая борьба в Марийском крае во второй половине XVI века (К вопросу о характере «черемисских войн») // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья Йошкар-Ола, 1990 С 3-4

[29] ПСРЛ Т XIII С 231, Т XX, Ч 2 С 540—541

[30] ПДРВ Ч 9 С 101—103

[31] РК 1475—1605 гг Т 1, Ч 3 С 461—462

[32] Сказания, С 60

[33] ПСРЛ Т XIII С 238—239, XX, Ч 2 С 546—547, Т XXIX С 227

[34] *Худяков М Г* Прошлое Малмыжского края НРФ МарНИИ Оп 1, Д 75 л 55—59

[35] ПСРЛ Т XXIX С 227, Сказания, С 61, В некоторых источниках говорится о 15 000 пленных Ср ПСРЛ Т XIII С 239, Т XX, Ч 2 С 547, РК 1475—1605 гг Т 1, Ч 3 С 463

[36] ПСРЛ Т XIII С 239, Т XX, Ч 2 С 547

[37] Сказания, С 61

[38] ПСРЛ Т XIII С 239, Т XX, Ч 2 С 547

[39] Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским Л , 1979 С 152

[40] Сказания, С 61

[41] Там же С 67

[42] ПСРЛ Т XIII С 241-244, Т XXIX С 229

[43] ПСРЛ Т XIII С 243, Т XX, Ч 2 С 552

[44] ПСРЛ Т XIII С 247, Т XX, Ч 2 С 553—554

[45] РК 1475—1605 гг Т 1, Ч 3 С 475-478

[46] ПСРЛ Т XIII С 246, Т XX, Ч 2 С 553, XXIX С 232

[47] Сб РИО Т 59 С 479

[48] ПСРЛ Т XIII С 265-266, Т XX, Ч 2 С 568- 569, Сказания, С 67

[49] ПСРЛ Т XIII С 276, Т XXXI М , 1968 С 134, ПДРВ Ч 9 С 238, 246, 248, 261, 278, *Татищев В Н* История Российская Т 6 М -Л , 1966 С 261-262, 268

[50] ПДРВ Ч 11 СПб , 1801 С 275, 293—294

[51] РК 1475—1605 гг Т 1, Ч 3 С 500—501

[52] ПСРЛ Т XIII С 265—266, Т XX, Ч 2 С 568, Сказания, С 67

[53] См *Худяков М Г* Очерки, С 158, *Имамов В* Запрятанная история татар (Национально-освободительная борьба татарского народа в XVI—XVIII веках за создание независимого государства) Набережные Челны, 1994 С 13, *Синицына К Р* Указ соч С 6, *Безертинов Р Н* Татары, тюрки — потрясатели вселенной (История Великих империй) Т 3 Набережные Челны, 1997 С 159-160

[54] *Мифтахов З З Мухамадеева Д Ш* История Татарстана и татарского народа Ч 1 Казань, 1995 С 216

[55] ПСРЛ Т XIII С 265, Т XX, Ч 2 С 568

[56] О положении русского дворянства в XVI—XVII вв см *Андреев И* О бедном дворянстве замолвите слово // Родина 1997, № 9 С 37—43

[57] ПСРЛ Т XIII С 266, Т XX, Ч 2 С 569

[58] ПСРЛ Т XIII С 269—270, Т XX, Ч 2 С 571—572

[59] ААЭ Т 2 СПб , 1836 С 177

[60] Акты нижегородских монастырей Печерского и Благовещенского // Нижегородские губернские ведомости 1848, № 5 С 19—20, № 15 С 59, Акты юридические СПб , 1838 С 192

[61] ПСРЛ Т XIII С 281—283, Т XX, Ч 2 С 582—583, Т XXIX С 256

[62] Сказания, С 59

[63] ПСРЛ Т XIX С 186, КИ С 174

Глава 8. Марийский край в 60—90 гг. XVI в.

Марийский народ под властью русского царя

Царская администрация максимально опиралась в управлении Средним Поволжьем на привычные для местного населения традиции. Административно бывшее ханство было поделено на три уезда: Казанский, Свияжский и Чебоксарский. Одновременно сохранилось прежнее разделение на дороги, волости, станы, сотни и десятни. Управление краем осуществлялось из приказа Казанского дворца.[а] Администрацию на местах возглавляли «большие» воеводы, под началом у которых находилось несколько «меньших». Воеводы осуществляли общее и политическое руководство. Все хозяйственные вопросы и делопроизводство находились в компетенции дьяков, заведовавших приказными избами. В их штат входили подъячие, приставы, головы, писари, толмачи (переводчики), рассыльщики, стряпчие и пр. Особые функции выполняли направляемые из Москвы писцы. Они проводили опись земель, строений и имущества, выступали в качестве ревизоров.[1] В низшем звене управления был сохранен традиционный для местного населения институт старост, сотников и десятников. Они избирались общинниками, но обязательно должны были утверждаться администрацией, которая признавала только тех, кто был лоялен режиму. Сотники, десятники и старосты осуществляли связь администрации с населением: доводили до него распоряжения властей, организовывали сбор налогов и выполнение повинностей, снаряжали в военные походы, оказывали содействие в судебно-следственных делах.[2]

Особая роль в контроле за поволжским населением принадлежала головам, которые назначались из русских дворян. Они должны были жить среди нерусского населения и выступать в качестве кураторов. Их главной задачей являлась слежка за тем, чтобы среди подопечных не возникало «шатости и смуты». Кроме того, они контролировали хозяйственную деятельность населения, при необходимости должны были защищать от несправедливостей со стороны кого-либо. Головам вменялось отслеживать появление пришлых людей и вести разведывательную работу «о турецких, крымских, бухарских и ногайских делах». В компетенцию головы входил и суд над крестьянами, который он вершил при помощи ябедников — «лутчих людей» из нерусского населения.[3] Тайный надзор осуществлялся также с помощью новокрещенов, торговцев, представителей служилого сословия и старшины. За обстоятельный донос, если вина действительно подтверждалась, полагалась награда, как правило, часть конфискованно-

[а] Впервые упоминается в 1565 г.

го имущества арестованного. Для содержания возмутителей спокойствия в городах имелись тюрьмы, в Казани таковых, например, было четыре.[4] Кроме того, в городах существовали специальные «аманатные дворы», где содержались заложники из числа наиболее уважаемых представителей коренного населения. Своей жизнью они отвечали за лояльность соплеменников.[5] Целями безопасности был продиктован запрет заниматься местному населению кузнечным и серебряным делом. Этим правительство пыталось затруднить самовольное изготовление оружия. С той же целью была введена «заповедь» на продажу нерусскому населению оружия, военного снаряжения, железа, меди, свинца, олова, ограничена продажа металлических орудий труда.[6] Эти запретительно-ограничительные меры нанесли серьезный удар по хозяйству поволжского населения и, в первую очередь, по его ремеслу. В то же время, надо полагать, что в полной мере эти указы начали действовать не ранее второй четверти XVII в.

Таким образом, после присоединения Среднего Поволжья к России коренное население оказалось под жёстким административно-полицейским надзором. Но в законченном виде эта система не могла оформиться сразу повсеместно. Первоначально она распространилась лишь на Горной стороне и в непосредственной близости от Казани, где власть администрации была более прочной. Для установления полного контроля над Луговой стороной в 60-е гг. еще не хватало сил, и такая попытка могла спровоцировать новое восстание. Своим ожесточенным сопротивлением во время восстания 1552—1557 гг. марийцы отстояли право на известную «автономию» уже в составе России. Царская администрация до поры старалась не вмешиваться в жизнь луговых марийцев. Вплоть до 1574 г. на Луговой стороне не было ни одного города, и представители администрации могли бывать там лишь наездами. Не были приставлены к марийцам и головы. Они появились лишь в конце 70-х гг. В 1580 г. луговые марийцы сообщали ногайцам о том, что к ним недавно поставлены «сторожи».[7]

О слабости царской власти на Луговой стороне свидетельствуют и многочисленные факты происходивших там вооруженных инцидентов. В 1560 г. на Луговой стороне произошло значительное восстание, к которому присоединились и татары. В Москве всерьез опасались нападений «казанских людей» на Казань. Для подавления восстания силами казанского и чебоксарского гарнизонов был организован поход.[8] Писцовая книга по г. Казани за 1565—1568 гг. сообщает о часто возникающей «заворошне» (восстаниях) и регулярных нападениях луговых и кокшайских черемис на служилых татар и чуваш, вынужденных укрываться в Казани. На этот случай администрация выделила им покосы возле города.[9] Хотя и не в прежних масштабах, продолжались грабительские набеги марийских отрядов на русские территории. Галицкий летописец сообщает о том, что в 1568 г. «приходила пешая черемиса» и что при отражении набега погиб воевода В.Ф. Чюредов.[10] Немец опричник Г. Штаден доводит до сведения, что «от луговой и нагорной черемисы» частым ограблениям подвергались проплывавшие по Волге суда.[11]

Обстановка в крае, таким образом, была далека от спокойствия и гро-

зила вылиться в очередное восстание. Тем не менее правительство, увязшее в Ливонской войне, не спешило положить конец самостоятельности луговых марийцев, предпочитая неустойчивый мир новому кровопролитному конфликту. Учитывая сложную политическую обстановку в крае, правительство стремилось действовать взвешенно и гибко. Христианизация, например, проводилась осторожно, без грубых насильственных приемов, преимущественно методами убеждения и предоставления крестившимся экономических льгот и пожалований. В наказной памяти первому казанскому архиепископу Гурию, выданной в 1555 г., рекомендовалось «всякими способами, как возможно, архиепископу татар к себе приучать и приводить их любовию на крещение, *а страхом их ко крещению никак не приводить*» (курсив наш.—А.Б.).[12] Эпизодические акции насильственного обращения в христианство могли происходить лишь в отношении плененных во время подавления восстаний. Марийское население вплоть до XVIII в. оставалось преимущественно языческим. В то же время потенциальная угроза язычеству существовала.

Очень осторожно проводилась правительством аграрная политика. Необходимость закрепления Среднего Поволжья потребовала образования системы русского землевладения в крае. Однако при создании резервного земельного фонда правительство постаралось не затронуть интересы коренного населения. Как уже указывалось выше, в него отошли только бывшие владения хана и оппозиционных татарских феодалов; земли, оказавшиеся бесхозными из-за гибели или бегства владельцев; участки, принадлежавшие бывшим русским полоняникам, которыми их наделили еще в период ханства; обширные пространства ничейного, из-за опасной близости кочевников, «дикого поля» в южных лесостепных районах Среднего Поволжья. Пустующих земель во второй половине XVI в. в регионе было немало, и они раздавались как русским, так и коренному населению. В то же время все обрабатываемые крестьянами земли были сохранены за коренным населением, а правительство своими указами неоднократно запрещало самовольные их захваты кем-либо. Другое дело, что эти распоряжения не всегда соблюдались. Что касается марийских земель, то они и в последующие века почти не раздавались в вотчины и поместья, ибо обстановка в крае была часто неспокойной, русского населения мало, а земля малопродуктивна. Даже в XVIII в. в Марийском крае не было и десятка помещиков и вотчинников, а те, что имелись, обладали небольшими имениями.[13]

Соответственно проводилась и налоговая политика. В исторической литературе закрепилось мнение, что царское правительство после покорения Поволжья будто бы многократно увеличило налоги. Однако, как указывалось выше, население Горной стороны за заслуги перед новой властью несколько раз освобождалось от уплаты ясака, а для жителей Левобережья ясак снизили до нормы начала XVI в. После окончания в 1557 г. Первой Черемисской войны хозяйство поволжского населения оказалось основательно подорвано из-за военных действий и неурожаев. Желая снять напряженность в крае и поднять экономику, правительство по-

шло на освобождение от ясака всего населения Среднего Поволжья Это известно со слов русского посла в Польше В.М. Желнинского, который осенью 1565 г., рассказывая о казанских делах, сообщил, что казанские «ясачные люди были на лготе, что были воеваны, а ныне лготу отсидели».[14] Швейцарский историк А. Каппелер утверждает, что ясачные люди Среднего Поволжья «частью до 1570 г. освобождались от налогов».[15] Но и когда льготы были отменены, нормы налогов остались на уровне начала века. В одной весьма содержательной жалованной грамоте от 1574 г. имеется требование платить налоги «по старине».[16] Однако следует принять во внимание, что фискальная система в Российском государстве была поставлена значительно лучше, чем в Казанском ханстве. Оно располагало центральным ведомством с многочисленным штатом чиновников, занимающимся сбором налогов, и могло проводить регулярные описи хозяйства населения с использованием татарских налоговых книг. Поэтому даже без увеличения норм ясака, только за счет более совершенной фискальной системы, должно было произойти увеличение объема собираемых налогов.

В то же время объемы возложенных на местное население повинностей существенно возросли. Особенно это сказывалось на Горной стороне. В крае полным ходом шло строительство городов, к участию в котором привлекалось местное население. Необходимость оперативной связи, нужды обороны и экономики требовали содержания в надлежащем состоянии дорог и мостов. Объем перевозок значительно возрос, поэтому подводная и ямская повинности стали намного обременительнее, чем раньше. Новой для поволжского населения явилась повинность по сооружению и защите засечной черты, начатой возводиться между Тетюшами и Алатырем в конце 60-х гг.[17] Как и в период ханства, крестьянство оставалось полуслужилым сословием. По царскому указу призывались «летом на далную службу с трех дворов по человеку, а зимою з дву дворов по человеку, а на тамошнюю на ближнюю службу против нагай и против...[b] з двора по человеку».[18] Известно, что в ливонских походах одновременно участвовало 20-30 тыс. представителей народов Среднего Поволжья.[19] Воевали они в составе отдельных корпусов под руководством собственных выборных вождей и голов из русских дворян. Н.А. Фирсов отмечает, что этот корпус «употреблялся в особенности там, где нужно было произвести резню и грабеж».[20] Неудивительно, что в опустошении Ливонии и самых жестоких зверствах над населением европейцы обвиняли как раз отряды, состоящие из представителей населения Поволжья.

В начальный, удачный период войны участие в походах было даже прибыльно. Поволжские ополченцы привозили домой богатую добычу и приводили «немецкий» полон. Вовлечение в военные мероприятия русского правительства позволяло татарам и луговым марийцам в какой-то мере сохранять боевые традиции. Однако война затянулась и приобрела неудач-

[b] В этом месте слово в документе из-за ветхости не читается По смыслу там могло быть написано «крымцев»

ный для России оборот. Потери возросли, а возможность приобрести добычу уменьшилась. Население Среднего Поволжья стало тяготиться затянувшейся войной, отвлекавшей мужчин от семей и хозяйства. Особенно неблагоприятно влияли длительные задержки на фронте на горных марийцев и чуваш. Тесно связанные с земледелием, они и раньше брались за оружие с неохотой.

Учитывая взрывоопасность ситуации в Среднем Поволжье, правительство стремилось, насколько это было возможно, регулировать взаимоотношения русского населения и администрации с местными жителями. В многочисленных указах и инструкциях предписывалось относиться к ним со вниманием, бережливостью и справедливостью. Иван Грозный приказывал, чтобы нерусскому населению Среднего Поволжья «продаж и обид ни от кого ни в чем не было. А пошлин с них в судах никаких не имати... обид и насильства в поминках и в посулах никому ни в чем не чинить, и управу чинить в суде безволокитно».[21] При исполнении повинностей царь указывал не требовать более обговоренного в грамотах. При сборе налогов правительство предписывало учитывать реальные финансовые возможности крестьян: «...брать ясак смотря по людям и по промыслам, сколько мочно», но в то же время, «чтобы казне порухи не было».

Тем не менее на местах гибкая и прагматичная правительственная политика извращалась чиновниками, среди которых было немало ставящих личное обогащение выше государственных интересов. Пользуясь случаем, они старались обобрать местных крестьян. Злоупотребления властью, вымогательства и взяточничество расцвели в Поволжье до невиданных размеров. В судах и учреждениях брали взятки («посулы и поминки»), сборщики ясака произвольно делали дополнительный сбор в свою пользу и в пользу высших должностных лиц. Г. Штаден, останавливаясь на произволе чиновников, пишет, что «в Казанском и Астраханском приказах или царствах они изрядно набили себе машну и в окрестных улусах луговой и нагорной черемисы».[22] О притеснениях татар и черемис пишет и голландский купец И. Масса.[23] Доходило до открытого мошенничества. Удмурты, например, «платили подати каждому русскому, приехавшему к ним в сапогах». Из-за чего налоги приходилось уплачивать «по четыре и более раз в год».[24] Чувашские и татарские предания содержат рассказы о сборе ясака, во время которого у крестьян уводили последних животных, а их самих за недоимки «подвергали телесным наказаниям, били розгами, обливали ледяной водой».[25] Старались не отстать от русских чиновников в обирании тяглого населения и татарские служилые князья и мурзы. Они захватывали их земли и собирали в свою пользу «украдом» подати. Так, князь Башканда Нарушев противозаконно взимал с марийской волости Нали Кукмор «дорогильные пошлины» и со свадеб «куняшную пошлину».[26] Иваном Грозным предпринимались неоднократные попытки пресечь произвол, однако существенных успехов, даже несмотря на жестокие наказания, достичь так и не удалось. Безграничный чиновничий произвол стал одной из основных причин присоединения населения Горной стороны к повстанческому движению.

Тяжелое положение населения Среднего Поволжья усугубляли грабежи разбойников, пожары, неурожаи, эпидемии и эпизоотии.[27]

Таким образом, к концу 60-х гг. XVI в. в Среднем Поволжье сложилась ситуация, готовая вылиться в новое вооруженное восстание.

Вторая Черемисская война 1571—1574 гг.

Второе крупное восстание народов Среднего Поволжья было сложным по характеру и причинам. В восстании 1571—1574 гг. причудливо переплелись национально-освободительные и антифеодальные мотивы. Причем, для луговых марийцев восстание оставалось борьбой за возвращение свободы и независимости, тогда как население Горной стороны выступало в первую очередь против феодальной эксплуатации. Различия в целях борьбы определили раскол движения на радикальное и умеренное крыло. Это же обстоятельство предопределило в дальнейшем и поражение восстания.

Прежде чем перейти к освещению событий Второй Черемисской войны, следует отметить роль в них иностранных государств. После присоединения Поволжья к России в Крыму и Турции нашли прибежище многие казанские и астраханские аристократы. Они поддерживали связь с оставшимися на родине единомышленниками и вынашивали планы восстановления независимости ханств. При этом ставка делалась на крымскую, турецкую и ногайскую помощь. Крымское ханство, Османскую империю и Ногайскую орду также не устраивали успехи России на востоке. Между оппозицией в Поволжье и Крымом шли постоянные сношения, не ускользнувшие, впрочем, от внимания русской разведки. В 1563 г. «казанские люди» вместе с астраханцами, ногайцами и черкесами уговаривали турецкого султана прислать к ним на помощь «турских людей». В 1564 г. от луговых черемис Лаиша и Ламбердея в Бахчисарай прибыл Коштивлей Улан, обратившийся к хану с просьбой предпринять поход на Казань. При этом он заверял в готовности черемис поднять восстание при приближении крымских войск. В 1565 г. двое знатных татар «и вся луговая черемиса» вновь просили прислать к ним царевича «с воинскими людьми». Явно преувеличивая, они сообщили хану, что «в сборе у них луговой черемисы 60 000».[28]

Крымские и турецкие правители не остались глухи к этим обращениям. Многократно предпринимались действия по оказанию помощи антимосковским силам в Поволжье. В 1558 г. два отряда крымцев в 100 и 300 человек проникли в Среднее Поволжье. Первый был уничтожен русскими под Увеком,[c] второй отряд смог прорваться на Горную сторону, где ему удалось захватить большой полон. Однако крымцев сами «горние люди Кочак князь с товарыщи, собрався, побили на голову и полон весь отполонили».[29] В 1559 г. еще один крымский отряд из 250 всадников попытался добраться «до казанских мест», однако был уничтожен русской заставой

[c] Недалеко от современного Саратова.

недалеко от Азова.[30] Всего же с 1559 по 1570 гг. произошло 15 вторжений крымцев в Россию. И это были не просто обычные грабительские набеги, они преследовали и политическую цель. Крымский хан в своих посланиях Ивану Грозному настойчиво требовал передачи ему Астрахани и Казани.[31]

Заодно с крымцами действовали ногайцы. С 1563 г. князем Ногайской орды стал Тинехмат, который формально признавал себя вассалом Москвы, но фактически пошел на сближение с Крымом. Осенью 1565 г. его послы говорили крымскому хану: «Если ты царевича в Казань с войском отпустишь, то дай нам знать, мы сыну твоему готовы на помощь».[32] Одновременно провоцировал на восстание население Приуралья и сибирский хан Кучум.[33]

К концу 60-х гг. условия для восстания в Поволжье созрели, оставалось только дождаться удобного момента. В ноябре 1568 г. в Москву поступило известие, что в Бахчисарай приезжали казанский татарин и черемисы Мустафа и Алиш. Они просили хана предпринять поход на Свияжск и заверяли его в том, что к восстанию готовы примкнуть уже 70 000 человек.[34] Летом 1569 г. состоялось вторжение крымско-турецких войск. Они попытались захватить Астрахань, но потерпели полную неудачу, из-за чего восстание пришлось отложить. Успех был достигнут лишь летом 1571 г., когда Девлет-Гирею удалось прорваться к Москве и сжечь ее, не был взят только Кремль. Одновременно произошло нападение ногайцев на Тетюши и Алатырь.[35] Покидая сожженную Москву, хан писал Ивану Грозному: «Жгу и пустошу Русь единственно за Казань и Астрахань» и требовал незамедлительной передачи ему этих городов.[36] С аналогичными требованиями выступал и турецкий султан Селим II (1566—1574 гг.). В стамбульском архиве обнаружены копии его посланий русскому царю Ивану Грозному и крымскому хану Девлет-Гирею, датированные 7 октябрем 1571 г. В своем первом послании султан, используя успех крымских войск, ультимативно требует освобождения Казани и Астрахани от русских, ибо эти города испокон веков были владениями мусульман. Султан пишет, что если царь Иван не исполнит его требование, то не будет возможности для мирных и дружественных взаимоотношений между Россией и Османской империей. С учетом того, что Турция являлась в то время одной из самых сильнейших евроазиатских держав и то, что Россия настойчиво добивалась установления добрососедских отношений с нею, нетрудно представить, насколько трудная задача встала перед Иваном Грозным и правительством разоренной опричниной и Ливонской войной и крымскими вторжениями страны.

В письме Девлет-Гирею султан отдает распоряжение о новом вторжении в Россию с целью освобождения упомянутых городов. При этом указывается куда необходимо было наступать, какими силами и кто из военачальников должен был участвовать в походе.[37] Послания турецкого султана не оставляют сомнения в том, что Османская империя выступала организатором и координатором антироссийских акций. Очевидно и в подготовке очередного восстания в Поволжье турки приняли непосредственное участие.

Значительный успех крымцев послужил сигналом к началу восстания в Поволжье. На эту взаимосвязь обратили внимание еще современники.[38] Восстание, видимо, началось в декабре 1571 г., во время мобилизации на Ливонский фронт. К лету 1572 г. восстанием уже было охвачено все Среднее и Нижнее Поволжье и Приуралье. Отряды повстанцев стали осуществлять набеги на вятские, пермские, нижегородские и костромские земли. Так, Галицкий летописец сообщает о том, что 29 июня черемисы нападали на городки Чухломского уезда Судай и Павлуйво.[39] На Каме действовал отряд повстанцев, костяк которого состоял из 40 черемис. Ему удалось уничтожить 87 торговых людей и «ватащиков».[40] Штаден писал о восстании: «Тогда поднялся народ обеих царств[d] и отправился в страну великого князя, пожег много незащищенных городов и увел с собою великое множество русских полоняников, не считая тех, которые были убиты на смерть».[41] В сохранившихся фрагментарно нижегородских дозорных книгах имеется много упоминаний о сожженных «от черемисских людей войны» деревнях и селах.[42] По Суре и Волге восставшими были разорены владения и побиты крестьяне суздальского Спасо-Евфимиева монастыря.[43] Как и прежде, марийцы в этом восстании играли ведущую роль и предпринимали весьма отдаленные походы. Например, имеются сведения о том, что они вместе с татарами и ногайцами принимали участие в блокаде Астрахани.[44]

В начале августа 1572 г. русские нанесли поражение крымско-ногайскому войску, вновь прорвавшемуся к Москве. Тогда же была устранена угроза нападения сибирского хана Кучума. Это позволило незамедлительно приступить к подавлению восстания. В Приуралье из стрельцов, охочих людей, казаков и верных правительству хантов и манси были сформированы отряды, незамедлительно приступившие к операциям против восставших. При этом широко практиковалось переманивание повстанцев на свою сторону предоставлением амнистии, налоговых льгот и пожалованием конфискованного у участников восстания имущества.[45] Благодаря принятым мерам восстание в Приуралье вскоре было подавлено.

Зимой 1572/73 гг. правительство организовало поход «на изменников на казанскую на горную и луговую черемису». Когда войска пришли в Поволжье, к ним присоединились отряды местных гарнизонов, в составе которых были и оставшиеся лояльными царю представители нерусского населения. Охваченные восстанием районы подверглись опустошению, и повстанцы вынуждены были «бить челом» государю «о своих винах».[46]

На этом восстание в Среднем Поволжье могло бы и завершиться, однако это не устраивало враждебные России мусульманские государства. Вновь активизировали свои действия сибирский хан Кучум и крымский Девлет-Гирей. Их отряды стали вторгаться в русское приграничье. Из Ногайской орды на помощь луговым марийцам прибыл отряд, возглавляемый мурзами Ямгурчеем, Айшекулом, Абызом и Шиторой.[47] Иностранная поддержка позволила продолжить восстание.

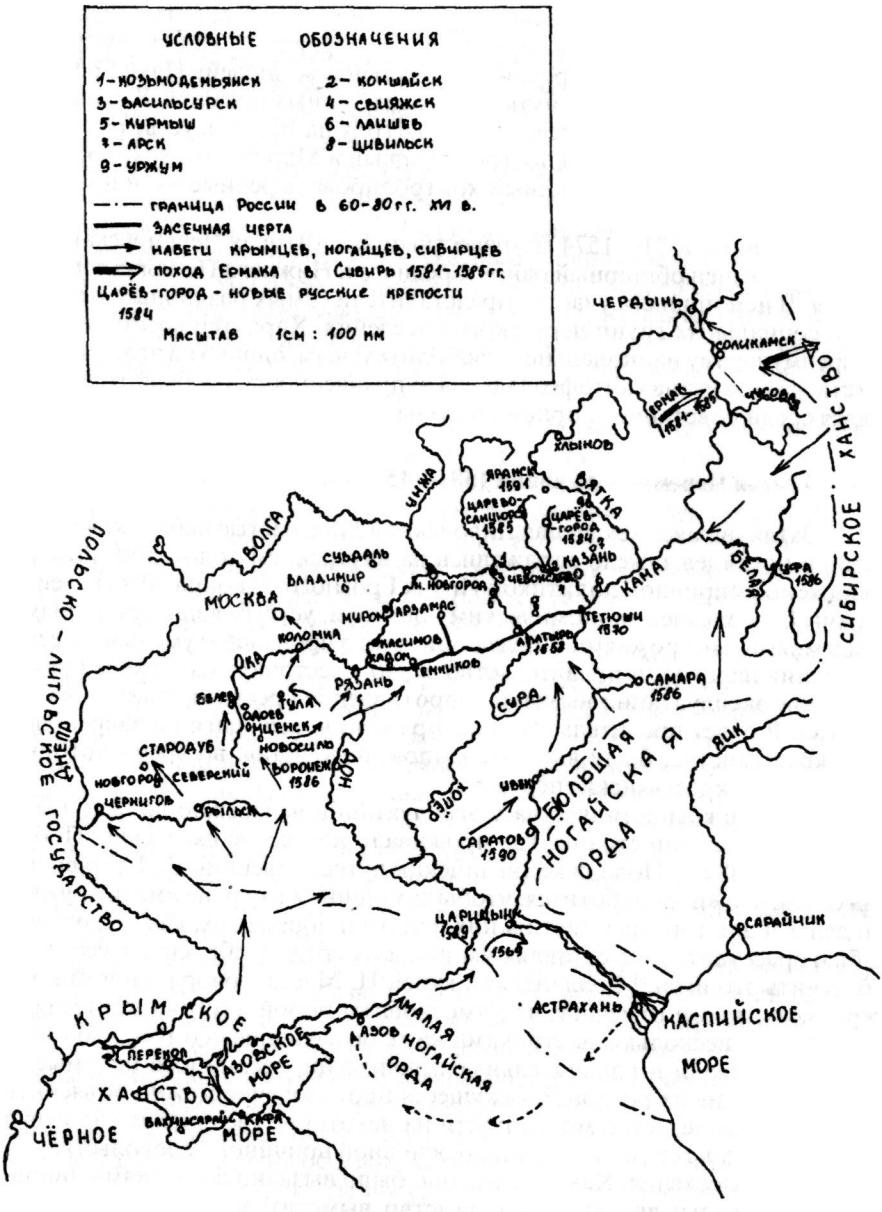
---

[d] Имеется в виду Казанское и Астраханское царства или ханства.

Летом 1573 г. из Курмыша «в черемису» было направлено войско из трех полков численностью 8000 человек. Его возглавили воеводы И.С. Туренин и Ф.М. Лобанов-Ростовский.[48] Но поход не достиг успеха. По сообщению польской разведки, восставшие черемисы разгромили царское войско и осадили Казань. Однако уже осенью польская агентура докладывала о подавлении восстания в Нижнем Поволжье и захвате русскими столицы Ногайской орды Сарайчика.[49] Вскоре был уничтожен и ногайский отряд, действовавший совместно с луговыми марийцами. В письме ногайскому князю Тинехмату Иван Грозный так писал об этом: «...которые нам казанские земли Свияжского города горние люди прямили, сведав их воровство и без нашево ведома на них ходили; да их побили».[50]

После заключения перемирия на западном фронте появилась возможность приступить к подавлению восстания в Поволжье. К зиме значительные силы правительственных войск были сосредоточены в Муроме, Елатьме, Плесе, Нижнем Новгороде и Шуе.[51] Иван Грозный был тонким прагматичным политиком. Прежде чем отдать приказ о начале карательной акции, он направил к повстанцам парламентеров «спросить, что же думают они делать и хотят ли они быть у него в послушании, или нет. Если они хотят быть ему послушными, то пусть захватят всех начальных людей, которые начали эту игру. А коли нет — он пойдет на них со всем своим войском и уничтожит их. И пусть они отпустят еще на свободу всех русских».[52] Повстанцам, прекратившим сопротивление, объявлялась амнистия. В выданных правительством жалованных уставных грамотах содержались обязательства упорядочить систему налогов и повинностей, устранить притеснения со стороны администрации и служилых людей. Суд должен был вершиться «безволокитно» и «беспошлинно», с обязательным участием выборных представителей от местного населения. Жителям также давалось право напрямую, в обход администрации, жаловаться царю на притеснения.[53] Предложенные условия устроили умеренное крыло восставших: «...горная и луговая черемиса, государю все добили челом за свою вину, в Муром приехав, и государь их воевать не велел и к шерти их бояря привели».[54] Иван Грозный приветливо встретил представителей повстанцев и «жалованье дей або поминки великие им дал», а после принесения присяги они получили еще «дары великие... и были честованы через несколько дней великими достатки». Для того, чтобы «дары давать татаром», Ивану Грозному пришлось конфисковать товары у русских купцов, т.к. казна была истощена.[55] Присутствовавшие на мирных переговорах представители повстанцев «заявили от имени своей земли, что они готовы захватить главарей, и пусть великий князь пошлет за своими русскими пленниками и всех их выведет».[56]

Непримиримая же часть повстанцев, преимущественно луговые марийцы и татары, не сложили оружие и еще в течение 1574 г. предпринимали отчаянные попытки переломить ситуацию. Под Казанью они сожгли Зилантов монастырь и увели в плен русских крестьян.[57] Возле Нижнего Новгорода восставшим удалось разбить высланный против них отряд, при этом они убили «дворян 36 человек, а иных в полон взяли».[58]



Восточная Европа в 60—80-е гг. XVI века

В апреле 1574 г. на Луговую сторону пришлось направить войско, которое и нанесло восставшим окончательное поражение. Рядовые участники движения были амнистированы, «начальных же людей» Иван Грозный «приказал разорвать на согнутых деревьях, а иных посадить на кол. Это было в назидание всей земле».[59] В том же году на Волге, в устье рек Большая и Малая Кокшага, был построен первый в Марийском крае город — крепость Кокшайск, призванный контролировать речные пути и марийские земли.

Восстанием 1571—1574 гг., известным как «Вторая Черемисская война», был охвачен обширный район Среднего и Нижнего Поволжья и Приуралья. В нем приняли участие представители самых различных этнических и социальных групп нерусского населения. Характер восстания был по преимуществу национально-освободительным, однако на этот раз присутствовала заметная антифеодальная направленность, особенно проявившаяся среди повстанцев Горной стороны.

Третья Черемисская война 1581—1585 гг.

Затянувшаяся неудачная Ливонская война, частые набеги крымских татар и ногайцев тяжело отражались на внутреннем положении России, разоряемой опричной политикой Ивана Грозного. С конца 60-х гг. центр страны был охвачен экономическим кризисом, усугублявшимся частыми эпидемиями и неурожаями.[60] Вследствие этого произошло уменьшение поступления налогов, и правительство стало ужесточать налоговое бремя. Усиление эксплуатации вызвало сопротивление крестьян, участилось их бегство. В ответ правительство предприняло новые шаги по закрепощению крестьянства, были введены «заповедные лета», во время которых запрещались крестьянские переходы.

Усиление крепостничества и эксплуатации неизбежно должно было коснуться и окраин страны, где проживало нерусское население. Побывавший в 1588 г. в Поволжье английский путешественник Д. Флетчер писал о том, что «царь заботится, чтобы тамошние жители не имели оружия, ни денег и для того налагает на них подати и обирает их, как только ему заблагорассудится, не оставляя им никаких средств сбросить с себя или облегчить это иго».[61] Голландский купец И. Масса, говоря о ногайцах и черемисах, также отмечает, что «московиты порой жестоко притесняли их». Однако несколькими строками ниже он же написал о том, что «московиты даровали им значительные привилегии, весьма ими ценимые, и благосостояние их росло».[62] Кажущееся противоречие можно объяснить тем, что правительство могло пойти на некоторое увеличение налогов в конце 70-х—80-е гг., но не это стало основной причиной недовольства поволжского населения. Как и ранее, оно было вызвано действиями чиновников и служилых людей, чье мздоимство, вымогательства и притеснения вызывали возмущение. Особенно широкий размах произвол получил на Горной стороне.[63] О том, каких масштабов он достиг, свидетельствуют царские наказы воеводам. От второй половины XVI в. до нас, к сожалению,

не дошел ни один такой наказ. Однако от XVII в. сохранился целый десяток. Это грамоты казанским воеводам за 1613, 1649, 1677, 1686 и 1697 гг.; чебоксарскому воеводе за 1613 г.; свияжскому за 1624 г.; царевококшайскому за 1628 г.; кокшайскому за 1645 г. Сюда же можно присовокупить наказную грамоту, выданную курмышскому воеводе в 1701 г.[64] В основе своей наказные грамоты воеводам схожи по содержанию. В некоторых имеются ссылки на аналогичные более ранние грамоты. Так, в наказной грамоте свияжскому воеводе А. Новикову записано, что «делати им всякия государевы дела, по прежним указным столповым грамотам, каковы государевы грамоты посылываны в Свияжской наперед сего, в прошлых годех».[65] Такое указание позволяет нам с помощью наказных грамот XVII в. ретроспективно восстановить содержание грамот конца XVI в. и выяснить вопрос о распространении произвола, злоупотреблений и взяточничества среди представителей администрации.

Судя по тому, что практически во всех наказах в очень категоричной форме и многократно приказывается не допускать злоупотреблений в отношении нерусского населения, оно должно было иметь широкое распространение. В той же грамоте указывается «во всяких делех татар и чувашу и черемису для своей корысти ни в чем не жесточити, и над толмачи и над приставы смотрети и беречи накрепко, чтоб они в Свияжском городе и уезде ездя для государева дела, татаром и чуваше и черемисе продаж и убытков и насильств и налогов никаких ни в чем не чинили, и кормов своих и конских никаких даром не имали, а покупали б корм свой и конский ценою, чтоб в том татаром и чуваше и черемисе от толмачей и от приставов продаж и убытков напрасных не было». Над детьми боярскими и над приказными людьми предписывалось осуществлять строгий надзор, чтобы они «татаром и чуваше и черемисе в сборе налогов и обид и тесноты никакие не делали». И самому воеводе строжайше указывалось «татаром и чуваше и черемисе обид и продаж и тесноты никакие по томуж не чинити... и посулов и поминков ни у кого не от чего не имати никоторыми делы. И во дворе у себя руским людем и татаром и черемисе никакова изделья делати не велети... А людем бы напрасныя тягости и налогов и насильства ни от кого ни в чем не было».[66]

Запреты, содержащиеся в прочих наказных грамотах, дополняют картину распространения произвола. Интересна в этом отношении грамота кокшайскому воеводе А.П. Суровцеву за 1645 г. В ней кроме запрета на вымогание «поминков и посулов» содержится требование следить за тем, чтобы «приставы б и толмачи и всякие люди на черемису изменных и никаких дел напрасно нихто ничево не затевал». Речь идет о ложных обвинениях против представителей местного населения с целью завладения их имуществом. Этому способствовала неспокойная политическая обстановка в крае. Из той же грамоты мы узнаем, что служилым людям случалось захватывать марийцев, отвозить их в иные города и там продавать в холопы. Для полноты картины следует сказать, что и сами марийцы промышляли захватом русских людей для последующей продажи или насильно удерживали их в своих селениях. Так, воеводе предписывается следить за

тем, чтобы «кокшайская черемиса русских людей нигде не побивали и не бусурманили и из городов не свозили, не продавали, и во дворех бы себе черемиса однолично русских людей не держали». Задолжавших «татар и чувашу, и вотяков и башкирцов, и черемису, и мордву, и их жен, и детей», и их ясачные земли указывалось «в закладные записи, и в кабалы, и иные крепости» не писать. Видимо, это тоже было широко распространено в Поволжье. В грамоте требовалось, «чтоб сверх государевых указных податей в Кокшайском с посадцких и со всяких уездных ясашных людей никаких зборов не было и никому б ничего без государева указу не давали». Добиваясь того, чтобы не было «насильств» над нерусским населением, царь «у государевых и всяких дел велел быть русским людем старостам и целовальникам за крестьным целованьем добрым и пожиточным, а не вором, и ябедником, и не горланом, и не бражником».[67]

После подавления восстания 1571—1574 гг. царская администрация посчитала, что наступило удобное время для ликвидации «автономии» луговых марийцев. Их начали все более ставить под контроль, разоружили и отняли даже лучших лошадей, которых можно было бы использовать в бою. В селения к марийцам, для присмотра за ними, поставили голов.[68] Утрата независимости привела к оттоку марийского населения на Урал.[69] Позиции России в Приуралье были еще слабы, и это позволяло марийцам обрести там снова свободу и даже производить набеги. Их разбойные действия на уральских реках приобрели такой размах, что в 1576 г. правительство вынуждено было направить специальную судовую рать во главе с князем Тюфякиным и головой Нарышкиным, чтобы усмирить «непокорных черемис и чтобы отучить их от нападения на пермские пределы».[70] Оставшиеся на родине скорбели по потере самостоятельности. Английский путешественник Д. Горсей, в 1573—1591 гг. неоднократно бывавший в России по делам Московской компании, написал о завоевании Поволжья, что «это разорение до сего дня служит темами для скорбных рассказов и песен среди тех народов».[71]

В Поволжье назревало новое восстание. Уцелевшая верхушка оппозиционной знати тайно поддерживала связь с Крымом и Ногайской ордой.[72] В Ногайской орде к власти пришел князь Урус, который открыто пошел на заключение с Крымом и Турцией союза против России, после чего стали производиться совместные набеги на Россию.[73] К этому времени воинственные марийцы снискали себе авторитет последовательных противников России, поэтому в начале 1580 г. ногайским правителем «в луговую черемису», а не к татарам были присланы четверо посланников во главе с Баубеком Купчаком. Им было поручено склонить марийцев к совместным действиям против русских: «...чтоб черемиса с Урусом князем за один с государем завоеватися».[74] В начале 1581 г. в Васильсурске произошел инцидент, поставивший Россию и Ногайскую орду на грань войны. Возвращавшееся из Москвы ногайское посольство не пожелало останавливаться на ночлег там, где им указали русские чиновники. Не исключено, что ногайцы попытались связаться с марийцами. Произошедший спор вылился в вооруженную стычку, в которой были убиты 6 русских и 2 ногайцев,

среди них и посол. Это стало формальным поводом для ногайских набегов.[75]

Активизация ногайцев и крымцев и успешное наступление на западном фронте польского короля Стефана Батория, который осадил Псков и угрожал Новгороду, создало благоприятные условия для начала нового восстания в Поволжье и Приуралье. О том, что такое восстание назревает, русское правительство знало. Еще в марте 1581 г. оно опасалось начала восстания и отдавало соответствующие инструкции.[76] Однако восстание началось в Приуралье, где подстрекаемые сибирским ханом ханты и манси собрались в отряд из 680 человек во главе с мурзой Бегбелием Агтаковым и атаковали Сылвянский острог.[77]

Осенью подняли восстание луговые марийцы. Зимой 1581/82 гг. чебоксарский и свияжский гарнизоны попытались подавить восстание своими силами, но потерпели неудачу.[78] После этого восстание перекинулось и на Горную сторону. К нему присоединились татары, удмурты, чуваши и башкиры. Отряды восставших начали нападения на русские территории. Повстанцы, «пришедше на пределы Российского государства, якоже и прежде, пленующе намнозе»,— пишет летописец.[79] В изданной в 1620 г. в Лейпциге книге шведский путешественник П. Петрей, рассказывая о вятчанах, написал, что черемисы «часто нападают на них с огнем и мечом и приносят домой много добычи».[80] Отряды восставших угрожали Хлынову, ими были сожжены деревни всего в трех верстах от города.[81] Дозорная книга дворцовых сел и деревень по Нижегородской земле за 1588 г. сообщает, что в 14 селах, 116 деревнях и 70 пустошах на 1044 жилых крестьянских двора приходилось 616 пустых и мест дворовых, «а дворы пожгла черемиса». Из-за «черемиской войны» многие крестьяне подолгу находились «на льготе». Дозорные книги по вотчинным и помещичьим владениям сохранились фрагментарно, все же и они свидетельствуют о серьезном ущербе, причиненном вторжением восставших марийцев.[82] Успехи повстанцев были настолько ощутимыми, что в разрядных книгах вновь появился подзабытый термин «казанские украйны».[83]

Обеспокоенное правительство вынуждено было принимать срочные меры. 15 января 1582 г. оно заключило перемирие с Польско-Литовским государством. Это высвободило необходимые силы для подавления восстания. Благоприятно для России складывалась и ситуация в Крыму, где разгорелась борьба за власть между сыновьями и внуками умершего Девлет-Гирея.[84] А направленное из Казани войско вынудило отступить ногайцев.[85]

Весной 1582 г. ладейные русские рати заняли переправы по Волге, Каме и Вятке. Осенью против восставших было послано сразу два войска. Одно — «луговые черемисы воевать», другое — «горней черемисы воевать». Всего в походе участвовало 8 полков.[86] Когда войска прибыли в Поволжье, к ним присоединились отряды оставшегося лояльным местного населения. Участие представителей поволжского населения, преимущественно служилых татар, в подавлении восстаний подтверждается грамотами и писцовой книгой Казанского уезда за 1602—1603 гг.[87]

Операции против восставших приняли затяжной характер. По словам летописца, повстанцы «аки звери суровстии противияхуся против рати московские».[88] П. Петрей пишет, что повстанцы могли «выставить в поле 20 тысяч войска». По его словам, это были умелые и мужественные люди, когда они «идут на неприятеля, вооружаются все, и мужчины и женщины, стреляют назад и вперед себя[c] в неприятеля, который и обращается в бегство».[89] Восставшие использовали партизанские методы борьбы и наносили царским войскам ощутимый урон. Летописец так написал об этом: «...аки змеи ядаху человека жалы своими, тако же и они погании побиваху московских людей, овогда на станах, овогда на походех; бояре же и воеводы не можаху их обратити».[90] Тем не менее к весне 1583 г. восстание на Горной стороне было подавлено. В источниках больше не упоминается о карательных походах туда. В то же время восстание луговых марийцев продолжалось. Они не только оборонялись, но и сами совершали дерзкие набеги. В Галицком летописце сообщается о появлении отрядов черемис на правом притоке Унжи р. Виге в Костромской земле.[91] Не исключено, что повстанцы могли доходить и до Арзамаса. Ничем другим нельзя объяснить то, что в разрядных книгах зафиксировано усиление его гарнизона и назначение воеводы «для вылоски».[92]

14 апреля 1583 г. на Волгу была направлена ладейная рать из трех полков для блокады речных путей и переправ. Тогда же был поставлен второй в Марийском крае город — крепость Козьмодемьянск, призванный взять под контроль Волгу и населенную марийцами территорию. Летом в новом городе было сосредоточено войско, которое совершило карательный поход против луговых марийцев.[93] Летопись сообщает, что «тогда Луговую сторону воевали и многие улусы по Луговой стороне разорили... и татар и черемисы побили много». Однако и русские понесли потери, были ранены даже воеводы Ф. Янов и П. Пивов.[94]

Зимой 1583/84 гг. «воевать луговую черемису» было направлено новое войско из пяти полков.[95] Повстанцы отчаянно сопротивлялись. Весьма точно отразил происходившее великий русский историк Н.М. Карамзин: «...бунт черемисский продолжался до конца Иоанновой жизни с остервенением удивительным: не имея ни сил, ни искусства для стройных битв в поле, сии дикари свирепые, озлобленные, вероятно, жестокостию царских чиновников, резались с московскими воинами на пепле жилищ своих, в лесах и в вертепах, летом и зимою, хотели независимости или смерти».[96] Несмотря на многократные карательные походы, к лету 1584 г. восстание луговых марийцев так и не было подавлено. Польский посол в Москве Лев Сапега в письме папскому легату Болоньети от 10 июля писал о том, что «черемисы свергли иго».[97]

После смерти 18 марта 1584 г. Ивана Грозного на трон вступил его слабоумный сын Федор (1584—1598 гг.). От его имени страной стал управлять хитрый и властолюбивый шурин царя Борис Годунов. Новое правительство продолжило подавление восстания. В августе — сентябре 1584 г.

[c] Имеется в виду стрельба из лука с лошади.

против луговых марийцев направили три полка, которые «воров перевешали, а в большой волости, в Тутаеве, от которой все воровство сталось, город поставили».[98] Несомненно, что речь идет о Царёве городе, известном позднее как Царевококшайск, еще позже как Краснококшайск, а ныне — столица Республики Марий Эл Йошкар-Ола. Подтверждение о возведении города в 1584 г. встречается еще в одной летописи, исследованной М.Н. Тихомировым, в которой говорится: «Лето 7092[f]. Того же году и в черемисе Царёв город».[99] Факт заложения Царёва города в августе 1584 г. был подтвержден в специальных исследованиях марийских историков К.Н. Санукова и А.А. Андреянова.[100] Осенью в земли луговых марийцев было направлено войско, которое доставило в новую крепость пушки и припасы. Однако основной целью этого похода было завершение разгрома восставших. В разрядной книге записано, что полки «ходили луговые черемисы воевать».[101]

С осени 1584 г. восстание пошло на убыль. Сменявшие друг друга рати обескровили повстанцев, их отряды были разбиты, селения разорены, а в центре земель возведена крепость. Существенной помощи от Крыма, Турции, Ногайской орды не последовало. Сибирское ханство получило смертельный удар от казаков Ермака и доживало последние дни. Немаловажным в деле замирения края стало и то, что правительство надеялось не только на силу, но и на дипломатию. По словам Н.М. Карамзина, «Годунов более умом, нежели мечем, смирил мятежников, уверив их, что новый царь, забывая старыя преступления, готов, как добрый отец, миловати и виновных в случае искренняго раскаяния».[102] Сложившим оружие были обещаны амнистия и щедрые подарки.[103] Летопись сообщает, что марийцы «к такому праведному государю, без войны и без крови приидоша вси покорением и прошаху милости».[104]

Принесение присяги состоялось, очевидно, весной или летом 1585 г. В одной из летописей говорится, что «в лето 7093[g] добили челом государю царю и великому князю Федору Ивановичу всея Руси черемиса вековым миром».[105] Как было показано выше, осенью и зимой 1584 г. еще происходили карательные операции против восставших, следовательно, заключение мира могло случиться лишь в 1585 г. и скорее всего летом, т.к. до того состоялся еще один поход с целью построения крепости Царевосанчурск. При этом «для бережения воинских людей» было послано три полка.[106] Однако о каких-либо столкновениях с восставшими на этот раз не упоминается.

По своим движущим силам и целям восстание 1581—1585 гг. в основе своей являлось антифеодальным движением. Стремление отстоять независимость хотя и было, но уже не проявлялось так ярко как прежде.

Последняя «Черемисская война» произошла зимой 1591/92 гг., когда Россия вела тяжелую войну против Швеции и Крыма. Это было сравнительно небольшое восстание. В разрядной книге имеется лишь краткая

---

[f] 7092 г. соответствует 1 сентября 1583 г. — 31 августа 1584 г.

[g] 7093 г. соответствует 1 сентября 1584 г. — 31 августа 1585 г.

запись о том, что «зимою изменили государю казанские луговые черемисы 12 волостей».[107] По словам И. Масса, они разоряли окрестности городов, но представляли собой «развращенную шайку, подстрекаемую несколькими негодяями, бывшими ее атаманами».[108] Против восставших сразу же направили войско из трех полков, сформированное преимущественно из наемных немецких и польских головорезов. Лишь только стало известно о приближении войск ,«мятежники сами разошлись и рассеялись».[109] Видимо, прямым следствием похода стало возведение еще одной крепости на марийской земле — Яранска.

К сожалению, никаких имен повстанцев периода 70—90-х гг. источники не упоминают. Лишь в марийском фольклоре встречается несколько легендарных образов. Это вождь Акмазик, который попал в плен и был казнен, и Кокша-богатырь, защищавший марийцев от произвола чиновников. За это он пять лет сидел в тюрьме, затем бежал и возглавил отряд восставших. Некий Мамай за сопротивление карателям в 1592 г. возле Яранска был живьем зарыт в землю.[110]

Хорошо известна легенда о богатыре Чумбулате, который даже после смерти продолжал защищать марийский народ, выезжая по призыву из могилы в каменном утесе с оружием на своем боевом коне. И какие бы враги ни появлялись, Чумбулату всегда удавалось защитить свой народ. Однако мальчишки из озорства стали понапрасну тревожить сон богатыря. Несколько раз выезжал он из могилы, готовый к смертельной схватке, и не видел врагов. Разгневался тогда богатырь на марийцев и навсегда ушел в могилу. «Не стало с тех пор у народа защитника. Начались войны, и некому было заступиться за черемисов»,—гласит легенда. Напрасно взывали марийцы к своему заступнику, Чумбулат не вернулся, а с его уходом потеряли марийцы и свою независимость, в жертву которой они принесли столько крови.[111]

Эпоха «черемисских войн» завершилась в 1592 г., хотя и в последующие годы марийцы неоднократно брались за оружие. Так персидский дипломат Орудж-бек Баят, проехавший по Волге в 1599 г., оставил запись о том, что в Казани и Нижнем Новгороде постоянно опасаются нападений татар и турок (?).[112] Очевидно, дипломат под турками имел в виду черемис, наименование которых он или не знал или забыл. Выступления поволжского населения происходили и в XVII и XVIII вв., но характер их был уже иным. Если во время «черемисских войн» восставшие в той или иной мере стремились к достижению независимости, то впоследствии народные восстания приобрели антифеодальный характер и слились с антикрепостническим движением русского крестьянства.

* * *

[1] *Ермолаев И.П.* Управление Казанским краем во второй половине XVI века // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в периоды феодализма и капитализма. Чебоксары, 1982. С. 3—7.

[2] *Алишев С.Х.* Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI — начало XIX в. М., 1990. С. 188.

[3] *Фирсов Н.А.* Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. Казань, 1866. С. 105.

[4] ПКК. 1565—1568 гг. С. 12.

[5] *Фирсов Н.А.* Указ. соч. С. 186; Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 80.

[6] *Димитриев В.Д.* Политика царского правительства в отношении нерусских крестьян Казанской земли во второй половине XVI — начале XVII вв. // Вопросы аграрной истории Чувашии. Чебоксары, 1981. С. 10.

[7] РГАДА. Ф. 127. Ногайские дела. Кн. 9. л. 152—153 об., 160.

[8] РК. 1475—1605 гг. Т. 2, Ч. 1. М., 1981. С. 86—87.

[9] ПКК. 1565—1568 гг. С. 48, 52.

[10] *Кунцевич Г.З.* История о Казанском царстве или Казанский летописец. СПб., 1905. С. 603.

[11] *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. Л., 1925. С. 98.

[12] ААЭ. Т. 1. СПб., 1836. С. 261.

[13] *Иванов А.Г.* Очерки по истории Марийского края XVIII века. Йошкар-Ола, 1995. С. 45.

[14] Сб.РИО. Т. 71. СПб., 1892. С. 323.

[15] *Kappeler A.* Russlands erste Nationalitäten. Das Zarenreih und die Völker der Mittleren Wolga vom 16 bis 19 Jh. Köln—Wien, 1982. S. 102.

[16] История Марийского края в документах и материалах. Эпоха феодализма. Вып. 1. Йошкар-Ола, 1992. С. 48.

[17] *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. Ч.3. Чебоксары, 1988. С. 37; *Алишев С.Х.* Исторические судьбы, С. 183.

[18] История Марийского края, С. 48.

[19] ПСРЛ. Т. XIII. С. 349, 364; Т. XIV. С. 309; Т. XX, Ч. 2. С. 593; Т. XXI. С. 133; Т. XXIX. С. 304—305; Т. XXXI. С. 133—134; Сб.РИО. Т. 71. С. 154, 323; РК. 1475—1605 гг. Т. 2, Ч. 1. С. 18, 39, 42—43, 109, 113; Ч. 3. М., 1982. С. 464, 466, 474, 479—480; Т. 3, Ч. 1. М., 1984. С. 62, 75—76, 83; Ч. 2. М., 1987. С. 159; *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С. 68—69.

[20] *Фирсов Н.А.* Указ. соч. С. 168.

[21] История Марийского края, С. 48—49.

[22] *Штаден Г.* Указ. соч. С. 82.

[23] *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 29.

[24] *Спицин А.А.* К истории вятских инородцев // Вятский календарь и памятная книжка на 1889 г. Вятка, 1888. С. 52; Легенды и предания // Записки Удмуртского НИИ. Вып. 10. Ижевск, 1941. С. 91.

[25] *Насыри К.* Избранные произведения. Казань, 1977. С. 42—43; *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. Ч. 2. Чебоксары, 1986. С. 36-37.

[26] ПКК. 1602—1603 гг. Казань, 1978. С. 15; *Мухамедьяров Ш.Ф.* Земельные правоотношения в Казанском ханстве. Казань, 1958. С. 22; *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 488, 496.

[27] *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. Ч. 2. С. 12—14.

[28] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 3, Т. 5. М., 1989. С. 530, 579, 581—582.

[29] ПСРЛ. Т. XIII. С. 305; Т. XX, Ч. 2. С. 599.

[30] ПСРЛ. Т. XIII. С. 318.

[31] *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен. Т. 5, Ч. 4. СПб., 1789. С. 52—55; *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. 3, Т. 6. С. 582.

[32] Там же.

[33] *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972. С. 20.

[34] *Щербатов М.М.* Указ. соч. Т. 5, Ч. 2. СПб., 1789. С. 188—189.

[35] ПСРЛ. Т. XXXI. С. 140; РК. 1475—1605 гг. Т. 2, Ч.2. М., 1982. С. 281—282; *Щербатов М.М.* Указ. соч. Т.5, Ч. 2. С. 284; *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л., 1948. С. 430.

[36] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Кн. 3, Т. 9. М., 1989. С. 109.

[37] *Усманов М.А.* Два послания султана Селима II в Москву и Бахчисарай // Эхо веков. 1995, май. С. 93—101.

[38] *Штаден Г.* Указ. соч. С. 61, 115.
[39] *Кунцевич Г.З.* История о Казанском царстве или Казанский летописец. СПб., 1905. С. 604.
[40] ДАИ. Т. 1. С. 175.
[41] *Штаден Г.* Указ. соч. С. 115.
[42] *Антилогов Г.Н.* Нижегородские документы XVI века (1588-1600 гг.). М., 1977. С. 103, 191, 200, 208.
[43] АИ. Т. 1. С. 400—401.
[44] АЗР. С. 165.
[45] ДАИ. Т. 1. С. 175-176.
[46] ПСРЛ. Т. XXXIV. С. 226; РК. 1475—1605 гг. Т. 2, Ч. 2. С. 335—336.
[47] ПДРВ. Ч. 11. С. 214, 276.
[48] РК. 1475—1605 гг. Т. 2, Ч. 2. С. 336.
[49] АЗР. С. 164, 185; ПДРВ. Ч. 11. С. 179.
[50] Там же. С. 214, 276.
[51] РК. 1475—1605 гг. Т. 2, Ч. 2. С. 347—350.
[52] *Штаден Г.* Указ. соч. С. 115.
[53] История Марийского края, С. 47—49.
[54] РК. 1475—1605 гг. Т. 2, Ч. 2. С. 350.
[55] АЗР. С. 165—166, 168, 170.
[56] *Штаден Г.* Указ. соч. С. 115.
[57] АИ. Т. 1. С. 354.
[58] ДРВ. Ч. 18. М., 1791. С. 85.
[59] *Штаден Г.* Указ. соч. С. 115.
[60] *Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 398.
[61] *Флетчер Д.* О государстве Русском. СПб., 1905. С. 73.
[62] *Масса И.* Указ. соч. С. 29.
[63] *Тихомиров М.Н.* Россия, С. 436.
[64] *Димитриев В.Д.* Пресечение «шатости и смуты» ясачных крестьян как одно из основных направлений политики царского правительства в Среднем Поволжье в XVII веке (По наказам воеводам) // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в периоды феодализма и капитализма. Чебоксары, 1982. С. 12—19.
[65] ДРВ. Ч. 19. М., 1791. С. 7—8.
[66] Там же. С. 8-9.
[67] История Марийского края, С. 112—119; О распространении произвола служилых людей в Среднем Поволжье подробнее см.: *Димитриев В.Д.* Пресечение «шатости и смуты», С. 12—19.
[68] РГАДА. Ф. 127. Ногайские дела. Кн. 9. л. 152-153 об., 160.
[69] *Сепеев Г.А.* Восточные марийцы. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX—начало XX вв.). Йошкар-Ола, 1975. С. 41.
[70] *Преображенский А.А.* Указ. соч. С. 23; *Шошонко В.Н.* Пермская летопись. Ч. 1. Пермь, 1881. С. 73.
[71] *Горсей Д.* Записки о России XVI—начала XVII в. М., 1990. С. 51.
[72] *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Кн. 3, Т. 9. С. 246; *Щербатов М.М.* Указ. соч. Т.5, Ч. 3. СПб., 1789. С. 212.
[73] ПДРВ. Ч. 11. С. 175—181, 184, 189, 192—193, 198—199, 202, 208—209, 248, 262—263, 272—273, 309; РГАДА. Ф. 127. Ногайские дела. Кн. 8. л. 210 об., 214 об., 227, 231 об., 234 об., 269 об. -271 об., 274 об. -275, 285 об., 332, 339 об. -340, 346 об. -349, 391; Кн. 9. л. 15, 86—87, 91 об. -92 об., 95—96, 159; Кн. 10. л. 61 об., 131 об.
[74] РГАДА. Ф. 127. Ногайские дела. Кн. 9. л. 152—153 об., 160.
[75] Там же. Кн. 10. л. 30 об. -31 об., 58 об., 61 об. -65, 68, 86 об., 140, 146 об. -154, 160 об. -169, 172—174 об., 256—256 об., 258, 267, 273—280; Ф. 123. Крымские дела. Кн. 19. л. 251; *Новосельский А.А.* Указ. соч. С. 432.
[76] РГАДА. Ф. 127. Ногайские дела. Кн. 9. л. 290—291 об., 269 об.
[77] Сибирския летописи. СПб., 1907. С. 9—10, 57—58.

[78] РК. 1475—1605 гг. Т. 3, Ч. 1. С. 208.

[79] ПСРЛ. Т. XIV. С. 3.

[80] *Петрей П.* История о Великом княжестве Московском, // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. Кн. 4. М., 1865. С. 44.

[81] *Верещагин А.С.* Суздальско-нижегородские князья в истории древней Вятки. Вятка, 1906. С. 14.

[82] *Антилогов Г.Н.* Указ. соч. С. 6—21, 24—35, 43—44, 47—48, 51—59, 62—63, 66, 110—113, 118, 122, 125, 126, 206, 270, 272, 273, 340, 394; См. также: *Шумаков С.А.* Материалы для истории Нижегородского края. Вып. 1. Нижний Новгород, 1898. С. 15.

[83] РК. 1475—1605 гг. Т. 3, Ч. 2. М., 1987. С. 7, 14.

[84] *Новосельский А.А.* Указ. соч. С. 34.

[85] РК. 1475—1605 гг. Т. 3, Ч. 1. С. 224.

[86] Там же. С. 220, 224, 225; Ч. 2. С. 5—7.

[87] ПКК. 1602—1603 гг. С. 158, 172—173; Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР (вторая половина XVI—середина XVII вв.). Казань, 1990. С. 50.

[88] ПСРЛ. Т. XIV. С. 34.

[89] *Петрей П.* Указ. соч. С. 29.

[90] ПСРЛ. Т. XIV. С. 34.

[91] *Кунцевич. Г.З.* Указ. соч. С. 604.

[92] РК. 1475—1605 гг. Т. 3, Ч. 2. С. 23.

[93] РК. 1559—1605 гг. М., 1974. С. 195, 197—199.

[94] ПСРЛ. Т. XXXIV. С. 229.

[95] РК. 1559—1605 гг. М., 1974. С. 201.

[96] *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Кн. 3, Т. 9. С. 246.

[97] *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. 4, Т. 7. М., 1989. С. 196—197.

[98] *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Кн. 3, Т. 10. прим. 30.

[99] *Тихомиров М.Н.* Малоизвестные летописные памятники конца XVI в. // Исторические записки. 1941, № 10. С. 94.

[100] *Сануков К. Н.* О дате основания города Йошкар-Олы // ВИ. 1965, № 1. С. 211—214; *Он же.* Основание города Царевококшайска // Страницы истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1970. С. 3—9; *Он же.* Царёв город на Кокшаге // Йошкар-Ола. Очерки о столице Марийской республики. Йошкар-Ола, 1984. С. 23—39; *Он же.* Основание Царёва города на Кокшаге // Из истории Йошкар-Олы. Йошкар-Ола, 1987. С. 5—19; *Андреянов А.А.* Город Царевококшайск: Страницы истории (конец XVI—начало XVIII века). Йошкар-Ола, 1991. С. 6—36; *Он же.* Город на Малой Кокшаге: Современный взгляд на начальную историю // Марий Эл: вчера, сегодня, завтра. 1994, № 2. С. 60—67.

[101] РК. 1559—1605 гг. С. 213.

[102] *Карамзин Н.М.* Указ. соч. Кн. 3, Т. 10. С. 14—15.

[103] *Щербатов М.М.* Указ. соч. СПб., 1789. Т. 6, Ч. 1. С. 14.

[104] ПСРЛ. Т. XIV. С. 36.

[105] *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. Т. 7, М., 1951. С. 228.

[106] РК. 1475—1605 гг. Т. 3, Ч. 2. С. 64—65.

[107] Там же. Ч. 3. С. 24—25.

[108] *Масса И.* Указ. соч. С. 36.

[109] Там же; РК. 1475—1605 гг. Т. 3, Ч. 3. С. 25.

[110] Марийские народные сказки. Йошкар-Ола, 1984. С. 9-13; *Попов Н.С.* Православие в Марийском крае. Йошкар-Ола, 1987. С. 28-29; Сб. материалов марийского исторического фольклора, составленный А.М. Бердниковым. НРФ. МарНИИ. Оп. 1, № 328. л. 75—79.

[111] *Телешов Н.* Живой камень // Марийский край, земля Онара. М., 1989. С. 19—21.

[112] Проезжая по Московии. М., 1991. С. 172—176.

Заключение

Жестокий и кровавый XVI век стал поворотным в истории Марийского края и всего Поволжья. По воле своей исторической судьбы марийский народ оказался в эпицентре происходивших на востоке Европы событий и был втянут в противоборство между Россией, Казанским, Астраханским, Сибирским и Крымским ханствами, Ногайской ордой и Османской империей. Однако марийцы не стали послушными исполнителями чужой воли. Вступив на политическую арену, они сыграли в XVI в. заметную роль, заставив считаться с собой всех соседей, включая и могущественные державы. Ожесточенным и длительным сопротивлением левобережные марийцы значительно затруднили утверждение Российского государства в Поволжье и Приуралье. Переход же на сторону России горных марийцев, чуваш, мордвы и части татар коренным образом изменил соотношение сил в регионе в пользу последней.

Как же объяснить этот черемисский феномен? Почему марийцы проявили невиданное, поражавшее современников, упорство в сопротивлении завоеванию? Почему ни один другой народ Поволжья, даже привычные к военному делу и более многочисленные татары , имевшие к тому же и свою государственность, не явили столько воли к сопротивлению как марийцы?

По нашему мнению, разгадка черемисского феномена кроется в уникальности социально-политического строя, присущего марийскому обществу. В XIII—XVI вв. в нем протекал процесс разложения родовых и становления классовых отношений, большое значение имела военно-демократическая организация, при которой еще сохранялся коллективизм и первобытная демократия, хотя уже заметную силу приобрела власть военных вождей. На этом этапе социального развития народы обычно обладают повышенной воинственностью. Объединенные в военные союзы, марийские племена представляли внушительную силу, с которой нельзя было не считаться. Из-за своего геополитического положения марийцы длительно взаимодействовали с феодальными системами Восточной Европы — Русью, Волжской Булгарией, Золотой ордой и Казанским ханством. Они формально признавали над собой власть могущественных соседей, уплачивали им какую-то дань и в то же время вступали с ними в союзные и конфедеративные отношения и использовали имевшиеся между ними противоречия для сохранения собственной самостоятельности. Этому в немалой степени способствовали значительный военный потенциал левобережных марийцев и слабость экономической базы, что исключало Марийский край (Левобережье) из числа привлекательных для феодальной эксплуатации областей. Естественно, самостоятельность марийцев была ограничена известной «автономией» и зависела, главным образом, от равновесия сил между Русью и Казанским ханством. Как только в сере-

дине XVI века оно было нарушено, возникла неотвратимая угроза утраты марийцами независимости.

Играя исключительно важную роль в происходивших в Поволжье событиях, марийцы, между тем, не вписывались в феодальную систему ни России, ни Казанского ханства. Они совершенно по-иному отнеслись к факту присоединения Поволжья к России, чем прочие народы региона. Татары, несмотря на утрату собственной государственности, очень быстро, в соответствии с этикой феодального вассалитета, стали воспринимать Россию не как этнического врага, а как могущественного феодального сеньора-покровителя. Это объясняет кажущееся парадоксальным относительно слабое участие татар в антироссийских восстаниях второй половины XVI в. и их массовое поступление на царскую службу. Для марийцев же, еще не порвавших с родовым строем, многие принятые в феодальных обществах этические принципы, правила и законы не были приемлемы. Их мировоззрение неразрывно связывало утрату независимости с крушением всего того мира, которым они жили. Неприятие новых реалий выразилось в длительном и ожесточенном сопротивлении, оказанном могущественному феодальному государству. Стремясь защитить свой мир, марийцы упорно боролись против всего, что ассоциировалось с завоевателями. Источники зафиксировали факты расправы не только с русскими воинскими людьми, но и с мирными крестьянами даже на удаленных от края территориях. Это вызывало ответные, не менее жестокие карательные действия царских войск. Самоотверженно отстаивая свою свободу и самобытность, марийцы остались одни и потерпели поражение.

В конкретных политических условиях середины XVI в., оказавшись в центре столкновений интересов сразу нескольких феодальных государств, Марийский край неизбежно должен был очутиться под властью одного из них. Для создания собственного национального марийского государства не имелось ни сил, ни экономических и политических условий, и само марийское общество еще не достигло необходимой социальной зрелости для этого. Победителем в этой напряженной борьбе вышло наиболее могущественное и передовое Российское государство, сумевшее привлечь на свою сторону часть поволжского населения, в том числе и горных марийцев.

Трагедия народа заключалась в том, что интересы горных и луговых марийцев диаметрально расходились, из-за чего в ходе борьбы за Поволжье они оказались по разную сторону баррикад. Левобережные марийцы упорно боролись с завоевателями, в то время как горные марийцы встали на сторону России и воевали против своих соплеменников. Тем не менее и те, и другие сражались за интересы марийского народа, только обстоятельства распорядились так, что они связали свою судьбу с различными политическими силами.

Значение присоединения Марийского края к России невозможно определить как однозначно положительное или отрицательное. В результате продолжительных военных конфликтов десятки, а может быть, и сотни тысяч марийцев погибли, попали в плен и были уведены в рабство, вынуждены были навсегда покинуть родину и переселиться на Урал и иные

места. Экономике края, культуре и самобытности народа был нанесен ощутимый урон. Установившаяся со временем эксплуатация крепостнического государства заметно ухудшила жизнь народа.

В то же время следует отметить, что вплоть до XVIII в. царская политика в отношении народов Поволжья в области социальных отношений, экономики и фиска отличалась известным прагматизмом и гибкостью, а в религиозной сфере веротерпимостью. Однако поволжскими народами и, особенно, левобережными марийцами она воспринималась первое время (минимум до начала XVII в.) как насильственное иноземное господство, навязывание чуждых социальных и административных порядков, культуры и религии.

Позитивные последствия присоединения Марийского края к России проявились не сразу, лишь в XVII—XVIII вв. Полагаю, что основное прогрессивное значение присоединения заключается в прекращении разорительных как для русского народа, так и для народов Поволжья войн, что создало благоприятные условия для мирной жизни, развития экономики и культуры.

Значение присоединения народов Среднего Поволжья к России достаточно полно исследовано С.Х. Алишевым в его докторской диссертации и изданной на ее материале монографии. Он указывает на то, что вхождение Среднего Поволжья в состав Российского государства способствовало развитию народного хозяйства, культуры и социальных отношений. Произошло ускорение развития производительных сил. Начался подъем сельского хозяйства, выразившийся в расширении пашенных площадей, в повсеместном переходе от пёстрополья к трёхполью, взаимозаимствовании народами приемов и навыков ведения хозяйства, типов орудий труда. Получило распространение огородничество, пчеловодство и свиноводство. В XVII—XVIII вв. Среднее Поволжье стало одним из передовых хлебных районов страны, осуществлявшем вывоз хлеба на продажу.[1]

В XVI—XVII вв. произошло дальнейшее расширение лесных промыслов. И хотя запрет на металлообработку основательно затормозил развитие ремесла у народов региона, разнообразные виды ремесленного производства получили широкое распространение среди русского посадского населения в городах Кокшайске, Козьмодемьянске и Царевококшайске. Эти города являлись не только административными центрами и крепостями, но неизбежно превратились в экономические и культурные центры, к которым тяготело местное марийское население.[2]

С 70-х гг. XVI в. стала налаживаться торговля. Развивались товарно-денежные отношения, постепенно складывался всероссийский рынок. Марийский край поставлял хлеб, пушнину, кожу, продукты лесных промыслов и ремесла. Разнообразными стали формы торговли, в крае проходили ярмарки, функционировали базары и торжки. Развитие экономики и торговли способствовало разложению натурального хозяйства.[3]

Включение Марийского края в состав феодального Российского государства ускорило социальные процессы в марийском обществе, способст-

вовало перерастанию патриархально-феодальных отношений в развитые феодальные.[4]

Заметно сказывалось русское культурное влияние. Оно проявлялось в заимствовании типов жилищ, предметов быта, в одежде и пище, использовании принятых в России календаря и системы мер. Совместное проживание с русскими способствовало распространению среди марийцев русского языка, посредством которого марийский народ приобщался к достижениям европейской культуры. В конце XVIII в. на основе кириллицы была создана марийская письменность.[5] Присоединение края к России способствовало распространению среди марийцев образования. Уже во второй половине XVI в. в Среднем Поволжье появились первые новокрещенские миссионерские школы, в которых вместе с чувашскими, удмуртскими и татарскими обучались и марийские дети.[6]

Как и другие народы, марийцы относительно быстро были вовлечены в интеграционный процесс. Россия не была для одних народов доброй матерью, а для других злой мачехой. Российская империя строилась по классовому, а не по национальному принципу. Поэтому для марийцев, как и для иных, населяющих Россию, народов, нашлось свое место. Пришедшие в Среднее Поволжье русские не выступили в роли «народа-господина» и поэтому не встретили ответной враждебной реакции. Между русским и марийским народами, несмотря на все ужасы предшествующей эпохи, не возникло стены отчуждения, а, напротив, стало выковываться звено связи, усиливающее Россию и придающее ей, по мере роста многонациональности, твердость монолита. Уже к концу XVI в. в крае исчезли сепаратистские тенденции и проявления этнофобии в отношениях между марийцами и русскими. Конец XVI и начало XVII в. дали замечательные примеры новых явлений в сфере национальных отношений. В 1593 г. казанский митрополит Гермоген жаловался царю Федору Ивановичу, что «многие де русские полоняники и неполоняники живут у татар, и у черемисы, и у чуваш, и пьют с ними, и едят с одного, и женятся у них».[7]

В годы «смутного времени», когда страна была охвачена антифеодальными восстаниями, марийцы вместе с русским и другими народами России поднялись на борьбу против социального угнетения.[8] Когда же потребовалось изгнать из России польско-литовских интервентов, народы Поволжья встали на защиту родины. В 1612 г. казанцы писали пермичам, что «всякие люди Казанского государства согласились с Нижним Новгородом и со всеми городами поволжскими, с горными и луговыми, с горными и луговыми татарами и луговою черемисою на том, что нам быть всем в совете и в соединенье, за Московское и Казанское государство стоять...»[9] Тысячи марийцев, татар, чуваш, мордовцев и других представителей нерусских народов влились в войска воевод Ф.И. Шереметева, Д.Т. Трубецкого, Д.М. Черкасского и В.П. Морозова, в ополчения П. Ляпунова, Д. Пожарского и К. Минина.[10]

Во время Северной войны 1700—1721 гг. и Отечественной войны 1812 г. поволжское ополчение, в составе которого были и уроженцы Марийского края, участвовало в защите родины, героически сражалось с многочис-

ленными интервентами. Это означало, что Марийский край органично слился с многонациональным Российским государством, разделив с ним в дальнейшем его полную драматизма судьбу.

* * *

[1] *Алишев С.Х.* Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI—начало XIX в. М., 1990. С. 110—122.

[2] Там же. С. 132, 167.

[3] Там же. С. 156—166.

[4] Там же. С. 201.

[5] Там же. С. 203—213.

[6] *Воскресенский Г.* Историческое описание памятника сооруженнаго в воспоминание убиенных при взятии Казани воинов на Зилантовой горе. Казань, 1833. С. 47.

[7] История Марийского края в документах и материалах. Эпоха феодализма. Вып. 1. Йошкар-Ола, 1992. С. 53; См. также: КИ. С. 162.

[8] История Марийского края, С. 58—102.

[9] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 4, Т. 7. М., 1989. С. 636.

[10] *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI- начало XIX в.). Чебоксары, 1986. С. 180—218; *Алишев С. Х.* Указ. соч. С. 190—191.

Принятые сокращения

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках Российской империи археографической экспедицией императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 1.

АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 3. СПб., 1848.

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 1.

ВИ — Вопросы истории.

ДАИ — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1846. Т. 1.

ДРВ — Древняя российская вифлиофика.

ИА — Исторический архив.

КИ — Казанская история. М.-Л., 1954.

МАВ — Марийский археографический вестник.

НРФ МарНИИ — Научный рукописный фонд Марийского научно-исследовательского института языка, литературы, истории.

ПДРВ — Продолжение древней российской вифлиофики.

ПКК. 1565—1568 гг. — Материалы по истории Татарской АССР. Вып. 2. Писцовые книги города Казани 1565-1568 гг. и 1646 г. Л., 1932. 209 с.

ПКК. 1602—1603 гг. — Писцовая книга Казанского уезда 1602—1603 годов. Казань, 1978. 240 с.

ПКС — Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565—1567 гг.). Казань, 1909. 143 с.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. СПб.-М., 1841-1995. Т. 1—41.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.
РК — Разрядная книга
Сб.РИО — Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб.,-Пг., 1867-1916.
Тр.ЧувНИИ — Труды Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории.
УЗ КГПИ — Ученые записки Казанского государственного педагогического института.
УЗ КГУ — Ученые записки Казанского государственного университета.
УЗ ЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета.
УЗ МарНИИ — Ученые записки Марийского научно-исследовательского института языка, литературы, истории.
ЦК — Царственная книга, т.е. летописец царствования царя Иоанна Васильевича от 7042 г. до 7061 г. СПб., 1769.

Словарь устаревших терминов

Алатская даруга (дорога) — административно-территориальная единица в Казанском ханстве и уезде.
Аманаты — заложники.
Бобровые гоны — места промысла бобров, за пользование которыми крестьяне вносили платежи в казну.
Бортные ухожаи — леса, где имелись бортные деревья, и за пользование которыми крестьяне уплачивали специальные налоги.
Борть — гнездо диких пчел в дупле дерева.
Бояре — высший разряд служилых людей.
Верстание — распределение, зачисление на военную службу с назначением денежного, натурального и поместного оклада.
Вину отдать — простить.
Воевода — командующий войсками, правитель города и уезда.
Волость — административная единица, часть уезда.
Воровство — противозаконное действие.
Вотчина — земельное владение, принадлежащее феодалу потомственно с правом продажи, залога, дарения.
Вотяки — удмурты.
Галицкая даруга (дорога) — административно-территориальная единица в Казанском ханстве и уезде.
Голова — выборный или назначенный человек, стоящий во главе дела.
Городовое дело — повинность по заготовке строительного материала, строительству и ремонту городских построек и укреплений.
Дань — натуральный или денежный побор, взымавшийся с покоренных.
Дача — реальный надел поместного владения в отличие от оклада.
Деревня — небольшое земледельческое поселение без церкви.
Десятина — площадь земли равная в XVI—XVII вв. 11 197, 44 м^2.

Десятник — выборная должность в крестьянской общине.
Дети боярские — низший разряд служилого дворянства, мелкие помещики.
Дикое поле — нераспаханная степь на юге страны.
Дьяк — чиновник, занимающийся делопроизводством в приказах и приказных избах.
Есмь, есми — я, мне.
Еси — ты.
Житие — жизнеописание святого, как правило, монаха, реже выдающегося государственного деятеля.
Зело — очень, сильно, весьма.
Иже — так как, который.
Имати — брать, получать, взимать, ловить.
Казаки — в XV—XVII вв. термин имел множество значений. Так называли всех вольных людей. Наиболее распространены следующие значения: русские гулящие люди, живущие в южнорусском пограничье и объединенные в станицы во главе с атаманами; отколовшиеся от своих орд группы тюркских (татарских) воинов, впоследствии слившиеся с русскими и украинскими казаками, казаками называли и тех татар, которые поступили на русскую службу и не подчинялись непосредственно служилым татарским царям и царевичам; служилые люди по прибору, несущие службу в пограничных городах; работающие по найму на промыслах; низшее служилое сословие в Казанском ханстве, сформировавшееся преимущественно за счет притока татар-казаков из поволжских степей.
Кормление — система натурального жалованья княжеским сборщикам налогов, а также содержание некоторых категорий должностных лиц (наместников, волостелей, воевод), несущих службу в пользу князя за счет местного населения. Из-за участившихся злоупотреблений со стороны кормленников эта система была ликвидирована земской реформой 1556 г.
Мздоимство — взяточничество, вымогательство.
Мних — монах.
Мор — эпидемия.
Мошна — мешок для денег, кошелек, сумка.
Набег — внезапное нападение, кратковременное вторжение и разграбление территории.
Наипаче — тем более, в особенности.
Наряд — артиллерия.
Насад — речное судно с надстроенными бортами.
Недоросль — дворянин, не достигший совершеннолетия и не несущий службы.
Новокрещены — принявшие православие.
Оклад — размер земельного, денежного и натурального жалованья, назначаемого служилому человеку за службу, в зависимости от чина и рода службы.
Орать — пахать.

Острог — укрепление, крепость, тюрьма.
Отдать вину — простить.
Пищаль — тяжелое ружье и артиллерийское орудие.
Поганые — язычники, нехристиане.
Подьячий — приказной служитель, делопроизводитель в приказных избах.
Полон, полоняник — плен, пленник.
Поместье — земельное владение, данное за военную или иную государственную службу в пожизненное владение.
Посад — часть города, где проживали ремесленники и торговцы, располагался перед кремлем.
Посул — обещание взятки.
Пошлина — налог, взимаемый за провоз товара и прогон скота.
Пустошь — заброшенная пашня или поселение.
Село — поселение с церковью и усадебным домом боярина, дворянина.
Служилые люди по отечеству — бояре, дворяне, дети боярские, обязанные службой и получающие жалованье в виде земли, хлеба и денег.
Служилые люди по прибору — стрельцы, пушкари, воротники, затинщики, городовые казаки и др. Призывались на службу из низших сословий. Получали хлебное и денежное жалованье, иногда небольшой земельный надел, имели ряд льгот по уплате налогов и выполнению повинностей. В свободное от службы время разрешалось заниматься ремеслом и торговлей.
Сотник — выборная должность в крестьянской общине.
Стоять на костях — метафорическое выражение, означающее победу.
Сыск — расследование, следствие.
Толмач — переводчик.
Тягло — подать, повинность.
Ужище — веревка.
Улус — волость, округ в мусульманских ханствах, подчиненный князю.
Ушкуйники — речные пираты, плававшие на больших легких плоскодонных лодках на веслах и под парусом.
Челобитная — прошение, жалоба.
Четверть (четь) — площадь земли, равная 0, 5 десятины.
Черемисы — марийцы, в некоторых случаях также чуваши и удмурты.
Шерть — присяга мусульманских правителей.
Ярлык — грамота в татарских ханствах.
Юрт — мусульманское владение, страна.
Ясачные люди — государственные, преимущественно нерусские крестьяне, платящие особый налог ясак.

Хронологическая таблица

1372 — возведение на р. Суре г. Курмыша.
1374 — нападение на Горную сторону ушкуйников.
1377 — набег Араб-шаха на Русь, разгром русского войска на р. Пьяна,

взятие татарами Нижнего Новгорода, разграбление нижегородских земель и Засурья.

1392 — разграбление ушкуйниками Казани и Жукотина, получение великим князем Василием I от хана Тохтамыша ярлыка на Нижегородское и Муромское княжества.

1393 — карательный поход ордынского царевича Бектута на Вятку по приказу хана Тохтамыша, подчинение Нижегородского княжества московскому великому князю Василию I.

1398, октябрь — взятие Нижнего Новгорода князем Семеном Дмитриевичем и татарским царевичем Ентяком.

1398/99 — поход галичского князя Юрия Дмитриевича в Среднее Поволжье, взятие Булгара, Казани, Кременчуга, Жукотина.

1407 — Занятие Булгара ордынским князем Едигеем.

1408, сентябрь-декабрь — нашествие Едигея на Русь.

1409 — неудачный набег ушкуйников во главе с Анфалом на Среднее Поволжье.

1410 — приглашение булгарами ордынских феодалов Уруса, Каирбека и Алтынчбея.

3 июля — захват и разграбление нижегородцами и царевичем Талычой Владимира.

1411, января 15 — битва при Лыскове острове между московским и нижегородско-казанским войском, поражение москвичей.

1417 — восстановление контроля московского князя над Нижним Новгородом.

1428/29 — набег татар, булгар и марийцев на Галич, Кострому, Лух, Плесо, Юрьевец, Кинешму.

1429/30 — засуха и эпидемия моровой язвы и чумы в Поволжье.

1431 — поход московского воеводы Федора Давыдовича Пестрого на булгар.

1438-1445 — образование Казанского ханства.

1445 — разгром русских войск под Суздалем казанцами, пленение великого князя Василия II.

1452 — поход княжича Ивана Васильевича на Кокшенгу.

1458 — неудачный поход московских войск на Вятку.

1459 — поход московских войск на Вятку, вятчане признали номинальную зависимость от Москвы.

1461-1462 — русско-казанская война.

1467-469 — русско-казанская война.

1467, осень — неудачный поход служилого царевича Касима на Казань. Набег татар на Галич.

1467/68, зима — поход русских войск на марийцев.

1468, весна — татарско-марийский набег на Устюжский уезд;

лето — действия русских ладейных ратей на Волге, Вятке, Каме и Белой. Казанский поход на Вятку.

1469, апрель — набег казанцев на костромские и муромские земли;

май-сентябрь — поход русских войск на Казань.

1471 — набег вятчан на Сарай.
1475 — ограбление и убийство казанцами русских купцов на Каме.
1477-1478 — русско-казанская война. Поход хана Ибрагима на Вятку. Ответный поход русских войск на Казань.
1484 — поход русских войск на Казань, смещение хана Али и возведение на ханство московского вассала Мухаммед-Эмина.
1485 — замена на ханстве Мухаммед-Эмина на Али.
1486 — новая смена хана, Али бежал в Ногайскую орду, на ханство возведен Мухаммед-Эмин. Вскоре он был изгнан пришедшим с ногайским войском Али.
1487, 11 апреля-9 июля — поход русских войск на Казань, разгром ногайцев, капитуляция Али, возведение на престол Мухаммед-Эмина, установление над Казанским ханством московского протектората.
1489 — поход московских и казанских войск на Вятку, подчинение Вятки Москве.
1496 — антирусский заговор в Казани, приход сибирского царевича Мамука, занятие Казани, изгнание Мухаммед-Эмина.
1497, апрель — изгнание казанцами хана Мамука, приглашение на ханство из Москвы царевича Абдул-Латифа.
1502, январь — смещение хана Абдул-Латифа, возвращение на ханство Мухаммед-Эмина.
1505-1507 — русско- казанская война, прекращение московского протектората над ханством;
24 июня — переворот в Казани, избиение русских купцов;
август — неудачный поход казанско-ногайского войска на Нижний Новгород и Муром.
1506, апрель-июнь — поход русских войск на Казань;
22 мая — неудачный штурм Казани;
25 июня — разгром русских войск под Казанью.
1507, март — начало мирных переговоров и заключение мира.
1518, декабрь — смерть хана Мухаммед-Эмина.
1519, апрель — возведение на ханство вассала Москвы касимовского царевича Шах-Али, возобновление протектората над ханством.
1521-1524 — русско-казанская война, ликвидация московского протектората.
1521, весна — переворот в Казани, изгнание Шах-Али, возведение на ханство крымского царевича Сахиб-Гирея, вторжения на Русь, крымско-ногайско-казанский поход на Москву.
1522 — набеги казанцев на Галич, Вятку и иные русские волости.
1522/23, зима — мирные переговоры.
1523, весна — взятие ногайцами и крымцами Астрахани, прекращение мирных переговоров, избиение русского посольства в Казани;
сентябрь — поход русских войск на ханство, строительство Васильсурска.
1524 — отъезд хана Сахиб-Гирея в Турцию, возведение на ханство крымского царевича Сафа-Гирея, попытка объявления вассальной зависимости Казанского ханства от Турции;

май- август — поход русских войск на Казань;
июль — разгром черемисами флотилии И. Палецкого и уничтожение конного отряда на Горной стороне;
28—30 июля — сражение между казанцами и русскими на Итяковом поле, поражение казанцев.
1524–1530 — мирные переговоры.
1526 — попытка депортации марийцев из пограничных с ханством областей на западные границы.
1530, апрель- август — русско-казанская война, поход на Казань;
15 июля — взятие русскими казанского острога;
осень — возобновление мирных переговоров.
1532 , январь-февраль — вторжение казанских войск в северные русские волости;
весна — антикрымский переворот в Казани, изгнание хана Сафа-Гирея;
29 июня — поставление на ханство московского вассала касимовского царевича Джан-Али, возобновление русского протектората.
1534 — участие казанских войск в войне с Литвой на стороне России;
лето-осень — нападения татар и черемис на Вятку, Галич и Унжу.
1534/35, зима — нападение казанцев на нижегородские места.
1535, сентябрь — переворот в ханстве, убийство Джан-Али, избиение всех русских, возвращение в Казань Сафа-Гирея;
октябрь — набег казанцев на Галич, Унжу и другие волости;
декабрь — нападение казанцев на Нижний Новгород и Балахну.
1536, лето — набег казанцев на галицкие места, поражение русского войска.
1536/37, зима — поход Сафа-Гирея на Муром, набег казанцев на северные русские волости.
1537 — поход Сафа-Гирея на Муром и Нижний Новгород.
1537/38, зима — набеги казанцев на Муром, Нижний Новгород, Кострому, Галич, Вологду и иные северные волости.
1538 , 10 мая — начало мирных переговоров.
1539, осень — прекращение мирных переговоров, поход Сафа-Гирея на Муром и нижегородские места, взятие князем Чюрой Нарыковым Жиланского городка.
1540, февраль-март — набег князя Чюры Нарыкова на костромские места, поражение русских войск;
декабрь — неудачная осада Сафа-Гиреем Мурома, успешная вылазка муромцев, разгром касимовцами ногайцев.
1541, сентябрь — набег казанцев на Нижний Новгород, разгром русского отряда.
1541/42, зима — объединенный поход казанско-крымско-ногайского войска во главе с Сафа-Гиреем на муромские, нижегородские, владимирские места, на Стародуб и Ряполов.
1542 — нападение татар и черемис на Вятку, Устюг и Дымково, разгром татар вятчанами под Котельничем, попытка мирных переговоров.
1543 — поход Сафа-Гирея на Муром.

1544 — нападение татар и черемис на Нижний Новгород.
1544/45, зима — набег князей Амонака и Чюры Нарыкова на владимирские места, пленение Амонака под Гороховцом.
1545, апрель-май — поход русских войск на Казань.
1546, январь — антикрымский переворот в Казани, бегство Сафа-Гирея;
весна — неудачная попытка Сафа-Гирея с помощью астраханцев захватить Казань;
13 июня — возведение на ханство Шах-Али;
июль — бегство Шах-Али в Россию, начало междоусобицы в Казани;
август-сентябрь — возвращение в Казань Сафа-Гирея с ногайским войском, начало репрессий против оппозиции, массовое бегство казанцев в Россию и Ногайскую орду;
6—7 декабря — прием «посольства» горных людей в Москве.
1547, февраль — разведывательный поход русских войск через Горную сторону до Свияги.
1547/48, зима — поход на Казань, из-за оттепели русские не смогли доставить к Казани осадные орудия и ограничились разорением окрестностей.
1548, сентябрь — неудачное нападение татар на костромские места.
1549, март — набег князя Мамазера на Муром, смерть Сафа-Гирея, объявление ханом двухлетнего Утямыш-Гирея;
декабрь — разгром ногайского отряда, напавшего на Мещеру, касимовцами во главе с Шах-Али.
1549/50, зима — поход русских войск на Казань.
1551, май — поход русских войск на Казань;
24 мая — 30 июля — строительство Свияжска;
26 мая — обращение горных людей к Шах-Али и русским воеводам с просьбой о принятии их в российское подданство;
июнь — поездка посольства горных людей в Москву, переговоры с Иваном IV, мирное вхождение Горной стороны в состав России;
июль — поход горных людей на Казань;
август — бегство крымцев из Казани, смещение хана Утямыш-Гирея и регентши Сююмбики, возведение на ханство московского вассала Шах-Али.
1552, январь — проект мирного присоединения Казанского ханства с назначением в Казань русского наместника;
6 марта — бегство Шах-Али из Казани в Свияжск;
9 марта — антирусский переворот в Казани при попытке въезда в город русского наместника С.И. Микулинского;
весна — казанские нападения на Горную сторону, эпидемия среди русского гарнизона в Свияжске, восстание части горных людей;
16 июня — выступление русских войск из Москвы в поход на Казань;
23 августа — начало осады Казани войсками Ивана IV;
28 августа — нападение войска Япанчи на русских со стороны Арского поля;
30 августа — разгром войска Япанчи, Евуша и Шунак мурзы;

6 сентября — начало операции русских войск на Арской стороне, взятие укреплений на Высокой Горе;
8 сентября — занятие русскими Арска;
16 сентября — завершение операции на Арской стороне;
20 сентября — нападение марийцев на тылы русских войск;
2 октября — штурм и взятие Казани;
3 октября — направление к татарам, удмуртам, башкирам и марийцам гонцов с предложением о прекращении войны и с призывом о начале переговоров;
10 октября — мирные переговоры царя с представителями татар, удмуртов и марийцев, прекращение войны, юридическое вхождение Марийского края в состав России;
11 октября — отъезд Ивана IV из Казани в Москву, начало вывода войск;
ноябрь-декабрь — начало восстания в Среднем Поволжье, нападения черемис и чуваш на Горной стороне и «Тугаевых детей» под Казанью.
1553, январь — разгром отрядов стрельцов и казаков под Казанью;
февраль — вторжение восставших на Горную сторону, поражение отряда воеводы Б.И. Салтыкова-Морозова и его пленение;
весна-лето — блокада ладейной ратью Д.Ф. Адашева и казаками речных переправ на Волге, Каме и Вятке;
лето — неудачная попытка создания антирусской коалиции Крымского, Астраханского ханств и Ногайской орды и подготовка похода на Москву с целью поддержки восстания в Среднем Поволжье;
6 декабря — выступление русских войск из Нижнего Новгорода для подавления восстания;
1554, январь-март — действия правительственных войск против восставших по Каме, Вятке, Нурме, Уржумке и Илети, взятие Высокой Горы, Арска, Мешинского городка, поражение восставших, татары и удмурты прекратили сопротивление и били челом русским воеводам;
весна — безуспешные переговоры с марийскими повстанцами о прекращении восстания и размене пленными;
лето — начало междоусобной войны в Ногайской орде, неудачная попытка казанских воевод разгромить восставших марийцев силами татар и удмуртов, переход татарской знати на сторону восставших, избиение восставшими не пожелавших присоединиться к ним татарских и удмуртских крестьян;
2 июля — взятие русскими войсками Астрахани, свержение хана Ямгурчея и возведение на ханство московского вассала Дервиш-Али;
осень — подавление феодального мятежа на Арской и Побережной сторонах силами лояльного власти татарского и удмуртского населения при поддержке русских отрядов, уничтожение 1560 представителей феодальной казанской элиты.
1555, январь — карательная экспедиция русских войск в глубь марийских земель, разорение 22 волостей, разгром марийских повстанцев на Ветлуге;

февраль — неудачный набег марийских повстанцев на Арскую сторону, рейд Ф. Баскакова с отрядом горных людей по тылам восставших;
весна-осень — приглашение вождем марийских повстанцев Мамич-Бердеем царевича Ахполбея в качестве претендента на место казанского хана, создание казанской епархии, строительство Чебоксар.
1555/56, зима — безуспешный поход русских войск против марийских повстанцев, избиение марийцами ногайцев и казнь царевича Ахполбея.
1556, февраль — наступление марийских повстанцев на Арскую сторону, присоединение к восстанию татар и удмуртов, антирусский переворот в Астрахани;
весна — появление крымских войск вблизи русских границ;
март — поход Мамич-Бердея на Горную сторону и его пленение сотником Алтышем;
апрель — поход воеводы П.В. Морозова на Побережную сторону, взятие Чалымского городка;
май — поход воеводы П.В. Морозова на Арскую сторону;
лето — карательные операции царских войск на Арской и Побережной сторонах, за реками Ашит и Уржумка, разгром русскими войсками астраханцев, крымцев и турок в низовьях Волги, присоединение Астраханского ханства к России;
осень — подавление восстания татар и удмуртов, перенос боевых действий на марийские земли.
1556/57, зима — набег марийских повстанцев на Солигалич.
1557, апрель — неудачные нападения марийских повстанцев на Арскую и Горную стороны;
май — прекращение восстания, поездка марийских вождей в Москву, челобитье марийских крестьян, фактическое вхождение левобережной части Марийского края в состав России.
1558 — вторжение крымских отрядов на Горную сторону и их разгром.
1559 — неудачная попытка крымского отряда прорваться под Казань.
1560 — восстание луговых марийцев и татар.
1563 — обращение казанских людей, астраханцев и черкес к турецкому султану о помощи в борьбе против России.
1564 — обращение луговых черемис Лаиша и Ламбердея к крымскому хану с просьбой направить в Среднее Поволжье войска.
1565 — новое аналогичное обращение луговых черемис и татар, антирусское соглашение Крыма и Ногайской орды.
1568 — набег черемис на галицкие места, обращение к крымскому хану татарина и черемис Мустафы и Алиша с просьбой о посылке войск к Свияжску.
1569, лето-осень — неудачный турецко-крымский поход на Астрахань.
1571, лето — сожжение крымским ханом Девлет-Гиреем Москвы, набег ногайцев на Тетюши и Алатырь;
декабрь — восстание в Среднем Поволжье, начало Второй Черемисской войны.

1572 — набеги марийских повстанцев на пермские, вятские, нижегородские и костромские земли;
август — разгром крымско-ногайских войск под Москвой.
1572/73, зима — поход царских войск против восставших.
1573, весна — прибытие на помощь восставшим марийцам ногайского отряда во главе с мурзами Ямгурчеем, *Айшекулом*, *Абызом* и *Ширторой*;
лето — разгром восставшими карательного войска И.С. Туренина и Ф.М. Лобанова-Ростовского;
осень — подавление восстания в Нижнем Поволжье, разгром ногайского отряда, прибывшего на помощь марийцам, взятие казаками и служилыми людьми столицы Ногайской орды Сарайчика.
1573/74 — подготовка карательного похода против восставших, прекращение сопротивления населением Горной стороны.
1574 — нападения луговых марийцев и татар на Казань и Нижний Новгород;
апрель-май — поход царских войск на луговых марийцев, прекращение восстания, строительство первого в Марийском крае города Кокшайска.
1576 — операции судовой рати князя Тюфякина и головы Нарышкина против разбойных действий черемис на уральских реках.
1580 — прибытие к луговым марийцам ногайского посольства во главе с Баубеком Купчаком, предлагавшим предпринять совместное выступление.
1581, лето — восстание в Приуралье хантов и манси во главе с Бегбелием Агтаковым;
осень — восстание марийцев, начало Третьей Черемисской войны .
1581/82, зима — неудачная попытка свияжских и чебоксарских воевод подавить восстание, набеги восставших на нижегородские и вятские места.
1582, 15 января — перемирие с Польско-Литовским государством;
весна-лето — блокада царскими отрядами речных переправ на Волге, Каме и Вятке.
1 сентября — начало сибирской экспедиции Ермака.
1582/83, зима — походы карательных ратей, подавление восстания на Горной стороне.
1583, весна — строительство Козьмодемьянска.
лето — поход царских войск против восставших луговых марийцев.
1583/84, зима — поход царских войск на луговых марийцев.
1584, 18 марта — смерть царя Ивана Грозного;
август-сентябрь — поход царских войск против луговых марийцев, основание Царёва города на Кокшаге.
1585, весна-лето — строительство Царевосанчурска, прекращение восстания.
1591/92, зима — Четвертая Черемисская война, строительство Яранска.

Содержание

Введение ... 3
Историография и источники ... 4
Глава 1. **Марийцы в XIII—XVI веках** ... 29
Глава 2. **Марийцы под властью казанских ханов** ... 37
Среднее Поволжье в первой трети XV в. ... 37
Казанское феодальное государство ... 40
Луговая сторона в составе Казанского ханства ... 43
Горная сторона в составе Казанского ханства ... 44
Глава 3. **Марийцы и русско-казанские отношения во второй половине XV — первой четверти XVI вв.** ... 55
Глава 4. **Казанская война 1545—1552 гг. Присоединение горных марийцев к России** ... 69
Русско-казанские отношения в 20—30-е гг. XVI в. ... 69
Начало Казанской войны 1545—1546 гг. ... 90
Продолжение Казанской войны 1546—1551 гг.
Присоединение Горной стороны к России ... 95
Глава 5 **О причинах присоединения Среднего Поволжья к России** ... 107
Глава 6. **Окончание Казанской войны. Присоединение луговых марийцев к России** ... 123
Попытка мирного присоединения Казанского ханства к России.
Возобновление военных действий ... 123
«Казанское взятие» в исторических преданиях и легендах ... 130
Организация управления Казанским краем ... 134
Глава 7. **Первая Черемисская война 1552—1557 гг.** ... 139
Причины восстания ... 139
Борьба за свободу и независимость ... 145
Глава 8. **Марийский край в 60—90-е гг. XVI в.** ... 156
Марийский народ под властью русского царя ... 156
Вторая Черемисская война 1571—1574 гг. ... 161
Третья Черемисская война 1581—1585 гг. ... 166
Заключение ... 176
Принятые сокращения ... 180
Словарь устаревших терминов ... 181
Хронологическая таблица ... 183